
РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ПРУСС Н.М. – президент Университета управления «ТИСБИ», профессор, академик Российской Академии гуманитарных наук, академик Международной Академии Управления, Заслуженный работник высшей школы РФ, заведующая Международной кафедрой ЮНЕСКО, Национальный координатор проекта «Ассоциированные школы ЮНЕСКО» в Российской Федерации. Награждена Орденом Дружбы, имеет звания «Женщина-лидер, общественный деятель-2012», «Ректор года-2010, -2011, -2012 гг.», обладает Большой золотой медалью Яна Амоса Каменского.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ПОСТАЛЮК М.П. – д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории Университета управления «ТИСБИ», Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

АМИРОВ К.Ф. – советник Президента Республики Татарстан.

АРСЛАНОВА С.К. – канд. социол. наук, доцент НчФ Университета управления «ТИСБИ» (г. Набережные Челны).

БЕССОНОВА Л.А. – д-р филос. наук, профессор Университета управления «ТИСБИ» (г. Казань).

БИКУЛЛИН А.Л. – д-р экон. наук, профессор Университета управления «ТИСБИ» (г. Казань).

БОБИЕНКО О.М. – канд. пед. наук, доцент Университета управления «ТИСБИ» (г. Казань).

БУДОВИЧ Ю.И. – д-р экон. наук, профессор Университета финансов при Правительстве Российской Федерации (г. Москва).

ВАГИЗОВА В.И. – д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой банковского дела Института экономики и финансов К(П)ФУ (г. Казань).

ВЕДИН Н.В. – д-р экон. наук, профессор КНИТУ-КАИ им. А.Н. Туполева (г. Казань).

ВОРОБЬЕВА Л.Е. – д-р экон. наук, профессор Волгоградского государственного педагогического университета (г. Волгоград).

ЗАРИПОВА Д.А. – д-р экон. наук, профессор Альметьевского государственного нефтяного института.

КИРШИН И.А. – д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой менеджмента Института управления и территориального развития К(П)ФУ (г. Казань).

КОРОБОВ Ю.И. – д-р экон. наук, профессор Саратовского социально-экономического университета (г. Саратов).

МЕЗЯЕВ А.Б. – д-р юрид. наук, профессор Университета управления «ТИСБИ» (г. Казань).

МУРАТОВА Н.Г. – д-р юрид. наук, профессор Университета управления «ТИСБИ» (г. Казань).

МУХАМЕТЗЯНОВА Ф.Г. – д-р пед. наук, профессор, проректор по научной работе Университета управления «ТИСБИ» (г. Казань).

РОХЧИН В.Е. – д-р экон. наук, профессор Санкт-Петербургского университета экономики и финансов» (г. Санкт-Петербург).

ФАТКУДИНОВ З.М. – д-р юрид. наук, профессор Университета управления «ТИСБИ» (г. Казань).

ХАМИДУЛЛИН Ф.Ф. – д-р экон. наук, профессор Университета управления «ТИСБИ» (г. Казань).

ЦАРЕГОРОДЦЕВ Е.И. – д-р экон. наук, профессор Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола).

ЩЕЛКУНОВ М.Д. – д-р филос. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РТ, Лауреат премии Правительства РФ в области образования 2012 г., ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г. Казань).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Орджоникидзе Г.Э. – Ответственный секретарь Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, зам. директора Департамента международных организаций МИДа России (Россия, г. Москва).

Ивасив И.Б. – д-р экон. наук, профессор Киевского национального экономического университета (Украина, г. Киев).

Ковальчук К.Ф. – д-р экон. наук, профессор, декан факультета экономики и менеджмента Национальной металлургической академии Украины (Украина, г. Киев).

Мишаткина Т.В. – канд. филос. наук, доцент, профессор кафедры философии, социологии и экономики Международного государственного экологического университета им. А.Д. Сахарова, региональный эксперт ЮНЕСКО в области этики и биоэтики от Республики Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск).

Морозов А.В. – д-р пед. наук, профессор Евразийского открытого института (Россия, г. Москва).

Утц Донбергер – профессор, PhD, Университет Лейпцига директор Международной программы МВА (Германия, г. Лейпциг).

Фиц М. – д-р экон. наук, профессор факультета информатики и управления Политехнического университета (Польша, г. Вроцлав).

Цауркубуле Ж.Л. – д-р социол. наук, профессор Балтийского института психологии и менеджмента (Латвия, г. Рига).

УЧРЕДИТЕЛЬ:

УВО «Университет управления «ТИСБИ».

Статьи рецензируются и проверяются на плагиат.

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА.....	1
КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	5

ЮНЕСКО: ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, КУЛЬТУРА

Концепция федеральной целевой программы развития образования на 2016-2020 годы	7
ПРОХОРОВА Е.А. Социально-личностная компетентность как социокультурный феномен в контексте психолого-педагогического исследования	15
ТАХАУТДИНОВА М.Ю. Речевая культура как неотъемлемая часть будущего специалиста	22
СТЕНЯШИНА Л.Н. Формирование речевой культуры будущего бакалавра-менеджера в условиях вуза	27
ХАННАНОВА Д.М. Функции связочных глаголов.....	32

ЭКОНОМИКА

МИРОПОЛЬСКИЙ Д.Ю., ДЯТЛОВ С.А., НИНЦИЕВА Г.В., ТАРАСЕВИЧ А.Л. О новом курсе «Евразийская политическая экономия».....	38
РУМЯНЦЕВ М.А. Контуры евразийской политической экономии.....	63
ВЕДИН Н.В., ГАЗИЗУЛЛИН Н.Ф. Политэкономическое осмысление проблем евразийской цивилизации через призму неоднородности экономических систем.....	75
ПОГРЕБНЯК А.А. К критике евразийской политической экономии	93
ВАХИТОВ Д.Р. Перспективы реиндустриализации экономики РФ в условиях глобализации и нестабильности мировой экономической системы	104
ПОСТАЛЮК М.П. Факторы инноватизации локальных социо-эколого-экономических систем региона.....	131
ИКСАНОВА Л.Р. Влияние интеллектуальной собственности на инноватизацию российской экономики	141
ПОСТАЛЮК М.П., ВАЛЕЕВА Р.Р. Использование кластерного подхода в системе обеспечения инноватизации безопасности экономического пространства России	152
ГОРЯЧЕВ Д.Н., ВАРЛАМОВ С.В., ГОРЯЧЕВ Н.А. Инноватизация ценовой стратегии в стоматологической практике	160
УТКИНА Е.И. Программа GAUSSIAN 09 для проведения квантовых расчетов модифицированных устаревших и некондиционных промышленных продуктов	165

ГОРЯЧЕВ Д.Н., БАДЕРТДИНОВ И.И., ГОРЯЧЕВ Н.А. Частный сектор рынка стоматологических услуг и перспективы его развития..... 168

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

ИБРАГИМОВ Р.И. Некоторые актуальные проблемы современного правового государства на примере России..... 173

МУРАТОВА Н.Г., ХАСАНШИНА Р.Г. Формула возмещения вреда потерпевшему от преступления при принятии компенсационного решения 177

БРУСОВА И.В. Правовые проблемы компенсации морального вреда, причиненного в результате дорожно-транспортных происшествий в Российской Федерации 185

ХРИСТИНИН В.В. К вопросу о борьбе временного правительства с аграрными беспорядками в российской деревне в 1917 году..... 189

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА И АННОТАЦИИ МАТЕРИАЛОВ И СТАТЕЙ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 194

УСЛОВИЯ ПОДАЧИ МАТЕРИАЛОВ В ЖУРНАЛ 201

Издается с января 2000 г. Выходит 1 раз в квартал.
Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 02 декабря 2013 г. ПИ № ФС77-56358

Адрес редакции и издателя: 420012, Казань, ул. Муштары, 13

Университет управления «ТИСБИ»

Тел./факс: (843) 294-83-33

<http://www.tisbi.org/science/vestnik/index.html>

e-mail: esabirzyanova@tisbi.ru

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели и коллеги!

Представляем вам третий (66-й) номер журнала 2016 г. В его разделах опубликовано 20 статей 26-ти авторов, охватывающих различные сферы образования, науки, культуры, социально-экономической и хозяйственной практики. Значительная часть материалов по-прежнему относится к основной для журнала тематике – проблемам традиционализации и инноватизации общества, бизнеса и власти.

В этом номере помещена для обсуждения «Концепция федеральной целевой программы развития образования на 2016-2020 годы». В ее контексте рассматриваются проблемы социально-личностной компетентности как социокультурного феномена в психолого-педагогическом исследовании.

Знаковыми в данном номере являются статьи, посвященные принципам, формам, методам, способам и механизмам взаимодействия государств Евразийского континента, путям совместного движения, интеграционной линии развития по самому широкому кругу направлений. В этой связи заслуженный интерес у читателей вызовут статьи о новом курсе: «Евразийская политическая экономия» (Миропольского Д.Ю., Дятлова С.А., Нинциевой Г.В., Тарасевича А.Л.); «Контурсы евразийской политической экономии» (Румянцева М.А.); «Политэкономическое осмысление проблем евразийской цивилизации через призму неоднородности экономических систем» (Ведина Н.В., Газизуллина Н.Ф.); «К критике евразийской политической экономии» (Погребняка А.А.). Авторы данных статей высказывают единодушную позицию о необходимости активного участия стран Евразийского континента в формировании новой полицентричной международной системы, в которой центры силы могут и должны «не противостоять друг другу, а наоборот, активно взаимодействовать и сотрудничать». Именно в этом заключается новая мирозозидающая роль Евразии и евразийского сообщества в XXI веке.

Подобная позиция обусловлена тем, что Евразийский континент, на котором проживает почти 3/4 человечества, обладает огромным человеческим, интеллектуальным, территориальным и ресурсным потенциалом для выстраивания новой модели межгосударственных экономических отношений. А такие межгосударственные объединения на территории Евразии, как Евразийский экономический союз, Шанхайская организация сотрудничества, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, Содружество Независимых Государств, вместе составляющие почти 1/3 мировой экономики, уже сегодня способны и готовы к созданию единого экономического пространства, на базе которого предполагаются всестороннее развитие научно-технической, технологической,

промышленной, транспортно-логистической кооперации и теснейшее сотрудничество в образовательной и гуманитарной сферах.

В русле этих идей в статьях данного номера журнала исследуются приоритеты и перспективы развития национальных и локальных экономических систем. В частности, перспективы реиндустриализации экономики РФ в условиях глобализации и нестабильности мировой экономической системы (Вахитов Д.Р.); факторы инноватизации локальных социо-эколого-экономических систем региона (Посталюк М.П.); влияние интеллектуальной собственности на инноватизацию российской экономики (Иксанова Л.Р.); использование кластерного подхода в системе обеспечения инноватизации безопасности экономического пространства России (Посталюк М.П., Валеева Р.Р.); инноватизация ценовой стратегии в стоматологической практике (Горячев Д.Н., Варламов С.В., Горячев Н.А.); частный сектор рынка стоматологических услуг и перспективы его развития (Горячев Д.Н., Бадертдинов И.И., Горячев Н.А.); некоторые актуальные проблемы современного правового государства на примере России (Ибрагимов Р.И.) и другие.

Необходимо отметить, что с учетом традиционно-инновационной направленности нашего журнала и политико-экономической актуальности преодоления кризисных процессов на основе инноватизации национальных и локальных экономических систем редакция будет приветствовать активное участие авторов в развитии евразийской тематики и в дискуссии, направленной на стратегически выверенный путь устойчивого развития экономики России, стран ЕАЭС и СНГ. Ведь реальное перемещение исследовательской и хозяйственной практики в пространстве представляет собой конкретную форму инноватизации этих процессов. Разумеется, данная задача может достигаться только совместными усилиями ученых – специалистов в разных научных направлениях и областях экономического знания, что также характеризует инноватизацию взаимодействия науки и практики. Именно такую задачу, соединяющую экономическую теорию, конкретно-экономическую, отраслевую, прикладную и функциональную сферы экономики в их целостном виде, всегда стремился и стремится представить на своих страницах наш журнал.

Мы благодарим всех наших авторов и читателей за поддержку и надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

До встречи на страницах нашего журнала.

С уважением,
главный редактор журнала «Вестник «ТИСБИ»»,
доктор экономических наук, профессор
Посталюк Михаил Петрович.

**КОНЦЕПЦИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ЦЕЛЕВОЙ ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ
ОБРАЗОВАНИЯ НА 2016-2020 ГОДЫ**

**THE CONCEPTUAL APPROACH TO THE FEDERAL TARGETED
PROGRAM OF THE DEVELOPMENT OF EDUCATION
FOR THE YEARS 2016-2020**

В соответствии с законодательством в области образования и в интересах государственного управления системой образования в Российской Федерации принята и реализуется государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы, утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 295 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы» (далее – государственная программа).

Стратегические цели и задачи развития системы образования определены в государственной программе.

Вместе с тем, не все мероприятия, направленные на достижение целей и задач государственной программы на уровне конкретных образовательных организаций, муниципалитетов и регионов, обеспечены на сегодняшний день финансовыми и организационно-экономическими механизмами.

Федеральная целевая программа развития образования на 2011-2015 годы, утвержденная Постановлением Правительства Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 61 «О Федеральной целевой программе развития образования на 2011-2015 годы», завершается в 2015 г. (далее – Программа на 2011-2015 годы).

В механизме государственного управления системой образования может быть утрачен важнейший инструмент – проектно-целевой подход, который обеспечивает достижение целей и показателей стратегических документов, определяющих развитие отрасли образования на период до 2020 г.

С помощью набора комплексных проектов, связанных по целям и задачам и позволяющих реализовать перспективные прорывные разработки по созданию и внедрению передовых моделей, программ, технологий и решений в области образования, Программа станет инструментом достижения указанных целевых показателей.

В рамках Программы могут быть реализованы комплексные проекты, которые включают разработку моделей для решения задач фе-

ЮНЕСКО: ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, КУЛЬТУРА

деральной образовательной политики на уровне образовательных организаций, муниципалитетов, регионов, апробацию этих моделей и их распространение на все образовательные организации, муниципалитеты и регионы.

Предлагаемая к реализации Программа ориентирована на наиболее проблемные зоны системы образования, которые в ближайшее время могут оказать значительное стагнационное воздействие на процессы модернизации, реализуемые в рамках Программы на 2011-2015 годы.

В частности, из-за повышения требований к педагогическим кадрам в связи с принятием профессиональных стандартов и усложнением социокультурной образовательной среды, связанной с динамичным развитием науки и технологий, усиливается потребность в педагогических кадрах, способных решать задачи модернизации на всех уровнях образования.

При этом в ближайшей перспективе будет увеличиваться дисбаланс между потребностью сферы образования в указанных педагогических работниках и реальной возможностью их подготовки и привлечения к педагогической деятельности, будет усугубляться проблема нехватки объектов социальной и инфраструктурной направленности для повышения конкурентоспособности российского образования.

Отсутствие механизмов и моделей взаимодействия в государственно-частном партнерстве сферы образования, бизнес-сообществах и образовательных организациях не позволит в полной мере решить проблему всеобщей доступности качественного образования.

В рамках Программы должны быть решены задачи достижения высокого стандарта качества содержания и технологий для всех видов образования – профессионального (включая высшее), общего и дополнительного, а также достижения качественно нового уровня развития молодежной политики, повышения доступности программ социализации детей и молодежи для успешного вовлечения их в социальную практику.

Решение указанных задач одновременно позволит в полном объеме реализовать основные направления федеральной государственной политики в сфере образования в 2016-2020 годы, определенные в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» и Концепции долгосрочного социально-экономического развития.

Кроме того, необходимость Программы как инструмента эффективной реализации заявленной государственной образовательной политики продиктована следующими факторами конституционно-правового и системно-методологического характера:

– наличие правовой основы в виде положений ст. 13 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации»;

– механизм Программы позволяет выполнять в полной мере необходимые мероприятия на всех уровнях системы образования (федеральном, региональном, муниципальном и институциональном), обеспечивая при этом сохранение и развитие единого образовательного пространства;

– актуальность и целесообразность нового облика системы образования как системы, создающей условия, возможности и опции для личностного и профессионального развития при гарантии их качества. Личностно-ориентированная модель образования, учитывающая внешние вызовы и тенденции, и соответствующая ей структура Программы позволят существенно повысить конкурентоспособность личности, образовательных институтов и, в конечном итоге, экономики и государства.

Предлагаемая к реализации Программа содержит ряд комплексных задач, которые выступают как цементирующие основы для скрепления уровней и видов образования в единое целостное здание современного конкурентоспособного образования, выступающего основой формирования личности, человеческого капитала как важнейшего фактора поступательного развития российского общества, государства и экономики.

При этом целью Программы является обеспечение условий для эффективного развития российского образования, направленного на формирование конкурентоспособного человеческого потенциала. Указанная цель достигается за счет реализации следующих задач:

– В рамках задачи создания и распространения структурных и технологических инноваций в профессиональном образовании, обеспечивающих высокую мобильность современной экономики, предполагается создание условий для профессионального развития, в том числе с использованием ранее созданных инфраструктурных элементов — межрегиональных отраслевых ресурсных центров, межрегиональных центров прикладных квалификаций, центров оценки сертификации квалификаций и других, новых нормативных возможностей дополнительного профессионального образования, корректировки перечня направлений подготовки, специальностей и профессий. Указанная задача направлена на инновационное развитие модели деятельности вуза, кардинальное совершенствование модели обучения по программам аспирантуры и магистратуры, модернизацию образовательных программ, технологий и содержания образовательного процесса на всех уровнях профессионального образования через внедрение новых вариативных образовательных программ на основе индивидуализации образовательных траекторий с учетом личностных свойств, интересов и потребностей обучающегося, а также на внедрение в профессиональную образовательную среду технологий проектного обучения.

– В рамках задачи развития современных механизмов, содержания и технологий общего и дополнительного образования предполагается выполнение комплекса мер по использованию ранее разработанных и внедренных федеральных государственных образовательных стандартов, включая их методическое обеспечение и программы повышения квалификации преподавательского состава. В рамках реализации указанной задачи будут сформированы новое содержание общего (включая дошкольное) образования и технологии обучения по общеобразовательным программам, а также оказана методическая и инновационная поддержка развитию образовательных систем дошкольного образования, дополнительного образования детей.

– В рамках задачи популяризации среди детей и молодежи научно-образовательной и творческой деятельности, выявления талантливой молодежи предполагаются предоставление опций и создание условий для личностного развития детей и молодежи. В предыдущие годы был сформирован содержательный, организационный, регламентирующий базис, в том числе приняты новые федеральные государственные образовательные стандарты, разработаны новые учебно-методические материалы, созданы базовые условия для поддержки талантливых детей, инклюзивного обучения детей с ограниченными возможностями здоровья и др. Но сегодня требуются кардинальное и масштабное развитие компетенций педагогических кадров, системные меры по повышению социальной направленности (ответственности) системы образования, в том числе за счет создания и реализации программ формирования у молодого поколения культуры здорового и безопасного образа жизни, развития творческих способностей и активной гражданской позиции.

В целях создания инфраструктуры, обеспечивающей условия для обучения и подготовки кадров для современной экономики, важнейшими задачами являются создание инфраструктуры, обеспечивающей доступность образования независимо от места проживания обучающихся, подготовка и закрепление в образовании и науке научно-педагогических кадров, а также повышение конкурентоспособности российского образования.

В Программе эти задачи имеют целевое назначение, органично дополняющее мероприятия, предусмотренные по каждой из задач и логично продолжающие ранее начатое развитие инфраструктуры. Направления реализации Программы ориентированы:

- на повышение конкурентоспособности образовательных организаций и системы образования в целом, в том числе международной;
- на необходимость обновления кадрового потенциала преподавательского и административного состава;

– на обеспечение реализации индивидуальных траекторий обучающихся и их участия в территориально-распределенных сетевых образовательных программах;

– на социальную ориентированность мероприятий, связанных с обеспеченностью доступа детей с ограниченными возможностями здоровья или детей и молодежи из социально слабозащищенных групп населения к получению общего, профессионального и дополнительного образования, в том числе в образовательных организациях, расположенных в различных городах страны.

Решение поставленных задач будет реализовано через улучшение материально-технической базы образовательных организаций.

В рамках задачи формирования востребованной системы оценки качества образования и образовательных результатов будет обеспечено формирование качественно нового отношения обучающихся и образовательных организаций к качеству образования и получаемым по его итогам компетенциям, процедурам и механизмам их измерения и оценки.

В рамках Программы в этой связи будет создана национально-региональная система независимого мониторинга и оценки качества образования на всех его уровнях. Предполагается обеспечить создание новых инструментов и оценочных процедур (включая международные исследования качества) как в общем, так и в профессиональном образовании.

Программа строится на базе сформированных инфраструктурных, организационных и методических результатов и эффектов, достигнутых в 2011-2015 годах, и развивает их в интересах общества.

Таким образом, цель и задачи Программы, учитывая сроки ее реализации в 2016-2020 годы, соответствуют Концепции долгосрочного социально-экономического развития и государственной программе.

Направления реализации Программы определяются следующими задачами:

– создание и распространение структурных и технологических инноваций в профессиональном образовании, обеспечивающих высокую мобильность современной экономики;

– развитие современных механизмов, содержания и технологий общего и дополнительного образования;

– реализация мер популяризации среди детей и молодежи научно-образовательной и творческой деятельности, выявление талантливой молодежи;

– создание инфраструктуры, обеспечивающей условия для обучения и подготовки кадров для современной экономики;

– формирование востребованной системы оценки качества образования и образовательных результатов.

В соответствии со структурой, целями и задачами Программы предлагается следующий вариант определения сроков Программы:

– **Первый этап** решения проблемы будет осуществлен в 2016-2017 годах. В результате реализации этого этапа будут получены результаты внедрения моделей и комплекса мер, начатых в рамках Программы на 2011-2015 годы. В ходе данного этапа необходимо обеспечить гибкое и эффективное обновление и корректировку внедряемых моделей и проводимых мероприятий с учетом изменения законодательства и складывающейся правоприменительной практики.

– В ходе **второго этапа** (2018-2020 годы) реализации Программы планируется обеспечить внедрение механизмов «обратной связи», экспертно-методического и аналитического сопровождения процессов внедрения с учетом проводимого анализа хода внедрения и полученных результатов.

При завершении второго этапа будут достигнута цель и решены задачи Программы.

Иной вариант реализации Программы может предполагать ее реализацию в три этапа:

– На **первом этапе** (2016-2017 годы) предусматривается реализация мероприятий, направленных на развитие и внедрение результатов Программы на 2011-2015 годы по созданию новых моделей и технологий развития образования по различным направлениям, при этом не намечается выполнение проектов по формированию новых моделей и механизмов модернизации системы образования, что несколько отодвинет сроки начала их апробации и внедрения.

– На **втором этапе** (2018-2019 годы) предусматривается разработка новых моделей и инструментов развития образования для всех его видов и на всех уровнях, а также их апробация и внедрение в пилотных субъектах Российской Федерации.

– На **третьем этапе** (2020 г.) предусматривается реализация мероприятий, направленных в основном на практическое внедрение и распространение результатов, полученных на предыдущих этапах Программы.

Второй вариант при этом является менее эффективным, поскольку:

– в течение значительного промежутка времени (2016 и 2017 годы) не будут проводиться серьезные работы по разработке и анализу новых форм и методов образования, что может привести к невозможности выполнения и достижения целевых индикаторов и показателей Программы по таким отдельным мероприятиям, как формирование новой структуры организаций высшего образования путем реализации пилотных проектов по разработке и реализации новых моделей вузов и новых типов образовательных программ, а также поддержка распространения результатов этих пилотных проектов;

– в связи с инерционностью сферы образования, сложностью механизмов ее функционирования и необходимостью глубокой проработки поступающих первичных результатов будут отсутствовать инструменты текущего анализа и эффективного сопровождения процессов внедрения разработанных механизмов и моделей в течение длительного времени реализации Программы (до 2020 г.).

Первый вариант представляется наиболее предпочтительным с точки зрения более масштабного распространения хорошо зарекомендовавших себя подходов к модернизации образования.

Решение задач Программы обеспечивается путем проведения соответствующих мероприятий.

Предложения по механизмам формирования мероприятий Программы

В качестве основных приоритетов, используемых при формировании мероприятий и проектов Программы, использованы приоритеты развития образования, которые установлены Концепцией долгосрочного социально-экономического развития и Основными направлениями деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 г., утвержденными Председателем Правительства Российской Федерации Д.А. Медведевым от 13 января 2013 г.

В Программу предлагается включить мероприятия и комплексные проекты по:

- внедрению новых современных программ высшего и дополнительного образования, отвечающих требованиям, предъявляемым экономикой и обществом;

- мониторингу трудоустройства выпускников образовательных организаций;

- сопровождению их профессиональной карьеры и процесса их дальнейшего непрерывного образования (включая дополнительное профессиональное образование и неформальное образование взрослых);

- созданию и внедрению новой структуры (модели) вузов;

- модернизации технологий заочного образования;

- переходу к системе эффективного контракта с руководителями и педагогическими работниками;

- реализации Стратегии развития системы подготовки рабочих кадров и формирования прикладных квалификаций в Российской Федерации на период до 2020 года, совершенствованию системы оценки качества образования путем формирования механизмов, инструментов и процедур независимой системы оценки качества профессионального образования;

- привлечению работодателей к участию в различных формах государственно-частного партнерства по управлению деятельностью об-

разовательных организаций среднего профессионального образования и высшего образования.

Проекты инвестиционного характера также увязаны с другими мероприятиями и проектами, обеспечивают в том числе современные условия для обучения студентов, подготовку специалистов для различных отраслей экономики, определенные современными стандартами образования и профессиональными стандартами.

При формировании проектов Программы используются механизмы, обеспечивающие:

- управление, предусматривающее обеспечение достижения результатов реализации Программы, измеряемых на основе системы целевых показателей;

- целевой подход, предусматривающий решение задач Программы, направленных на системные изменения в сфере образования;

- комплексный подход, предусматривающий аналитическое обоснование, научно-методическое сопровождение, получение результатов, апробацию и внедрение результатов, нормативно-правовое, а также кадровое, информационное и материально-техническое обеспечение.

Одним из основных механизмов формирования проектов Программы является механизм обратной связи, обеспечивающий широкое привлечение общественности и научно-педагогического сообщества к разработке проектов Программы, а также к ее реализации и оценке результатов реализации Программы.

Проекты Программы включают комплекс мер по предотвращению негативных последствий и рисков, которые могут возникнуть при их реализации.

При формировании мероприятий Программы особое внимание предполагается уделять современным образовательным и информационно-коммуникационным технологиям, внедрению новых методов и форм обучения при их соответствии нормативно-правовым и стратегическим документам в области образования.

P.S.

Скачать документ «Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № 2765-р», утверждающее Концепцию Федеральной целевой программы развития образования на 2016-2020 годы, можно по нижеприведенной ссылке (.zip, ~ 160 Кб):

<http://bda-expert.ru/doc/2014-12-29-koncepciya-razvitiya-obrazovaniya-rf-2016-2020.zip>

P.P.S.

Во исполнение Концепции, описанной в текущей статье, в мае 2015 г. была утверждена «Федеральная целевая программа развития образования на 2016-2020 годы»:

- *Федеральная целевая программа развития образования на 2016-2020 годы.*

См. также:

- Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы.
- Государственная программа Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013-2020 годы.
- План деятельности Министерства образования и науки Российской Федерации на 2013-2018 годы.
- Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2014-2020 годы.
- Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года.
- Государственная программа Республики Коми «Развитие образования» на 2013-2020 годы.
- План мероприятий («дорожная карта») «Изменения в отраслях социальной сферы в Республике Коми, направленные на повышение эффективности образования и науки».
- Региональная Программа «Реализация целевой подготовки кадров по основным образовательным программам высшего профессионального образования (2013-2016 годы)».
- Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании».

УДК 378.095

**СОЦИАЛЬНО-ЛИЧНОСТНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН В КОНТЕКСТЕ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

**SOCIAL AND PERSONAL COMPETENCIES AS A SOCIOCULTURAL
PHENOMENON IN THE CONTEXT OF PSYCHOLOGICAL AND
EDUCATIONAL RESEARCH**

ПРОХОРОВА Е.А., ст. преподаватель кафедры «Социально-культурный сервис и туризм» Университета управления «ТИСБИ»

E-mail: EProkhorova@tisbi.ru

PROKHOROVA E., Senior lecturer, the Chair of Social Service and Tourism, the University of Management «TISBI»

E-mail: EProkhorova@tisbi.ru

Аннотация

В статье охарактеризован феномен «социально-личностная компетентность», выделено ее содержание и представлена структура модели ее формирования.

Ключевые слова: социально-личностная компетентность, ценность, культурно-досуговая деятельность.

Abstract

In the article, the author characterizes the phenomenon of «social and personal competence», points out its structure and presents the model structure of its formation.

Key words: *social and personal competence, value, cultural and leisure activities.*

В ходе изучения сущности, содержания и структуры понятия «социально-личностная компетентность» у различных авторов отмечается, что ее основу составляют ценностные отношения, влияющие на формирование личностной композиции, они определяют эффективность процесса социального становления [1].

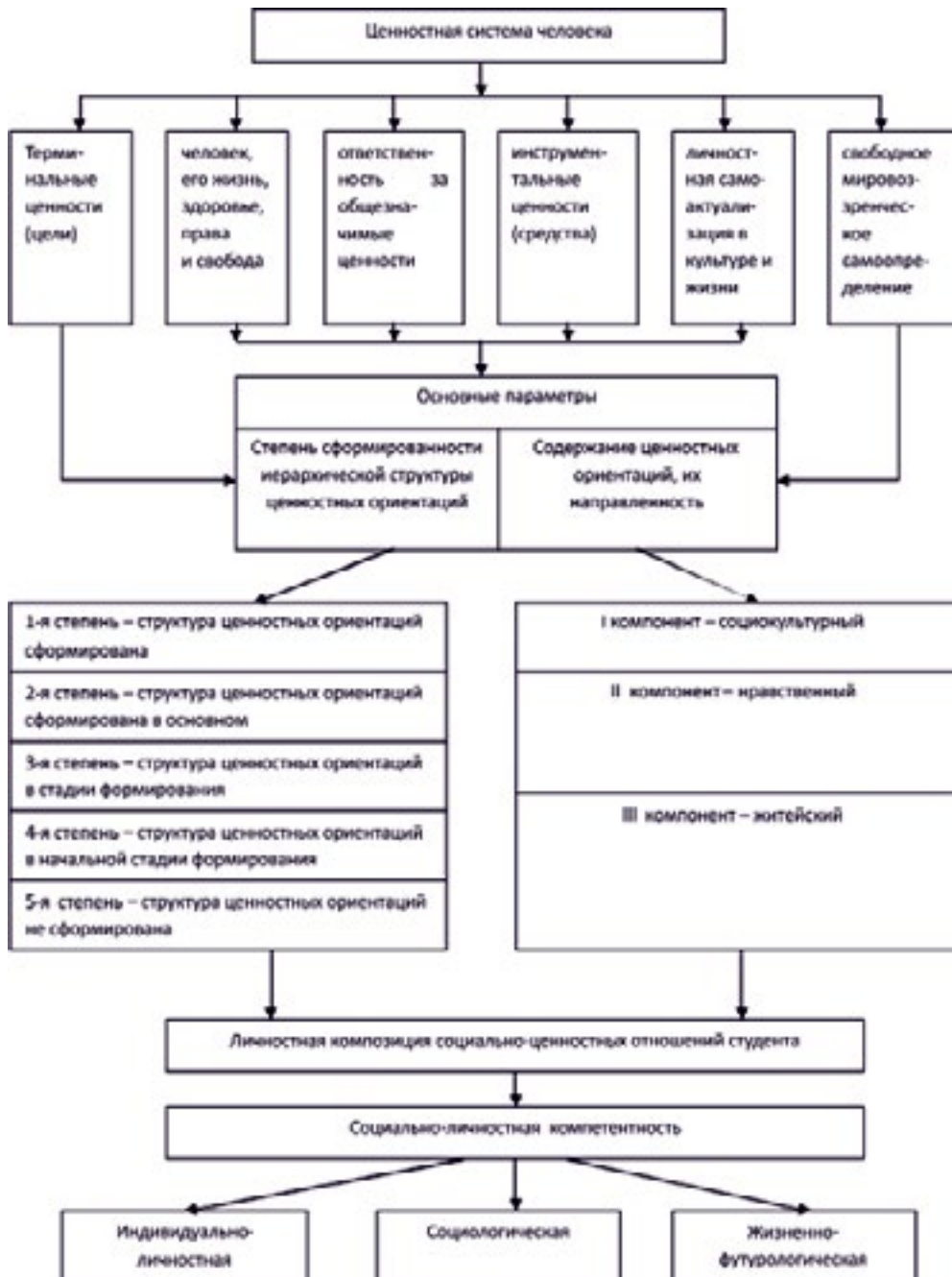
Рассматривая вопросы о ценностных отношениях, следует уточнить, что отечественная наука обратилась к данному термину в момент возрастания интереса к проблемам человека и морали в 60-х годах XX века.

Аксология в современной философии рассматривается как «учение о ценностях, определяющих направленность человеческой деятельности, мотивацию человеческих поступков» [2]. При этом ценностная система человека у различных авторов понимается по-разному, при этом общечеловеческие ценности присутствуют у всех авторов. Особый интерес представляет ценностная система человека, разработанная В.Ш. Масленниковой, представленная в схеме 1.

В своих трудах В.Ш. Масленникова приходит к заключению о том, что в процессе формирования социально-личностной компетентности, направленного на формирование индивидуальных личностных качеств, следует учитывать систему социально-ценностных отношений личности [2].

Кроме того, социально-личностные компетенции включают умение правильно оценивать личностные особенности и эмоциональные состояния других людей и выбирать адекватные способы поведения в различных социальных ситуациях, что при нормальном развитии позволяет личности расширять зону социальной поддержки, приобретая новых друзей и сохраняя хорошие отношения со старыми. В основе данного фактора находятся ценности, отраженные в сформировавшейся на определенном уровне социально-личностной компетентности личности.

Ценностная система человека В.Ш. Масленниковой

С целью изучения причин избирательного отношения к реалиям жизни и характера отношения индивида к конкретному явлению или событию важно изучать ценностные ориентации личности. В данном случае необходимо понимать и учитывать изменяющиеся социальные условия, которые определяют приоритеты в иерархии ценностей молодого поколения. Молодежь, являясь особой социальной группой, привлекает особое внимание педагогов, социологов, психологов, которые следят за изменением данной иерархии у молодежи, поскольку эта возрастная группа определяет траекторию развития общества, чутко реагируя на происходящие перемены. На основе такого мониторинга разрабатываются мероприятия в области образования, труда и занятости, и их эффективность зависит от степени изученности мира ценностей молодежи, ее жизненных установок и планов. В последнее десятилетие социологами фиксируются изменения в системе ценностей, касающихся трудовых ориентаций молодежи, при этом они связываются со сложившейся экономической ситуацией в стране, а именно, с ухудшением материального благополучия одних людей за счет резкого обогащения других. При этом ученые констатируют тот факт, что студенты в большей степени вникают в социально-нравственные проблемы, которые имеют отношение, по их пониманию, к их личному осознанию, потреблению и оценке ценностей, материальных и духовных. В качестве примера можно привести результаты социологических опросов 60-80-х годов XX века и опросов 2012-2015 годов. Так, в начале второй половины XX века 90% молодежи не представляли свою жизнь вне профессиональной деятельности, в то время как опросы XXI века показывают, что 15-20% респондентов того же возраста не собираются работать вообще, если им позволит материальное обеспечение (супруг (супруга, родители), накопления). 40-50% опрошенных связывают трудовую деятельность исключительно с материальными выгодами, при этом достижение финансового благополучия может быть достигнуто, по их мнению, и противоправными действиями [3]. Эти исследования показывают, что невозможность получения интересной, содержательной и хорошо оплачиваемой работы приводит к социальному пессимизму, а также падению социальной ценности труда для значительной части молодежи [3]. Разрешение данной проблемы мы видим в ориентации личности студента на социокультурные ценности в процессе культурно-досуговой деятельности при проектировании процесса формирования социально-личностной компетентности студента в вузе.

Являясь одним из ведущих компонентов психологической структуры личности, социокультурные ценности составляют основу личностной композиции социально-ценностных отношений.

Социокультурные ценности обуславливают потребности, мотивы, желания, интересы личности, определяя цели и задачи ее деятельности.

Социокультурные ценности, принятые в обществе, отражают основную идею отношений общество – культура – индивид, при этом именно личностная композиция социально-личностных отношений имеет отношение непосредственно к личностной значимости культурных ценностей.

Поведение студента координируется за счет сформированных ценностей при выполнении различных социальных ролей. Социокультурные же ценности выражаются в культуре социально-ценностных отношений личности. Проведенное нами экспериментальное исследование позволило установить, что поведение студентов в процессе социокультурной деятельности, основанное на выполнении ими различных ролей, отражает единство ценностных предпочтений и ролевых требований. Специально организованная культурно-досуговая деятельность, а также процесс обучения, осуществляемые в высшем учебном заведении в единстве, позволяют изменить отношение у участников эксперимента путем увеличения значимости ценностей.

Формирование социально-личностной компетентности, рассматриваемой как сложное системно-личностное образование, создаваемое в рамках интеграции профессионального образования и культурно-досуговой деятельности, требует определения ряда задач:

- формирование устойчивого позитивного, эмоционально-ценностного восприятия социума, жизни, профессиональной самореализации с позиций созидания и развития;

- формирование устойчивых нравственно-волевых качеств в процессе усвоения студентами знаний и участия в творческой деятельности;

- формирование продуктивной, социально-личностной деятельности, основанной на признании ее значимости на индивидуально-личностном, социальном, профессионально-значимом и футурологическом уровнях;

- формирование у студента системы ценностей, основанной на принятии общечеловеческих, социальных, демократических, культурологических, профессионально-значимых ценностей;

- актуализация ценностей, знаний через практическую профессиональную и культурно-досуговую деятельность.

Понимание общественной ценности своих действий в профессиональной и социальной сферах базируется не просто на стремлении реализации себя как личности, но и на стремлении индивида к самосовершенствованию и саморазвитию. Как отмечается в работах В.Ш. Масленниковой, социально-личностная компетентность является ядром личностной композиции социально-личностных отношений. В своих работах она пишет, что социально-личностная компетентность позволяет соединить духовно-теоретический и практико-функциональный уровни развития личности [2]. При таком понимании социально-личностная

компетенция в структуре личности может рассматриваться как продуктивное воображение, позволяющее соединить рассудок и чувственность. Таким образом, теоретические знания и ценностные ориентиры преломляются в мотивированную, эмоционально окрашенную практическую деятельность на общезурурологическом, профессиональном уровнях. Ориентирами, регуляторами и границами взаимодействия человека с социумом во всех сферах становятся ценности и знания (ценностный и когнитивный компоненты). Они же лежат в основе направляющей, управляющей и регулятивной функций взаимодействия личности с внешним миром.

Компоненты социально-личностной компетенции – ценностный, когнитивный, эмоционально-мотивационный, деятельностно-прикладной – регулируют следующие сферы существования индивида: индивидуально-личностную, социологическую, социально-профессиональную и жизненно-футурологическую.

Индивидуально-личностная сфера связана с духовным, нравственным и телесно-чувственным самовосприятием человека. В рамках данной сферы следует отметить самостоятельность построения иерархии ценностей, возможность дифференциации «дозволенного-недозволенного», «правого-неправого», «достойного-недостойного», свободу волеизъявления, самостоятельность выбора траектории поведения, конструктивность, объективное понимание экологической ситуации, последовательность мышления, техническую, лингвистическую, филологическую грамотность, возможность психического самоуправления, владение механизмами саморегуляции, самоопределения и самоактуализации, понимание валеологической значимости и владение соответствующими технологиями, стремление реализовать себя как личность.

В рамках социальной сферы находятся: принятие и понимание ценностных основ существования общества (общечеловеческие, социальные, демократические, гражданские, культурные, духовно-нравственные), объективное восприятие экологической, социальной и политической ситуации, знание основ окружающего мира, общественного устройства, механизмов взаимодействия в нем, интеракция в больших и малых группах, принятие, уважение, сопереживание, конструктивизм, положительное отношение к обществу и понимание общественной значимости своих действий, стремление быть признанным и полезным.

Социально-профессиональная сфера связана с пониманием мира профессиональной деятельности и собственной профессиональной самореализации. Подразумевает ценностное отношение к профессиональной деятельности, понимание значимости и важности своего труда для социума с одновременной потребностью в профессиональной самореализации, знания в области профессии, основ коммуникации, правовые знания, объективное восприятие экономической, экологиче-

ской ситуации, созидательное и развивающее отношение к работе, понимание общественной ценности в профессиональной деятельности, стремление быть признанным и полезным, навыки социально-профессиональной интеракции, механизмы самоактуализации и самосовершенствования в процессе профессиональной деятельности.

Жизненно-футурологическая сфера связана с временным континуумом существования индивида. Понимание ценностей жизни, свободы, жизненного опыта. Знание механизмов планирования своей жизни в контексте знаний об окружающем мире, социуме и месте человека в нем. Позитивная направленность на сохранение развития и созидания культурных, духовных, социальных, нравственных ценностей, понимание и знание основ развития и функционирования общества. Стремление к достижениям и признанию. Планирование личного жизненного пути в целом, построение моделей оптимальных и тупиковых жизненных сценариев.

На основе изучения сущности структуры социально-личностной компетенции у различных авторов установлено, что это сложное системно-личностное образование, формируемое в рамках интеграции культурно-досуговой деятельности и профессионального образования. При этом социально-личностная компетенция затрагивает индивидуально-личностную, социальную, социально-профессиональную и жизненно-футурологическую сферы и включает в себя ценностный, когнитивный, эмоционально-мотивационный и деятельностный компоненты. Их формирование возможно в рамках специально организованной культурно-досуговой деятельности вуза с учетом особенностей молодежи как социальной группы.

Литература:

1. Карпухин О.И. Культура массовых коммуникаций / О.И. Карпухин / МосГУ. Каф. философии, культурологии и политологии // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 2. – С. 308-309.
2. Масленникова В.Ш. Личностная композиция социально-ценностного отношения. [Текст] / В.Ш. Масленникова // Современные концепции воспитания. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2000. – С. 84-89.
3. Fakhrutdinova E., Fakhrutdinova A., Yagudin R., Vishnjakov N. The Needs Of The Russian Federation Labor Market In The Workforce With Different Levels Of Education / E.Fakhrutdinova, A.Fakhrutdinova, R.Yagudin, N.Vishnjakov // The Proceedings of 6th World Conference on educational Sciences Procedia // Social and Behavioral Sciences, June 2015. – Vol. 191. – P. 2515-2518.

References:

1. Karpuhin O. The culture of mass communications / O.Karpuhin / Moscow state University, Philosophy, Culture studies and Political science Chair // Knowing. Understanding. Skills. – 2012. – № 2. – P. 308-309.
2. Maslennikov V. The personal composition of the socio-value attitude. [Text] / V.Maslennikov // Modern education concept. – Yaroslavl: Izd Ushinsky state Teachers' Training University, 2000. – P. 84-89.

3. Fakhrutdinova E., Fakhrutdinova A., Yagudin R., Vishnjakov N. The Needs Of The Russian Federation Labor Market In The Workforce With Different Levels Of Education E.V.Fakhrutdinova / A.Fakhrutdinova, R.Yagudin, N.Vishnjakov // The Proceedings of the 6th World Conference on educational Sciences Procedia – Social and Behavioral Sciences, June 2015. – Vol. 191. – P. 2515-2518.

УДК 81.271

**РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ
БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА**

**SPEECH CULTURE AS AN INTEGRAL PART
OF A FUTURE SPECIALIST**

ТАХАУТДИНОВА М.Ю., ст. преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин, начальник учебной части Альметьевского филиала Университета управления «ТИСБИ»

TAKHAUTDINOVA M., Senior lecturer, the Humanities Chair, Almetyevsk branch of the University of Management «TISBI»

Аннотация

В данной статье поднимается вопрос о повышении уровня речевой культуры будущих выпускников вузов. Ставятся цели и задачи для обеспечения выпуска образованных, квалифицированных специалистов.

Ключевые слова: речевая культура, будущие специалисты, актуальность, повышение уровня образования, профессионализм, современное общество, компетентные специалисты, нормы языка, коммуникабельность, показатель общей культуры, интеллектуальное развитие.

Abstract

This article touches upon the problem of raising the level of speech culture of future graduates. The author sets goals and targets for high quality of training well educated, skilled professionals.

Key words: speech culture, future specialists, urgency, raising the level of education, professionalism, modern society, competent professionals, language norms, communication, component of general culture, intellectual development.

Среди многочисленных проблем, стоящих перед образованием, особую актуальность приобретает проблема развития речевой культуры будущего специалиста. Современные требования к подготовке компетентных специалистов в системе высшей школы и социальные потребности выявляют необходимость формирования профессиональной культуры в целом на разных этапах обучения студентов и их рече-

вой культуры, в частности. Важность этого вопроса становится острее в рамках профессиональной деятельности тех специалистов, которые пользуются речью как главным инструментом, как основным орудием труда.

Определение речевой культуры показывает, что ее формирование должно включать 2 направления:

1) овладение нормами языка (произносительными, лексическими, морфологическими, синтаксическими);

2) умение выражать свои мысли в устной и письменной форме, пользуясь нужными языковыми средствами в соответствии с целью, содержанием речи и условиями общения.

Культура речи – составная часть общей культуры человека, профессиональной подготовки специалиста. Успешная профессиональная деятельность определяется во многом теми знаниями, умениями и навыками речевого общения, которыми в совершенстве должны овладеть будущие специалисты.

Культура, образованность, профессионализм специалиста во многом опираются на свободное владение выразительными средствами устной и письменной речи.

Для деловой речи чрезвычайно важно соответствовать качествам, обуславливающим эффективность делового общения. Одно из них – грамотность. Она подразумевает не только знание правил словоупотребления, грамматической сочетаемости, моделей предложения, но и разграничение сфер использования языка.

Одной из задач является повышение уровня речевой культуры будущего специалиста, что предполагает:

– объективную оценку роли языка в обществе как одного из государствообразующих элементов;

– понимание того, что русский язык – это важнейший фактор формирования национального, гражданского самосознания;

– осознание необходимости формирования личной коммуникативно-речевой культуры, умений и навыков свободного и эффективного речевого поведения с помощью различных средств литературного русского языка в самых разнообразных коммуникативных ситуациях;

– сформированное чувство гордости за русский язык.

Также предполагается формирование речевой компетентности, что подразумевает:

– хорошие знания об устройстве современного русского языка, системе его единиц;

– владение литературной нормой на разных уровнях языка в устной и письменной речи;

– устойчивые навыки использования различных языковых средств;

– знание основ эффективного речевого общения;

– знание этических и этикетных норм, их национальных особенностей;

– формирование навыков ориентировки в различных коммуникативных ситуациях, умения корректировать форму и тактику речевого поведения в соответствии с интересами, уровнем подготовленности и настроением адресата, способности находить наиболее эффективные приемы речевого взаимодействия;

– формирование потребности в самосовершенствовании – развитии собственных языковых способностей, совершенствовании умений, приобретенных навыков в области использования средств русского литературного языка.

Система обучения в высших учебных заведениях должна обеспечить выпуск квалифицированных специалистов, обладающих высоким уровнем речевой культуры, так как речевая деятельность занимает важное место в жизни будущего специалиста. Между тем, современный уровень речевой культуры в обществе вызывает самые серьезные размышления.

В современном обществе высокая речевая культура становится все более востребованной. Речевая культура, грамотность, коммуникативность, владение языковой и коммуникативной компетенциями занимают одно из ключевых мест в перечне требований, предъявляемых работодателем к специалисту, претендующему на ту или иную должность. Актуализируется потребность в целенаправленном формировании и развитии речевой культуры студентов – будущих специалистов. В настоящее время немногие отличаются просвещенностью и начитанностью, не все стремятся приобщиться к духовным ценностям, не все являются хорошими носителями русского языка. Но нельзя быть по-настоящему толковым специалистом и образованным человеком без умения мыслить и правильно выражать свои мысли. А именно через речевую культуру раскрывается богатство или обнаруживается ущербность внутреннего мира специалиста.

Речевая культура – это показатель общей культуры человека, его интеллектуального развития, это сложное взаимосвязанное явление, состоящее из многообразных форм речи, речевых практик, бытовой речи, профессиональной речи, различных видов искусств (театр, кино), средств массовой информации и т.д. Недостаточный уровень речевой культуры заметно снижает рейтинг специалиста, может пагубно сказаться на карьерном росте.

В связи с этим возрастает роль учебных заведений в развитии речевой культуры студентов. Учебные программы вузов способствуют подготовке специалистов различных профессий и повышению речевой культуры студентов. К сожалению, немногие студенты и выпускники обладают умением правильно формулировать и выражать свои мысли как в устной, так и в письменной форме. Актуальна проблема правильного

построения своего доклада, выступления без стилистических, грамматических и орфографических ошибок.

Приобщение широких народных масс к активной общественной деятельности потребовало усиленного внимания к повышению уровня их речевой культуры. Считается, что если специалист не допускает ошибок в произношении, в употреблении форм слов, в их образовании, в построении предложений, его речь является правильной. Речь может быть правильной, но не соответствующей целям и условиям общения. Успех деятельности подчас во многом зависит от речевой культуры человека, от умения вести разные по целям деловые переговоры, составлять текст официального письма, написать презентационную речь, рекламное письмо, от умения воздействовать на слушателя.

Содержание методической системы развития речевой культуры определяется, прежде всего, целью обучения – это теоретическое обоснование, разработка и практическая реализация целостной методической системы обучения речевой культуре.

Для достижения поставленной цели необходимо решать следующие задачи:

1. Владение определенным теоретическим материалом в области речевой культуры.

2. Развитие коммуникативной компетентности студентов, их способности правильно воспринимать и анализировать устные и письменные высказывания.

3. Развитие способности будущих специалистов творчески конструировать высказывания, отвечающие требованиям правильности и выразительности речи.

4. Выявление речевых недочетов, снижающих качество речевого общения студентов вузов.

Необходимо подчеркнуть, что показателем успеха будущих специалистов в освоении речевой культуры являются совершенствование коммуникативных навыков и повышение речевой культуры. А владение языком в самом общем виде есть умение осуществлять коммуникативную деятельность.

Из вышесказанного следует, что высокий уровень речевой культуры является неотъемлемой чертой культурного, образованного человека, каким выпускается будущий специалист. Следует постоянно обогащать свой словарный запас, учиться чувствовать собеседника, уметь отбирать наиболее подходящие для каждого случая слова и выражения, то есть быть компетентным не только в профессиональном, но и в коммуникативном отношении.

Литература:

1. Морозов В.Э. Заметки о культуре речи и культуре общения // Русская речь. – 2007. – № 4. – С. 33-38.
2. Сараева В.В. Формирование коммуникативной культуры студентов как фактор развития их лидерского потенциала // Вестник Костромского гос. ун-та. – 2009. – № 11. – С. 56-62.
3. Сараева В.В. Культура общения как важный фактор в профессиональной подготовке будущего специалиста // Вестник «ТИСБИ». – 2010. – № 1. – С. 98-100.
4. Сиротинина О.Б. Культура речи и речевая культура человека: Всероссийск. научн. конф. «Язык и культура в России: состояние и эволюционные процессы». – Самара, 27 окт. 2007 г.
5. Преликова О.С. Проблема профессиональной речевой подготовки студентов высших школ: Сб. научн. тр. «Социально-экономические проблемы развития России и процессы глобализации: потенциал возможного», 2007.
6. Чалян Т.В. Профессионально-речевая культура студента вуза как фактор развития профессионализма будущего специалиста // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2012. – № 1.

References:

1. Morozov V. Notes on the culture of speech and culture of communication // Russkaya Rech. – 2007. – № 4. – P. 33-38.
2. Saraeva V. Formation of communicative culture of students as a factor in the development of their leadership potential // Kostroma state University Bulletin. – 2009. – № 11. – P. 56-62.
3. Saraeva V. The Culture of communication as an important factor in the professional training of a future specialist // Vestnik «TISBI». – 2010. – № 1. – P. 98-100.
4. Sirotinina O. The Culture of speech and verbal culture of a person: Russian scientific conference «Language and culture in Russia: status and evolution». – Samara, October 27, 2007.
5. Prelikova O. The problem of training university students in professional speech: Collection of scientific works «Socio-economic problems of Russia's development and the processes of globalization: the potential of the possible», 2007.
6. Chalyan T. Professional speech culture of a student as a factor of development of professionalism of future specialists // Scientific problems of humanitarian studies. – 2012. – № 1.

**ФОРМИРОВАНИЕ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ
БУДУЩЕГО БАКАЛАВРА-МЕНЕДЖЕРА В УСЛОВИЯХ ВУЗА**

**THE FORMATION OF SPEECH CULTURE OF A FUTURE
BACHELOR-MANAGER IN HIGHER EDUCATION INSTITUTION**

СТЕНЯШИНА Л.Н., канд. пед. наук, доцент Альметьевского филиала
Университета управления «ТИСБИ»
E-mail: nadingod13@mail.ru

STENYASHINA L., Candidate of Pedagogical Sciences, associate Professor,
Almetyevsk branch, the University of Management «TISBI»
E-mail: nadingod13@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема развития речевой культуры будущих бакалавров-менеджеров в условиях вуза. Особое внимание обращено на формирование этического компонента речи. Автор приходит к выводу о недостаточном речевом иммунитете студентов. В связи с этим предлагает комплекс мер, направленных на выработку более ответственного отношения к слову.

Ключевые слова: речевая культура, этический компонент культуры речи, коммуникативный компонент культуры речи, формирование профессионально-речевой культуры, компонент профессионально-речевой культуры, обценная лексика, речевой иммунитет.

Abstract

In the article, the problem of development in the context of University speech culture of future bachelors-managers is discussed. Special attention is paid to the formation of an ethical component of the question. The author concludes that most students lackspeech immunity. The author proposes a set of measures aimed at developing a more responsible attitude towards the word.

Key words: speech culture, an ethical component of the culture of speech, the formation of professional speech culture, component of professional speech culture, obscene language, speech immunity.

В условиях масштабных социально-экономических изменений, происходящих в нашем обществе, большое значение уделяется проблеме формирования речевой культуры будущего бакалавра-менеджера. Сегодня общество остро нуждается в квалифицированных грамотных специалистах, осознающих личную и профессиональную значимость языковой культуры, владеющих государственными и иностранными языками, умеющих вести переговоры, составлять и редактировать де-

ловые документы, давать интервью. Специфика профессиональной деятельности бакалавра-менеджера заключается в умении и способности общаться с людьми. От того, насколько грамотно построена речь в общении, зависят результативность переговоров, степень взаимопонимания с деловыми партнерами, сотрудниками, взаимоотношения с представителями зарубежных стран [5, с. 17].

Формирование навыков грамотной речи будущего бакалавра декларируется в программных методических документах. Поэтому курсы «Русский язык и культура речи», «Ораторское искусство», «Культура речи и деловое общение», «Деловое общение на английском языке», «Деловой иностранный язык» введены в учебные планы вузовской подготовки.

В научной литературе достаточно глубоко проанализированы специфика и соотношение терминов «речевая культура», «профессиональная культура», «культура речи», «коммуникативная компетентность», «коммуникативная культура», «профессионально-речевая культура».

Профессиональная речевая культура является такой областью знания, овладение которой необходимо для успешной профессиональной деятельности. В результате этого возникает потребность в поиске эффективных методических путей повышения уровня речевой культуры студентов, формирования языкового опыта, обеспечивающего эффективность общения в сфере профессиональной деятельности [2, с. 17].

В большинстве разработанных учебных пособий, изданиях по формированию речевой культуры на первый план выступает задача повышения грамотности устной и письменной речи, т.е. нормативный и коммуникативный компоненты речи.

Нормативный компонент культуры речи неотделим от понятия «языковая норма». Языковая норма – это правила использования речевых средств в определенный период развития литературного языка, принятые в данное время данным языковым коллективом в качестве образцовых или предпочтительных.

Анализ исследовательских работ в области профессиональной культуры показал, что ученые выделяют коммуникативный компонент, предполагающий свободное владение речью, наличие большого запаса слов, образность и правильность речи, корректную постановку вопроса, логичность построения и изложения высказывания, эмоциональную устремленность к общению, изучение этикета [3, с. 59].

Что касается формирования этического компонента культуры речи, как правило, он отождествляется с изучением устойчивых речевых формул знакомства, приветствия, прощания, благодарности, извинения, просьбы, совета и т.д. Следовательно, этический компонент культуры речи связан с умением использовать правила языкового поведения в конкретных ситуациях общения. Одной из важных этических норм об-

щения является соблюдение этикета слушания, причем этому аспекту уделяется, как правило, недостаточное внимание в курсе изучения речеведческих дисциплин. Невнимательное слушание зачастую приводит к неправильной интерпретации слов собеседника, а, следовательно, к коммуникативной неудаче. Не менее важным с точки зрения этических норм является соблюдение чистоты речи. Многие ученые относят эту составляющую к коммуникативным качествам речи, включая в нее отсутствие в речи слов-сорняков, слов-паразитов, не несущих никакой смысловой нагрузки, не обладающих информативностью; варваризмов; жаргонизмов; канцеляризмов; вульгаризмов, оскорбляющих нравственное чувство человека.

С нашей точки зрения, именно воспитание чистоты речи, соблюдения этических норм должно быть поставлено сегодня в качестве приоритетной задачи при формировании речевой культуры будущего бакалавра-менеджера. Однако, что касается этого вопроса, то здесь мнения культурного сообщества не так однозначны. Существует значительный процент образованных людей, считающих использование в языке грубого просторечия, жаргонов и даже нецензурных слов и выражений – реализацией принципа «вербальной свободы», которая отбрасывает всякие ограничения в пользовании языком. Снижение речевой культуры в последние годы XX столетия наблюдается в бытовом общении, публичных выступлениях, языке художественной литературы и журналистики. В русскую речь все больше проникают вульгарные, а нередко и просто непристойные слова и выражения, она засоряется словами и оборотами из жаргонов, просторечия. Культура речи на телевидении и радио, в газетах и журналах резко упала, и как неизбежное следствие происходит снижение языковой и общей культуры населения. Сквернословие находит сейчас массу защитников, выдвигающих в качестве основного аргумента стремление человека выразиться крепко и эмоционально в трудных ситуациях. Более того, вместо нецензурных или ненормативных слов сейчас все чаще используется «обсценная лексика».

English language в дружной семье языков не является исключением, где повсеместно распространено употребление так называемого бытового сквернословия, используемого, скорее, для связки слов, которые уже и не относят к категории «нецензурной брани». Сквернословие (bad language/foul language) в американском варианте английского языка стало нормой разговора, стандартным делом в общении. Это касается самых различных слоев населения, особенно тех, кто моложе 45 лет. Бурные 60-е годы с протестом против консервативных ценностей родителей, пуританских нравов англосаксонской протестантской Америки, с субкультурой рок-музыки, с мятежными кампусами не прошли бесследно. Допустимость употребления ненормативной лексики молодежью стала наследием мятежных 60-х. Именно тогда, в 60-е, среди

элитной молодежи все шире распространялся мат, который стал проникать в тексты рок-музыки, а в 70-е годы достиг Голливуда. Однако старшее поколение в Англии и Америке в основном не сквернословит. Не принято браниться и на службе. Насчитывается небольшая («грязная дюжина», как говорят англичане) и замкнутая группа слов и выражений, на употребление которых в культурном сообществе накладывается табу. В Англии существует очень внимательная служба культуры языка в средствах массовой информации, есть и идеологический контроль телевидения, поскольку это соответствует национальным интересам. Новый фильтр сквернословия позволяет заглушать непристойные слова и маскирует слова в титрах фильмов и телепередач. «В мультфильме «Шрек», который считается детским мультфильмом, заглушено 24 слова», – заявил президент компании ProtecTV Род Макки. В нашей стране предусмотрена юридическая ответственность за употребление нецензурной брани в общественном месте, которое приравнивается к мелкому хулиганству.

Проблема нецензурной лексики становится особенно острой, ведь в глазах многих студентов сквернословие – это проявление независимости, способности не подчиниться запретам. Мы исследовали отношение студентов к употреблению обсценной лексики. Нас интересовало, насколько приемлемо использование данной категории слов для самих респондентов, их окружения, а также допустимость, с их точки зрения, нецензурных слов в средствах массовой информации, в речи публичных людей и деятелей искусства. Отраден тот факт, что большинство студентов, даже допускающих в своей речи сквернословие, все же осознают пагубность этой привычки. Студенты высказывали свое отношение к сквернословью, считая его неприемлемым для речи любого нормального человека. Среди полученных ответов также прозвучала мысль о том, что сквернословие – это тяжелейшая болезнь. Действительно, как отмечает Н.М. Амосов, у человека, привыкшего к употреблению нецензурных слов, они присутствуют не только во внешней речи, но и во внутренней (т.е. думает он на «матерном» языке). Вседозволенность речи приводит к болезни интеллекта, сознания, нравственности [1, с. 117].

Что касается возможности употребления обсценной лексики в речи публичных людей, в СМИ, литературе и кино, то здесь многие студенты считают неприемлемым употребление нецензурных слов в речи. Однако некоторые из опрошенных сочли уместным (а подчас необходимым) подобное словоупотребление, считая его проявлением речевой моды, им нравится подражать молодежным кумирам: популярным телеведущим, актерам, певцам.

Таким образом, исследование отношения студентов к употреблению обсценной лексики позволяет сделать вывод о том, что у некоторой категории студентов не выработано четкой принципиальной позиции по

отношению к нецензурным словам. Осознавая неприличие публичного употребления подобной лексики, отказываясь признавать за данной категорией слов художественную ценность, большинство опрошенных в то же время не воспринимает обценные лексемы как речевую агрессию, не осознает пагубности их повсеместного употребления для сохранения чистоты языка в целом и для формирования личной профессионально-речевой культуры.

Данные выводы свидетельствуют о необходимости введения программы, предусматривающей системный подход по воспитанию чистоты речи на учебных занятиях, основанных на комплексном усвоении целого ряда вопросов таких разделов курса русского и английского языков, как словообразование, лексика, грамматика, орфография, стилистика. Введение дидактического материала по данным курсам осуществляется преподавателями в логической взаимосвязи с изучаемой темой профилирующей дисциплины.

Разнообразные формы и методы проведения занятий позволяют объединить основные аспекты изучения языка с творческим усвоением таких сложных в теоретическом понимании и практическом отношении дисциплин, как «Управление человеческими ресурсами», «Основы эффективных коммуникаций», «Кросскультурный менеджмент», «Связь с общественностью» и др.

В этой связи, как нам кажется, особую актуальность приобретают внеаудиторные мероприятия: «круглый стол» «Вирус сквернословия и способы его преодоления»; беседа с элементами тренинга «Слово надо спасти»; интерактивная викторина «Сила слова, или Яд сквернословия»; конкурс творческих работ «Университет без сквернословия – твой рецепт»; театрализованное представление с элементами игры ««Злой язык – признак злого сердца» (Публий Сир)»; диспуты «Злоречивый язык выдает безрассудного (Плутарх), «Каков человек – такова его и речь» (Сократ), «Язык – это история народа. Язык – это путь цивилизации и культуры» (А.И. Куприн); конкурсы на лучший реферат, доклад и другие мероприятия.

Таким образом, целенаправленный и системный подход к проблеме чистоты речи и этическим нормам как русского, так и английского языков в целом, наряду с овладением нормативным и коммуникативным аспектами культуры речи, поможет сформировать высокий уровень речевой культуры, что, в свою очередь, позволит совершенствовать коммуникативную и профессиональную компетентность будущих бакалавров-менеджеров.

Литература:

1. Амосов Н.М. Энциклопедия Амосова. Алгоритм здоровья. – М.: АСТ; Сталкер, 2004. – 246 с.

2. Лесных Е.В. Речевая культура будущего бакалавра: формирование и развитие в условиях вуза // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – Вып. № 7-2 (49). – С. 96-98.
3. Мудрик А.В. О коммуникативной культуре // Директор школы. – 2003. – № 6. – С. 59.
4. Мухадиева Ф.П. Формирование культуры профессиональной речи студента юридического факультета: Дисс. ... канд. пед. наук. – Майкоп, 2006. – 204 с.
5. Стеняшина Н.Л. Развитие коммуникативной культуры будущих менеджеров на основе междисциплинарной интеграции: Дисс. ... канд. пед. наук. – Киров: Изд – во ВятГГУ, 2012. – 216 с.
6. Хасанова Л.Р. Формирование профессионально-речевой культуры будущего учителя начальных классов: Дисс. ... канд. пед. наук. – Уфа, 2000. – 189 с.

References:

1. Amosov N. Amosov's Encyclopedia. The Algorithm of Health. – M.: ACT; Stalker, 2004. – 246 p.
2. Lesnykh E. Speech culture of a future bachelor: its formation and development at the University // Philological science. Issues of theory and practice. – 2015. – Issue № 7-2 (49). – P. 96-98.
3. Mudrik A. Communication culture // School Master. – 2003. – №. 6. – P. 59.
4. Mukhadieva F. The formation of professional communication culture in a law student: Dis. Cand. ped. sciences. – Maikop, 2006. – 204 p.
5. Stenyashina N. Development of communicative culture of future managers on the basis of interdisciplinary integration: Dis. ... Cand. ped. science. – Kirov: 2012. – 216 p.
6. Khasanova L. Formation of professional speech culture of a future primary school teacher: Dis.... Cand. ped. sciences. – Ufa, 2000. – 189 p.

УДК 81'367.332.8

ФУНКЦИИ СВЯЗОЧНЫХ ГЛАГОЛОВ

FUNCTIONS OF THE COPULA VERBS

ХАННАНОВА Д.М., канд. филол. наук, доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины» Альметьевского филиала Университета управления «ТИСБИ»
E-mail: val_dina@mail.ru

KHANNANOVA D., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Humanities Chair, the University of Management «TISBI», Almetyevsk
E-mail: val_dina@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о функциях связочного глагола. Автор показывает, что роль связочных глаголов в предложении не ограничивается только выражением грамматических категорий в составе именного сказуемого. Глагол в роли связки выполняет ряд других функций, таких как компенсаторная, согласовательная и лексическая.

Ключевые слова: *составное именное сказуемое, связочный глагол, функция связочного глагола, синтаксическая контактность, синтагматическая связь, семантическая информация.*

Abstract

The article discusses the features of the copular verb. The author shows that the role of copular verbs in the sentence is not only the expression of grammatical categories in the nominal part of the predicate. The copula verb performs other functions, such as compensatory, coordinating and lexical.

Key words: *compound nominal predicate, copula verb, the function of the copula verb, syntactic contact, syntagmatic connection, semantic information.*

Изучение связочных глаголов уже на протяжении многих лет находится в сфере интересов лингвистики. Это обусловлено тем, что осмысление лингвистической природы связки имеет большое значение для понимания генезиса предложения, его типологии и логико-грамматической структуры [1, с. 436]. Поскольку связочные глаголы представляют собой сложнейшее и многостороннее языковое явление, их анализ проводится с разных точек зрения. Особое внимание уделяется изучению функций связочных глаголов в составе именного сказуемого и в предложении. Выявление функциональных данных глаголов-связок более полно раскрывает их сущность, что в итоге может способствовать исчерпывающему лингвистическому описанию рассматриваемого явления.

Как известно, основным назначением связочного глагола считается выражение показателей наклонения, времени, лица при именной части сказуемого. Эта функция обусловлена историей появления и становления связки, когда в отечественном языкознании во второй половине XIX века наметился отход грамматистов от логических оснований синтаксиса. В грамматике связка постепенно «растворяется» в предикате и более не выделяется в качестве автономного, универсального и постоянного компонента предложения, равноправного с подлежащим и сказуемым, а сохраняет свои позиции только в качестве элемента составного именного сказуемого [2, с. 456]. Возникновение и развитие аналитического именного сказуемого связывают с задачей привлечения именных частей речи к выполнению нехарактерной для них предикативной функции. Связочные глаголы способствуют переходу слов неглагольных частей речи в функциональный класс сказуемого, возмещают недостающие категории для выражения предикативного значения у именных частей речи. Эту функцию глаголов-связок называют грамматизованным значением.

Основная функция связки обнаруживается не только в позиции сказуемого. Аналитическое связочно-именное сочетание может занимать все позиции, возможные для различных форм полнозначного глагола,

например: Быть знаменитым – некрасиво... (Б.Пастернак); Незавидные же были эти любовь и желание казаться молодцом! (Л.Толстой); Он стал мне казаться странен тем, что неподвижно лежал в углу... (Н.Лесков). В этом проявляется важнейшая роль связки в грамматической системе языка: связка организует аналитическую синтаксическую форму составного члена предложения. Во всех вторичных позициях связка уже не участвует в передаче грамматических значений предложения, но является средством выражения аналитической формы члена предложения. В односоставных предложениях связка организует аналитическую форму именного главного члена: Не родись красивой, а родись счастливой (Посл.); А как мне веселой не быть, батю с мамушкой во сне видела (А.Ремизов). Кроме того, связка является одним из средств выражения формы безличности: На душе у меня было покойно... (А. Чехов); В комнате было сильно накурено (В.Каверин) [8, с. 217].

Некоторые лингвисты полагают, что функция связки в именном предложении шире, чем простое выражение грамматических значений. В частности, Ю.И. Леденев назначение связки видит в компенсации сочетательных возможностей полнозначных слов. В этом отношении, по его мнению, функция связочных глаголов близка к функции предлогов, когда связка в качестве компонента составного сказуемого необходима для обеспечения синтаксической контактности и сочетаемости между подлежащим и основной смысловой частью сказуемого – именем в именном сказуемом или глаголом в глагольном. И в том, и в другом случае предикатив нуждается в связке не только как в показателе и оформителе видо-временных и модальных отношений между подлежащим и сказуемым, но и «служит тем мостиком, который позволяет более полно согласовать составное сказуемое с подлежащим» и используется «как средство синтаксической координации сказуемого с подлежащим» [6, с. 77-78].

О выражении связкой синтагматической согласовательной связи между подлежащим и сказуемым говорит и Н.Д. Арутюнова. Этот вид связи реализуется путем формального уподобления – согласования лица, числа, классного показателя и согласовательного маркера. Одновременно связка выполняет и содержательную функцию – утверждение истинности суждения, которая выражается в категориях времени и модальности. Сочетание этих функций часто определяют как предикативное отношение [1, с. 435]. Известно, что в некоторых языках формальная и содержательная функции имеют раздельное выражение: «утверждение истинности представлено бытийным компонентом (или его эквивалентом), а согласование субъекта и предиката – местоименным. Например, в языке суахили функции связки в предложениях с именным сказуемым выражаются раздельно: классным показателем и бытийным глаголом. В настоящем времени неотрицательных предложений бытий-

ная связка опускается, а приглагольный классный показатель субъекта приобретает автономность, например, Sukariitamu 'сахар он сладкий'. ... В тюркских языках большинство аффиксов сказуемости восходит к личным местоимениям»: manuasmañ 'я молодой я'. В подобных случаях говорят о местоименной связке. Разговорный китайский язык развил связку путем оглаголивания местоимения shi. Вовлечение местоимений в систему форм связки зарегистрировано в иранских языках» [там же].

Еще одно назначение связочного глагола В.Н. Белоусов усматривает в том, что связочный глагол привносит в значение всего сочетания семантическую информацию [3]. Сделать такой вывод позволяет то обстоятельство, что связочность является одной из функциональных способностей глагола, поэтому выполнять связочную функцию, в сущности, может любой полнозначный глагол. Сравните, например, следующие высказывания: «Полнозначность ни в коей мере не препятствует выполнению глаголом связочной функции, поскольку связочность является не лексическим, а грамматическим качеством». ... «Служебность и полнозначность не представляют собой различия между словами, а лишь различие между функциями одного и того же слова, и поэтому никакой четкой грани между служебными и полнозначными глаголами провести нельзя». ... Для того чтобы глагол мог употребляться в качестве связки, не требуется значительного семантического ослабления, а тем более полной утраты собственного лексического значения этого глагола» [10, с. 124-127], «нет ни одной связки, которая была бы лишена лексического значения или в которой лексическое значение в какой-либо мере было ослаблено» [4, с. 70].

Передаваемая связочным глаголом семантическая информация может быть двоякого плана. Опираясь на понятия когнитивной лингвистики, И.Н. Меркулова в своем диссертационном исследовании пишет о том, что в основе категории служебности находится грамматический концепт – собственно языковое знание, обобщенная информация о языковых объектах, их свойствах и употреблении. Однако связочный глагол обладает способностью репрезентировать и концепты лексического характера, интегрируя в своем значении концептуальные характеристики служебности и знаменательности. Грамматические значения отражают концептуализацию собственно языковой системы. Лежащий в основе категории знаменательности лексический концепт содержит знания экстралингвистического порядка – знания о реальном мире, окружающих человека предметах, их признаках, происходящих с ними процессах и пр., иными словами, отражает тот или иной способ концептуализации действительности. Роль функционально-связочного глагола заключается, таким образом, в отражении способа концептуализации признака. Глагол в функции связочного отражает знание языкового концепта (понятие синтаксической связи между субъектом и комплементом, об-

условленное синтаксической моделью S+Vcop+Compl), с другой стороны, отражает знание неязыкового концепта, конкретизирующего форму существования самой связи между предметом и признаком в реальности. Так, глагол-связка выражает определенную типовую пропозицию, т.е. некоторое типовое отношение между субъектом и предикатом – бытие признака субъекта, претерпевание состояния. Бытие, в свою очередь, может быть представлено в различных его аспектах, а именно: способ бытия субъекта, обладающего признаком (определенное пространственное положение, движение субъекта), фаза бытия признака (начало, продолжение), способ восприятия признака (перцептивные ощущения) [7, с. 8-9]. В соответствии с указанными аспектами бытия можно выделить такие семантические группы связочных глаголов, как глаголы кратковременного и длительного пребывания в состоянии, связки изменения состояния или начала нового признака и модальные связки – глаголы модальной оценки состояния или признака.

Семантическую информацию несет в себе и собственно лексическое значение знаменательных глаголов-связок, которое предсказывает предмету или субъекту нужный лексико-семантический вариант предикативного имени. Семантическое многообразие глаголов-связок предоставляет говорящему выбрать глагол оптимально соответствующий его коммуникативному намерению.

Таким образом, связочные глаголы являются полифункциональными. Наряду с основными функциями – приписывания предикативного признака и выражения глагольных категорий, глаголы-связки выполняют функции компенсации сочетательных возможностей и согласовательной связи между подлежащим и сказуемым, а также передают семантическую информацию.

Литература:

1. Арутюнова Н.Д. Связка // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – С. 435-436.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
3. Белоусов В.Н. Глаголы с неполной знаменательностью и их синтаксические характеристики // Слово и грамматические законы языка: Глагол. – М.: Наука, 1989. – 296 с.
4. Брущенко Л.В. Принципы выделения типов связок и особенности функционирования отдельных их разрядов // Ученые записки Бельцкого пед. инст. / Отв. ред. Л.В. Брущенко. – Бельцы, 1970. – Вып. 14. – С. 70-76.
5. Валиева Д.М. Система связочных глаголов: Дисс. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2005. – 154 с.
6. Леденев Ю.И. Неполнозначные слова. – Ставрополь, 1988. – С. 77 – 78.
7. Меркулова И.Н. Категория функционально-связочных глаголов в современном английском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2004. – 24 с.
8. Попова Л.В. О месте связки в грамматической системе русского языка // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. – 2011. – № 23. – С. 215-218.

9. Попова Л.В. Связка в грамматической системе русского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Архангельск, 2013. – 43 с.
10. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. – М.: Изд-во лит-ры на ин. языках, 1957. – 285 с.

References:

1. Arutyunova N. Copula // Linguistics. Big encyclopedic dictionary. ed. by V.Yartseva. – М.: Great Russian Encyclopedia, 2000. – P. 435-436.
2. Arutyunova N. Language and the man's world. – М.: Languages of Russian culture, 1999. – 896 p.
3. Belousov V. The verbs with incomplete significancy and their syntactical characteristics // Word and grammatical laws of the language: Verb. – М.: Science, 1989. – 296 p.
4. Brushchenko L. Principles of separation of types of copulas and features of functioning of separate categories // Scolary notes of the Beltsy pedagogical Institute; ed. L.Brushchenko. – Beltsy, 1970. – Issue 14. – P. 70-76.
5. Valieva D. System of copula verbs: Diss. ... cand. philol. sciences. – Perm, 2005. – 154 p.
6. Ledenev Yu. Empty words. – Stavropol, 1988. – P. 77-78.
7. Merkulova I. Category of the functional-copula verbs in modern English: Auth. thesis of the diss. ... cand. philol. sciences. – Tambov, 2004. – 24 p.
8. Popova L. The place of the copula in the grammatical system of the Russian language // Proceedings of V.G. Belinsky SPU. – 2011. – № 23. – P. 215-218.
9. Popova L. Copula in the grammatical system of the Russian: Auth. of the diss. ... cand. philol. sciences. – Arkhangelsk, 2013. – 43 p.
10. Smirnitkiy A. Syntax of the English language. – М.: Publishing house of literature in foreign languages, 1957. – 285 p.

УДК 330

О НОВОМ КУРСЕ «ЕВРАЗИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ»

ON A NEW TRAINING COURSE «EURASIAN POLITICAL ECONOMY»

МИРОПОЛЬСКИЙ Д.Ю., д-р экон. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета

ДЯТЛОВ С.А., д-р экон. наук, профессор кафедры общей экономической теории Санкт-Петербургского государственного экономического университета

НИНЦИЕВА Г.В., д-р экон. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета

ТАРАСЕВИЧ А.Л., д-р экон. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета

MIROPOLSKY D., Doctor of Economical Science, Professor, St. Petersburg State University

DYATLOV S., Doctor of Economical Science, Professor, St. Petersburg State University

NINTSIEVA G., Doctor of Economical Science, Professor, St. Petersburg State University

TARASEVICH A., Doctor of Economical Science, Professor, St. Petersburg State University

Аннотация

В статье рассматривается проблема нового курса политической экономии – «Евразийская политическая экономия».

Ключевые слова: политическая экономия, экономикс, экономическая теория, Евразийская политическая экономия (предмет, метод, функции).

Abstract

The article discusses the problem of a new academic course – «Eurasian political economy».

Key words: Political economy, economics, economic theory, Eurasian Political Economy (object, method, function).

Предмет и метод евразийской политической экономии

Курс «Евразийская политическая экономика» вызван к жизни двумя обстоятельствами. Во-первых, создан и развивается Евразийский экономический союз, и, естественно, практика его функционирования и дальнейшего развития требует теоретического обоснования. Во-

вторых, и это главное, ни политическая экономия, ни «экономикс» не создали теории и, соответственно, не решили проблемы азиатского способа производства. Политическая экономия и «экономикс» по-разному излагают одно – как функционирует капитал западного типа и как он пытается распространиться на весь мир. Принципиальное расхождение возникает в одном пункте: марксизм заявляет о том, что капитал западного типа рано или поздно исчезнет, а маржинализм «курит фимиам» его вечности.

Между тем, практика показывает, что есть капитал (рынок) западного типа, и законы его функционирования отличаются от законов капитала (рынка) западного. Из этого следует, что законы движения капитала вообще имеют разные формы реализации и нельзя сводить капитал вообще к одной из его форм – западной. При этом, заявляя о западной и незападной формах капитала, мы имеем в виду не географическое разграничение, а культурно-исторические типы.

Почему рынок существует, по меньшей мере, в двух формах – западной и незападной? Причина в том, что наряду с капиталом (рынком) существует параллельная экономическая реальность, которую условно можно обозначить как не капитал (не рынок). Именно наличие и взаимодействие двух способов функционирования экономики – рыночного и нерыночного – порождает разнообразие форм хозяйственной деятельности человека.

Предлагаемый курс основан на том, что на евразийском пространстве исторически возникла и развивается экономика, существенно по-другому сочетающая рынок и не рынок, чем на Западе.

Что же такое не рынок? Не рынок – это план. Авторы учебника «Евразийская политическая экономия» полагают, что экономика, в ее простейшем определении, это продукт, который в процессе своего всемирно-исторического развития принял противоположные формы капитала (рынка) и плана. Эпицентром развития продукта в форме рынка стали Западная Европа и Северная Америка. Центры развития продукта в форме плана – Азия, Восточная Европа и Северная Африка. Следовательно, в курсе «Евразийской политической экономии» наряду с рынком, акцент делается на историко-логическом развитии плана как его противоположности. Из изложенного вытекает следующее. Во-первых, социализм не был первой фазой коммунизма. Социализм был исторической формой плана, которая по формационному развитию стоит не выше, а на уровне капитализма. Во-вторых, плановый способ производства объективно обусловлен и ничем не хуже и не лучше капиталистического способа производства. План так же противоречив, как и капитал, но его противоречия противоположны противоречиям капитала. В-третьих, в одних исторических условиях соответствующим сообществам людей

выгоднее и эффективнее развивать продукт в форме капитала, в других исторических условиях – в форме плана. Следующий важный пункт, на котором основывается данный курс: капитал в себе содержит план, а план в себе содержит капитал. Это теоретическое положение также имеет важные следствия. Во-первых, наличие плана в капитале и капитала в плане делает возможным и необходимым их переход друг в друга. Во-вторых, чистой капиталистической экономики нет, и любая форма государственного вмешательства в рынок есть форма движения плана. Точно так же любой рынок внутри плана есть форма движения капитала. В-третьих, смешанная экономика – это смесь капитала с планом или плана с капиталом. Экономика западного типа – это различные комбинации капитала и плана. План здесь вторичен. Экономика евразийского типа – это комбинации плана и капитала. Здесь вторичен капитал. Азиатский способ производства – это план и его разнообразные смешения с капиталом.

В результате получается, что есть: а) капитал западного типа, где элементы плана минимальны; б) капитал незападного типа (в т.ч. на евразийском пространстве), где элементы плана развиты гораздо сильнее, но все же это капитал; и в) план с элементами капитала. Хотя при этом данный последний тип экономики могут называть и капиталистическим. Эта экономика еще в большей степени незападная.

Каковы же условия, при которых в одном случае возникает капитал с примесью плана, а в другом – план с примесью капитала? Авторы курса исходят из следующего: производительные и потребительные силы, которые находят свое воплощение в разделении труда, имеют уровень развития и характер развития. При одинаковом уровне развития производительных сил движение продукта в сторону либо плана, либо капитала определяется характером их развития. Различия в характере развития производительных сил предполагается подробно изложить в учебнике. Идеи, представленные выше, определили принципиальную структуру курса. Первая, вводная, часть посвящена характеристике экономики как системного целого от начала и до конца. Здесь же определяется место евразийской экономики в этом системном целом. Три последующие части укладываются в изображенную схему 1.

Главное содержание евразийской политической экономики в приведенной схеме заключено в прямоугольниках № 2, № 3, № 4. Что же касается Евразийского Союза, то вполне очевидно, что рекомендации по его дальнейшему развитию будут принципиально отличными от тех, которые пригодны для Европейского Союза и аналогичных образований, где абсолютно преобладает капитал.

Схема 1. Общая структура курса

Относительно теоретической методологии, положенной в основу учебника, следует заметить, что авторы стоят на позиции синтеза односторонних научных школ. Под односторонними научными школами понимаются, прежде всего, марксизм и маржинализм. В учебнике также активно используется теоретический аппарат институционалистов. Синтез предполагает не эклектическую мешанину из различных теорий, а включение достижений односторонних теорий, как подчиненных моментов, в более логичную концепцию, преодолевающую их односторонность. Там, где авторы учебника смогли предложить такого рода синтезирующие решения, они это сделали. Там же, где этих решений нет, авторский коллектив присоединяется к позициям других школ. В ходе дальнейшей работы синтетическое и критические начала в тексте учебника будут усилены. Синтезирующий подход предполагает системность. Основная задача, которую поставил перед собой авторский коллектив, – изложить экономику евразийского типа системно. Это выражается, во-первых, в историко-логическом способе подачи материала. Евразийская экономика представлена как развивающаяся от начала и до конца. Во-вторых, авторы, разворачивая историко-логический подход, попытались связать главы учебника в логическое целое, а не механически приставить одну к другой. В-третьих, экономика евразийского типа развивается не изолированно, а вместе с экономикой западного типа. Поэтому учебник включает краткую характеристику рыночной экономики

западного типа с целью показать различие этих двух типов хозяйства и способов их взаимодействия.

Проблема изучения евразийской экономики как целого. Евразийское направление в политической экономии

На сегодняшний день существует два основных термина, обозначающих ту науку, к изучению которой мы приступаем, – «политическая экономия» и «экономическая теория». Между ними, рассуждая формально, нет никакой разницы. С этой формальной точки зрения науку можно назвать и политической экономией, и экономической теорией. Однако исторически между этими названиями образовалось большое смысловое различие. Любое экономическое явление можно изучать двумя основными способами. Можно делать упор на эмпирические факты и поверхностные функциональные зависимости, вытекающие из этих фактов. А можно проникнуть за факты, в суть явления и осмыслить фундаментальные причинно-следственные связи, лежащие в основе этого явления. Те ученые, которые идут первым путем, предпочитают называть науку экономической теорией. Ученые же, которые следуют вторым путем, используют название «политическая экономия».

Коллектив авторов учебного пособия относит себя ко второй группе ученых. Наша цель – понять глубинные основы такого явления, как евразийская экономика, и поэтому курс называется «евразийская политическая экономия», а не «евразийская экономическая теория».

Политическая экономия – это часть экономики как науки в широком смысле слова. В экономику входят многочисленные дисциплины. Такие, например, как финансы, статистика, бухгалтерский учет и т.д. Поэтому прежде чем изучать политическую экономию, надо выяснить, в чем ее отличие от других экономических наук, или иначе – выяснить, каков ее предмет.

Существующие экономические школы по-разному определяют предмет политической экономии. Мы рассмотрим формулировку предмета политической экономии двумя основными школами – маржинализмом и марксизмом.¹

В экономической науке маржиналистского толка сегодня преобладает следующее определение предмета политической экономии: «Это наука об управлении редкими ресурсами. Она изучает формы, которые принимает человеческое поведение при использовании этих ресурсов; она изучает и объясняет, каким образом индивидуум или общество направляют ограниченные средства на удовлетворение своих многочисленных и неограниченных потребностей» [2]. Можно было бы сослаться не на Р.Барра, а на разнообразные другие учебники. Везде на разные лады повторялась бы одна и та же мысль: а) есть ограниченные ресур-

¹ В двух словах невозможно определить, каково содержание маржинализма и каково – марксизма. Смысл этих теорий вам станет понятным по мере изучения данного курса.

сы (редкие блага); б) есть неограниченные потребности людей; в) есть человеческая деятельность (или некий экономический механизм), трансформирующие эти редкие ресурсы для удовлетворения неограниченных потребностей.

Следует обратить особое внимание на первый пункт – редкие блага. Дело в том, что блага, необходимые человеку для жизни, делятся маржиналистами на изобильные и редкие. Например, воздух в девственном лесу – благо изобильное, оно находится в вашем распоряжении в неограниченном количестве. А вот, скажем, мясо – благо редкое. И так как оно редкое, его надо экономить. Поэтому наука экономика начинается именно с редких благ.

Марксистская школа считает, что «политическая экономика изучает те общественные отношения, которые складываются между людьми в производстве благ, необходимых им для жизни. Эти отношения называются производственными отношениями» [3].

Производство благ – это всегда отношение людей к природе. «Отношения же людей к природе политическая экономия рассматривает в той мере, в какой это необходимо для объяснения производственных отношений» [3].

Если существуют две формулировки предмета науки, то возникает естественный вопрос, какая из них правильная, а какая – нет? Чуть ниже мы предложим вам свой ответ на этот вопрос. А пока обратим внимание на одну неясность, которая возникает в связи с обеими формулировками. Возьмем маржиналистскую трактовку предмета политической экономии и рассмотрим такую конкретную экономическую науку, как логистика. Занимается ли она изучением вопроса, как приспособить редкие ресурсы для удовлетворения потребностей людей? Занимается. А экономика труда занимается этой проблемой? Тоже занимается. Как, впрочем, и любая другая наука, относящаяся к экономике. Но тогда уместен вопрос: чем же отличается предмет политической экономии от предмета логистики, статистики и т.д.?

Марксистская версия предмета политической экономии приводит к тому же вопросу. Ведь финансы или маркетинг так же, как и политическая экономия, изучают производственные отношения, только в своих специальных областях. Чем тогда отличаются финансы и маркетинг от политической экономии?

Недолгое размышление позволяет найти ответ. Политэкономия – единственная наука, которая изучает трансформацию редких благ в форму, пригодную для удовлетворения потребностей или производственные отношения между людьми в масштабах экономики как единого целого. Все же остальные экономические науки решают эти проблемы каждая в своей специальной области. Таким образом, мы пришли к важнейшей особенности предмета политической экономии: политэкономия

отличается от всех остальных экономических наук тем, что предметом ее рассмотрения хоть в маржинализме, хоть в марксизме должно быть хозяйство как целое.

Изучить экономику как целое – означает изучить ее от начала и до конца. Допустим, экономист решил изучить целиком современное хозяйство. Скажем, за последние 10-20 лет. Означает ли это, что он стал экономистом-теоретиком? Нет, не означает. Из поля его зрения выпало развитие хозяйства за последние 40, 100, 500 лет. То есть рассмотреть экономику как целое означает: рассмотреть ее с первых мгновений хозяйственной деятельности человека.

Но если мы рассмотрим экономику с первых мгновений и до сегодняшнего дня, то тоже не получим ее как целое. Мы начали с начала и не дошли до конца. Теоретик должен показать начало хозяйства, процесс его развития и его завершение, то есть конец. И если кто-то заявляет, что экономика бесконечна, он должен доказать свое заявление, показав это бесконечное будущее.

Итак, политическая экономия изучает экономику всех времен.

Но этого мало. Предположим, некто задался целью узнать все об экономике США. Является ли он теоретиком? Нет. Экономика США – не вся экономика. Есть еще хозяйства Японии, Нигера, Северной Кореи, племени Акуруио в Латинской Америке... Иначе говоря, экономист-теоретик должен охватить экономику не только всех времен, но и всех народов. Только тогда наше исследование будет соответствовать предмету политической экономии – изучению хозяйства как целого.

Таким образом, перед политэкономией стоит задача – представить как целое экономику всех времен и народов. Для решения такой непростой задачи необходим специальный метод исследования.

Однако такая задача стоит перед политической экономией в целом, а какая задача стоит перед евразийской политической экономией?

Целостное осознание экономики предполагает два встречных процесса. С одной стороны, надо понять, что есть общего в экономике во все времена и у всех народов. С другой стороны, столь же важно знать, как и почему это общее порождает в разные времена и у разных народов принципиальные различия в их экономической жизни.

Рассмотрим предмет евразийской политической экономии с точки зрения задачи нахождения того, что есть общего в экономике всех времен и народов. Современная политическая экономия уходит корнями в классическую политическую экономия. Обе они (и современная, и классическая) подменяют общее в экономике частным случаем – экономикой западного типа. Ограниченная экономическая практика Запада возводится в абсолют и выдается за некие всеобщие универсальные законы экономического поведения человека. Ясно, что такая полити-

ческая экономия не может быть истинной и соответствовать предмету политической экономии.

Евразийская экономика так же, как и западная, – это и территориальное понятие и культурно-исторический тип хозяйства. С территориальной точки зрения евразийская экономика обнаружила себя в великих цивилизациях Месопотамии, Китая, Индии, продолжилась цивилизацией Арабского Востока, Османской империи, Советского Союза. С культурно-исторической точки зрения к экономике евразийского типа можно отнести, кроме перечисленных, экономику Древнего Египта и многие другие.

Очевидно, что без изучения евразийской экономики как относительно самостоятельной и включения законов ее функционирования в общее понятие экономики всех времен и народов само понимание экономики как целого будет неверным. Такая экономика не будет целой.

Теперь рассмотрим предмет евразийской политической экономии с точки зрения того, как и почему общее в экономике порождает разные типы хозяйств. Если в состав экономики евразийского типа входит такое большое число народов, если среди этих народов есть древнейшие цивилизации, то невозможно игнорировать вопрос, почему они возникли и возникают как особенные проявления единого экономического процесса всего человечества. Сегодня это напрямую связано с появлением Евразийского Союза. Невозможно также игнорировать вопрос, как эти экономики, непохожие на западные, работали и работают и как соотносятся с экономиками западного типа.

Итак, перед политической экономией стоит сверхсложная задача – изучить экономику всех времен и народов. Перед евразийской политической экономией как разделом политической экономии в целом стоит менее сложная, но также очень трудная задача – изучить во все времена экономику евразийского типа в ее соотношении с экономикой неевразийского типа. Для решения таких непростых задач необходим специальный метод исследования. Однако перед тем, как перейти к методу, рассмотрим одно течение экономической мысли, имеющее прямое отношение к нашему предмету.

Евразийское направление в политической экономии

Приступая к изучению евразийской политической экономии, вы должны знать, что в истории экономической мысли евразийское направление уже было. Для того чтобы понимать, что различает и что объединяет евразийскую политическую экономию и историческое евразийство, дадим ему краткую характеристику.

Евразийство как комплекс идей и политическое движение сформировалось в 20-30-е годы XX века как реакция на крах российской державы и белого движения с целью выработки концептуальных взглядов

на возможное, альтернативное большевизму, будущее России. Научное обоснование Евразийства связано, прежде всего, с плеядой молодых высокообразованных русских интеллигентов, оказавшихся в эмиграции и болеющих за судьбу страны.

Вдохновителями складывающегося нового мировоззрения, стоящими у его научных истоков, являлись князь Н.С. Трубецкой (1890-1938), П.Л. Сувчинский (1892-1985) и П.Н. Савицкий (1895-1968). На разных этапах к мировоззрению евразийцев примыкали многие яркие личности зарубежной эмигрантской мысли: Г.В. Флоровский (1893-1979), Л.П. Карсавин (1882-1952), Г.В. Вернадский (1887-1952), Н.Н. Алексеев (1879-1964) и др.

В экономическую доктрину евразийцев наибольший вклад внесли П.Н. Савицкий и Н.Н. Алексеев.

Евразийцы отрицали и капитализм (тезис), и коммунизм (антитезис), рассматривая евразийство (синтез) как снятие противоположности. В отличие от других эмигрантов – монархистов, буржуазных либералов – взгляды евразийцев были устремлены в будущее страны. Они видели в Октябрьской революции 1917 г. не только негативные, но и положительные стороны.

Исходным и самым существенным моментом в формировании всей евразийской концепции стали положения о необоснованности претензий европейской культуры на универсальный характер и о ее откровенной чужеродности российской культуре. Главным стержнем концептуальных построений представителей нового течения общественной мысли, на который нанизывались все другие теоретические посылки и выводы, явилось понимание России как Евразии, т.е. «месторазвития» населяющих ее народов. Занимающий срединное положение между Европой и Азией евразийский «материк» обладает своими, отличными от европейских, природно-климатическими особенностями, превращающими его в некий «континент-океан», обеспечивающий единое хозяйственное, культурное и политическое пространство для всех проживающих в нем народов и народностей. Это не Европа и не Азия, это особый мир, особый феномен.

Таким образом, месторазвитие есть не внешняя среда для социума, а единство природных и жизнедеятельных процессов в рамках определенной территории.

Идея месторазвития была углублена а) рассмотрением наличия доступности к океану как фактора включения в мировую экономику и отсутствия доступности – как фактора самодавления и внутриконтинентальной интеграции; б) разделением стран (по критерию связи их территории с побережьем океана или морей, обеспечивающих доступ к океаническим водам) на океанические, континентально-океанические, континентальные.

Данное разделение стран имеет ряд следствий:

– Океанические перевозки дешевле сухопутных, и, соответственно, издержки на перевозку тонны груза значительно ниже. Океанические страны при товарообмене по мировым ценам имеют конкурентные преимущества на мировом рынке (мировой рынок как центр операций).

– Занимая разное положение по отношению к океану, страны как части целостного мирового хозяйства находятся в неодинаковом положении. Россия наиболее обездолена в смысле океанического обмена.

– При вступлении в мировое хозяйство континентальные страны несут дополнительные издержки на единицу продукции при ее экспорте и импорте. Континентальным странам и их регионам резон строить отношения не столько с мировым рынком, сколько выстраивать дополняющее друг друга единое континентальное хозяйство, ориентироваться на внутренний континентальный рынок.

– Внутриконтинентальное притяжение ведет к обоюдной пользе и для покупателя, и для продавца товара. Притяжение больше там, где выше пространственное соприкосновение, где выше спектр производств.

Обездоленность России – Евразии выходами к океану (замерзающие Балтийское и Белое моря, закрытый льдами Северный Ледовитый океан, неподконтрольный выход из Черного в Средиземное море) объективно побуждает к самодавлению, развитию собственного сельского хозяйства и промышленности. Моря как связь с мировым рынком нужны России, но роль океанического принципа в построении хозяйства для нее второстепенна.

При этом, по мысли Савицкого, истоки единства России – Евразии восходят отнюдь не к Киевской Руси, а к империи Чингисхана, сыгравшей-де неоченимую роль в государственном строительстве и сохранении православной религии в условиях идейной и военной угрозы Запада. Иными словами, татаро-монгольское иго трактовалось евразийцами как факт, глубоко позитивный с точки зрения истории России.

С точки зрения евразийцев историческая преемственность многое объясняет в развитии Российской Империи XVIII-XX веков и сменившего ее СССР, в частности, связь с хозяйственными формами кочевых держав. В монгольской империи все слои общества являлись служивыми, несли тягло, отсутствовала настоящая частная собственность на землю, значение каждой социальной группы определялось ее отношением к государству. Черты названного уклада были восприняты Московской Русью. Императорская Россия отошла от него в сторону европейских образцов лишь частично. Из этого же источника идут и принципы этатизма, огромная роль государства в хозяйстве.

Но если, по евразийцам, монголы первыми решили историческую задачу Евразии и заложили основы государственного устройства этого

бездрежного «Океана-Континента», то Петр Первый, напротив, сыграл в истории России резко отрицательную роль, ибо он, а вслед за ним и его преемники, взяли курс на европеизацию России, что не могло не привести к «извращению ее евразийской самобытности» и к «замутнению национального самосознания» русского народа, прежде всего, интеллигенции, слепо усвоившей «западные образцы». Именно это, с жаром доказывали евразийцы, повлекло за собой раскол культуры на «низы» и «верхи», в результате чего Россия получила революцию.

При этом евразийцы выражали надежду на то, что осуществленная большевиками революция при всех ее негативных сторонах все же будет способствовать «очищению подлинной сути евразийского духа России» от поверхностного европейского налета, и, в конечном счете, Россия – Евразия станет центром притяжения неевропейских народов против колониального засилья европейских стран.

В реализации данных принципов большая роль отводилась государству, государственно-частной системе хозяйства, призванной обеспечить свободу выбора между работодателем, в лице государства, и частными предпринимателями. Существование двух типов предприятий позволяет в условиях здоровой конкуренции обоюдно подтягивать их уровень. Признавая, что частная собственность противоречит идеи социального целого, евразийцы требовали свободы не для частной собственности, а для частнохозяйственной инициативы. Выдвигали идею функциональной собственности в рамках синдикатов, государственно-хозяйственного плана и центра. Создание крупных государственных и частных предприятий промышленности, объединенных в синдикаты отдельных отраслей, – вот модель, которую пропагандировали евразийцы.

К началу Второй мировой войны евразийство как движение угасло (в т.ч. и под воздействием операции ГПУ «Трест»), а многие интеллектуалы отошли от идей евразийства ранее.

Евразийцам не удалось создать целостной политико-экономической концепции. Далеко не все их положения разделяются коллективом авторов данного учебника. Расхождение начинается уже при определении границ евразийской экономики. Для евразийцев евразийская экономика – это экономика Российской империи – Советского Союза. Для нас совокупность экономик, где возник и развился тип хозяйства, противоположный западному. Однако, тем не менее, евразийское течение экономической мысли породило ряд важных идей, вошедших в предлагаемый курс евразийской политической экономии.

Имеет ли евразийская политическая экономия особый метод исследования?

Итак, каким образом можно познать экономику как целое, а в ее составе – евразийскую экономику как относительно целое?

Первый метод, который можно использовать для этой цели, – позитивный или эмпирический. Суть его заключается в том, что необходимо собирать конкретные факты о хозяйственной жизни всех людей во все времена. Если мы соберем все факты хозяйственного поведения человека, мы тем самым и познаем экономику как целое.

Однако на пути использования такого эмпирического метода возникает ряд трудностей:

– Во-первых, можно ли собрать все экономические факты? Некоторые скрыты тьмой веков, некоторые – недоступны для прямого наблюдения, каждый день возникают мириады новых фактов. И главное – необходимо собрать факты, которые еще не произошли. Ведь надо рассмотреть экономику не только с начала, но и до конца.

– Во-вторых, допустим на мгновение, что произошло чудо и все факты собраны. Открывают ли собранные факты устройство экономики как целого? Увы, нет. Они лежат хаотической кучей и никакой истины нам не дают. Эмпирический метод зашел в тупик.

Для того чтобы извлечь из фактов знания, их нужно интерпретировать. Иначе говоря, к фактам нужно применить логику, которая в фактах не содержится. Культура логического мышления существует и развивается независимо от данной совокупности фактов. Используем из этой культуры, для интерпретации собранных экономических фактов, рациональный метод или систему формальной логики.

Формальная логика (ее еще называют здравым смыслом) характеризуется тем, что объясняет факты четко, точно и однозначно. Свое высшее воплощение формальная логика получила в математике и, соответственно, в математическом моделировании изучаемого предмета.

Итак, перед нами бесформенная груда фактов, в голове – формальная логика. Наша задача – получить из этой груды фактов знание экономики как системного целого.

Здравомыслящий ученый понимает, что получить сразу сложное знание об экономике как целостной системе невозможно. Надо действовать в два этапа. На первом этапе необходимо определить хозяйство не как сложное целое, а как простое целое. Необходим некий единый термин, который объединял бы в себе все экономическое. Этот термин и есть научная категория, которая представляет собой экономику как целое, но простое целое. Данная категория скрывается за бесконечным мельканием фактов, и ее надо из этих фактов извлечь.

На втором этапе найденную категорию постепенно начинают развивать в логичную научную теорию. Эта научная теория, по мере ее развития, снова возвращается к эмпирическим фактам. Но они предстают перед нами уже не как беспорядочная масса, а как стройное, упорядоченное целое, которое мы понимаем.

Как будет действовать ученый, использующий формальную логику на первом этапе? Он будет заниматься обобщением эмпирических фактов. Нужно отбрасывать то, чем один факт отличается от другого, и оставлять то, что эти факты объединяет. Тем самым, постепенно теоретик найдет нечто единое, обнимающее собой всю экономическую реальность. Это единое и будет той категорией, которая покажет нам экономику как простое целое.

В связи со всем этим, нам надо еще раз уточнить определение предмета экономической теории. Сначала предметом экономической теории является экономика именно как простое целое. И лишь по мере изучения этой науки простое целое будет превращаться в сложное целое.

Вернемся к приведенному выше определению предмета экономической теории, которого придерживается большинство западных экономистов-маржиналистов. Содержится ли в этом определении экономика как простое целое? Очевидно, что не содержится. Вместо простого целого мы получаем целый набор определений. Во-первых, есть блага; во-вторых, они без всякого объяснения разделены на редкие и изобильные; в-третьих, им противопоставлены человеческие потребности; в-четвертых, эти потребности почему-то безгранично возрастают; в-пятых, между редкими благами и неограниченными потребностями располагается некий экономический механизм. Нам же нужен не набор бессвязных понятий, а единый термин, который бы означал экономику как целое.

Может быть, марксистская теория содержит понятие, определяющее экономику как целое? Тоже нет. Есть производство (но при этом нет потребления); есть люди, которые данное производство осуществляют, и есть отношения между этими людьми. Еще есть отношение производства к природе и некая мера, в соответствии с которой надо рассматривать это отношение производства к природе.

Итак, пока у нас нет одного термина, который бы четко отделял экономику от неэкономии и представлял экономику как единое, простое целое.

Снова обратимся к маржиналистской формулировке предмета науки. Мы пришли к выводу, что в ней отсутствует определение хозяйства как простого целого. Однако предположим, что маржиналисты, которые славятся своим здравомыслием, все же дошли до такой ступени обобщения, что сформулировали единую категорию, которая объединяет собой все экономическое и одновременно отделяет от экономики все неэкономическое. Предположим, что эта категория – благо. Благо является обобщением всех эмпирических фактов экономической жизни.

Теперь наступает второй этап. Надо исходную категорию «благо» развить в логически стройную теорию, которая объяснит нам эмпириче-

скую реальность. Но как осуществить это развитие категории «благо»? Мы будем бесконечно повторять, что экономика как простое целое есть благо, и не двинемся с места. Мы не сможем двинуться с места, так как в этой категории нет никакого различия, которое позволило бы нам как-то ее конкретизировать.

Такой печальный итог мы получили из-за здравого смысла. Здравый смысл требует, чтобы все было точно и однозначно определено. Руководствуясь требованием этой однозначности, мы выбрасываем все, чем экономические факты различаются, и оставляем только то, в чем они едины. Мы получили категорию, которая точно и однозначно содержит в себе то общее, что лежит в основе экономических фактов.

Теперь давайте вспомним, что должна изучать экономическая теория: экономику как целое. Но если мы оставляли только то, в чем факты едины, и выбрасывали то, чем они различаются, получили ли мы в категории «благо» экономику как целое? Нет, не получили. Значит, определение экономики как простого целого должно содержать в себе: а) то, что объединяет все эмпирические факты; б) то, что их различает.

Получается, мы должны определить нечто как: а) тождественное и б) различенное. Мы одному и тому же предмету должны дать противоположные определения. А это противоречит здравому смыслу или формальной логике! Формально-логический метод изучения хозяйства как целого так же, как и эмпирический метод, зашел в тупик.

Как же теоретики, использующие формально-логический метод исследования, выходят из затруднительного положения? Ведь все равно, несмотря на то, что из категории «благо» ничего не вывести, теорию надо создать. Прием, применяемый формальной логикой, прост. К категории «благо» добавляются определения извне. Так, блага делятся на редкие и изобильные, редким благам противопоставляются возрастающие потребности, а посередине появляется экономический механизм. Правда, возникает вопрос № 1: чем должны руководствоваться ученые, давая такие внешние определения? Есть ли единый критерий? Единого критерия нет. Каждый руководствуется своим здравым смыслом. Сколько профессоров, столько и мнений. Но как же тогда прийти к общей формулировке? Ученые собираются на конференцию, где большинством голосов решают, какую формулировку считать правильной. Утверждается произвольное мнение большинства. Так рождается основное течение экономической мысли – мейнстрим, стоящее на позиции формальной логики.

Возникает и вопрос № 2: если мы к категории «благо» притягиваем внешние определения, сохраняет ли эта категория статус охватывающей все экономическое? Конечно, нет. Если нет, то где же однозначность и точность здравого смысла? Их тоже нет. Вместо точности мы получаем бессвязный набор исходных определений. Это исходная бес-

связность проникает затем во всю последующую теорию, делая ее бес-системной и запутанной.

Мы критикуем маржиналистов. Однако точно такую же критику можно обрушить и на марксистскую формулировку исходной категории «производственные отношения».

Мы остановились на том, что исходная категория, фиксирующая хозяйство как простое целое, едина и различна, то есть имеет противоположные определения. Формальная логика не справляется с такого рода определениями, поэтому мы должны искать другой метод исследования хозяйства. Человеческая культура выработала такой метод. Его называют диалектико-логическим.

Прежде чем изложить существо этого метода, следует сделать одно важное практическое замечание. С одной стороны, студенты, начинающие изучать экономическую теорию, пусть в разной мере, но владеют приемами формально-логического мышления. Эти навыки вам прививает средняя школа и особенно математика. Диалектико-логическим же мышлением вы не владеете. С другой стороны, диалектико-логический метод крайне сложен, и возможность быстренько, по ходу дела, вас ему обучить отсутствует.

Это имеет два следствия:

– Следствие № 1. Курс основан на диалектическом методе. Но изложение материала построено формально-логически. Диалектико-логические построения лишь кое-где вкрапливаются. Это сделано для того, чтобы текст был доступен для студента, не владеющего диалектическим методом.

– Следствие № 2. Изложенное ниже никоим образом не является диалектическим методом. Это просто некоторые его важные признаки, приведенные не для прямого использования, а для того, чтобы вы имели хоть какое-то представление о том, на основании чего сделан учебник.

Итак, какие же принципы образуют диалектический метод?

Принцип движения от простого к сложному. Каждый предмет когда-нибудь возникает, проходит процесс своего развития и завершается. Возникает он как простой, неразвитый. Потом в процессе развития усложняется и завершается как сложный. Поэтому диалектико-логический метод предполагает рассмотрение предмета не в готовом виде, а в его движении от простого состояния к сложному. Именно поэтому нам и надо вначале определить экономику как простое целое.

Принцип противоречия. Почему предмет развивается от простого к сложному? Потому что он содержит в себе противоречие. Когда предмет только возник, он простой и его противоречие тоже простое и малоразличимое. Затем в процессе развития противоречие предмета максимально развивается и обнаруживается. А затем происходит его

(противоречия) разрешение. Разрешение противоречия предмета означает, что предмет исчез, но сохранился в новой, более сложной, реальности, содержащей в зародыше новое противоречие, которое тоже разовьется, и т.д.

Принцип отрицания отрицания. Этот принцип хорошо проясняет смысл противоречия. Когда предмет возник, он нечто утвердительное. Однако, как мы только что говорили, в зародыше он уже содержит противоречие. Развитие этого противоречия приводит к тому, что возникает противоположное определение предмета. Раз определение противоположное, оно отрицает первое, утвердительное, определение.

Это вторая ступень развития предмета – как раз ступень развитого противоречия, ибо теперь предмет имеет первое, утвердительное, определение и второе – отрицательное.

Наконец, третья ступень – отрицание отрицания. Отрицание отрицания предполагает, что возник новый предмет, имеющий в себе и первое утверждение; и его отрицание, но как подчиненные моменты. Иначе говоря, в процессе отрицания отрицания возникла новая, более развитая, реальность. Эта новая реальность, с одной стороны, вобрала в себя все предшествующее развитие, но с другой стороны, как только что возникшая, есть новое утверждение, которое лишь затем породит свое же отрицание, а затем и следующее отрицание отрицания.

Принцип единства исторического и логического. Смысл этого принципа в том, что, рассматривая основные этапы исторического развития предмета, мы одновременно в логической форме изучаем его устройство. Первые исторические формы существования предмета есть одновременно и его исходные логические определения.

Принцип рассмотрения предмета как единичного, особенного и всеобщего. Предмет всегда включает в себя моменты единичного, особенного и всеобщего. Однако на разных стадиях развития предмета какой-либо из этих моментов доминирует.

Как только мы приступаем к изучению предмета, он выглядит как мелькание поверхностных и единичных феноменов. Поэтому на первой стадии определение единичности доминирует. Но это абстрактная единичность.

Далее, мы начинаем отождествлять и различать единичные феномены. Они, тем самым, оказываются сгруппированными в отдельные особенные совокупности. Здесь доминирует момент особенного в предмете.

Наконец, все особенные совокупности предстают перед нами как проявления всеобщей природы предмета. Теперь в предмете начинает доминировать момент всеобщего. На этой стадии познания наибольшее развитие получает как сам момент всеобщего так и, благодаря ему, моменты единичного и особенного.

Надо понять еще одну вещь. Весь путь от абстрактной единичности до конкретной всеобщности проходит только мир в целом. Если мы беремся изучать какую-то часть этого мира, например, экономику, нам надо будет определить, какое место она занимает в этом движении универсума и до какой степени всеобщности способна прийти.

Изложенное выше относится к экономике как целому. Но применим ли диалектический метод к евразийской экономике? Конечно, применим. Евразийская политическая экономия не имеет особого метода исследования. Евразийская политическая экономия является результатом развертывания политической экономии в целом, результатом, полученным в результате применения единого диалектического метода исследования.

Соотношение предметов политической экономии в целом и евразийской политической экономии, в частности

Итак, после всех предварительных рассуждений нам необходимо все-таки сформулировать предмет политической экономии. Мы уже знаем основные требования к определению предмета:

1. Это должна быть категория, охватывающая хозяйство как простое целое.
2. Она должна содержать в себе простейшее различие.
3. Эта категория должна в зародыше содержать в себе все дальнейшее развитие экономики как целостной системы.

Если исходное определение предмета содержит экономику как целое, то, развивая эти определения в развернутую теорию, мы все время будем удерживать экономику как единую систему.

Если исходное определение предмета содержит различие, то в начале целое простое будет, по мере развертывания этого различия, наполняться все более конкретным содержанием.

Таким простым целым, охватывающим все экономическое всех времен и народов, является продукт. Соответственно, за пределами продукта ничего экономического нет. И что бы ни изучала политическая экономия, это все одно и то же – продукт.

Обычно под продуктом понимают результат трудовой или производственной деятельности человека. Как же может результат охватывать все, включая и то, результатом чего он является? Никак не может. Дело в том, что между продуктом вообще и продуктом как результатом – огромная разница. Продукт как результат – лишь часть продукта вообще. А мы говорим именно о продукте вообще.

Может, конечно, возникнуть вопрос: а как же деньги, курсы акций, менеджеры, информация и хеджирование? Все это результат развития и одновременно более конкретные определения одного – продукта.

Определив предмет экономической теории как продукт, мы попали в ту же ловушку, что и здравомыслящие ученые. Продукт – пустое тождество, лишенное какого-либо различия. Поэтому нам никак не конкретизировать его. Однако мы еще не закончили формулировку предмета экономики. С точки зрения диалектики все движется. Поэтому продукт – тоже процесс движения. Простейшее движение продукта есть производство и потребление. Различие производства и потребления позволяет нам развить всю дальнейшую экономическую теорию.

Мы имеем теперь, с одной стороны, продукт как целое; с другой стороны – имеем продукт как производимый или потребляемый. Это противоречие. Производимый продукт есть целое и есть нечто только производимое. Следовательно, ему недостает потребления. Производимый продукт, стремясь слиться с собственным целым, переходит в потребление. Однако потребляемый продукт опять противоречит себе: он – целое (продукт) и не целое (только потребляемый). Стремясь разрешить противоречие, потребляемый продукт переходит в производимый и снова противоречит себе. Таким образом, исходное противоречие продукта запускает экономику как простейший переход производства в потребление и потребления в производство.

Вернемся снова к категории «благо» и сравним ее с категорией «продукт как процесс производства и потребления». Первое критическое замечание в адрес редкого блага касалось того, что в нем нет исходного различия, которое позволяло бы его конкретизировать. Но это не все. Маржиналистская школа делит блага на изобильные и редкие. Давайте подумаем, является ли воздух для человека благом? Является. Если человек находится в диком лесу, то это благо для него изобильное, то есть неэкономическое. Является ли тот же воздух благом для крокодила, живущего в том же лесу? Надо думать, что является.

Рассуждаем дальше. Является ли крокодил для человека благом? Тоже является. Только крокодил для человека благо редкое. Крокодилы на дороге не валяются. Их надо ловить. А человек для крокодила благо или нет? Конечно, благо. И также редкое. Людей тоже надо ловить. Из всего этого следует, что и человек, и крокодил осуществляют хозяйственную деятельность, потому что имеют дело с редкими благами. А отсюда следует, что человек – это крокодил, а крокодил – это человек. Руководствуясь здравым смыслом, мы пришли к выводу, который здравому смыслу противоречит. Редкое благо оказывается неконкретным определением не только потому, что не имеет в себе различия, но и потому, что смешивает экономический мир человека и мир животных. Нам же надо из всей совокупности благ найти человеческое благо, которое бы четко очертило круг экономической деятельности человека. Это специфическое благо – производимый и потребляемый продукт.

Однако достаточно ли сказать, что предмет экономической теории – процесс производства и потребления продукта? Чтобы в этом разобраться, задумаемся, можно ли познать часть, не познав целого? Нельзя. Ведь часть имеет связи с целым. Следовательно, познание части включает в себя познание и ее связей с целым. Эти связи определяются как устройством части, так и устройством целого. Поэтому познать характер связи невозможно, не зная как устроено целое.

Человек не исчерпывается экономикой. Мир человека гораздо шире и разнообразнее. Значит, продукт как часть мира человека невозможно познать, не определив, что есть человек и как он относится к продукту.

В свою очередь, человек – это часть универсума. Он вступает в отношения с неорганической и органической природой. Значит, познать продукт как принадлежность человека невозможно вне его взаимоотношений с природой.

Поэтому, если мы хотим изучать экономику как целое, нам надо решить триединую задачу:

- 1) изучить продукт в его отношении к себе самому;
- 2) изучить отношение продукта к человеку;
- 3) изучить отношение продукта к природе.

Но все эти положения касаются предмета политической экономии как единой науки. А каков предмет евразийской политической экономии как части этой единой политэкономии?

Мы выяснили, что предмет политической экономии в целом – это продукт как процесс производства и потребления. Допустим, мы начали производить продукт, произведя продукт, мы его потребили. Потом мы снова начали производить продукт и снова его потреблять. Теперь вопрос: можно ли утверждать, что и первый произведенный и потребленный продукт, и второй – это единый процесс производства и потребления продукта? Конечно, можно. Сколько бы мы ни производили и ни потребляли отдельных продуктов, это всегда единый процесс производства и потребления единого продукта.

А теперь второй вопрос: можно ли утверждать, что первый продукт и второй продукт – это разные продукты? Разумеется можно. И даже нужно. Ведь мы сначала произвели один отдельный продукт, а потом произвели и потребили другой отдельный продукт.

Так что же получается? Получается, что продукт – это нечто единое, одно, и, одновременно, продукт – это многое, многие продукты. Действительно, так и есть. Мало того, так получается не только в нашем мозгу. Так дело обстоит и в реальности. В действительной жизни нормальный продукт и единый процесс производства и потребления, и одновременно многие отдельные акты производства и потребления.

Однако несмотря на то, что нормальный продукт есть единство одного и многого, в силу ряда причин, которые мы будем изучать в дальнейшем, в одном случае принцип единого (одного) продукта начинает доминировать над принципом многих продуктов, а в другом случае, наоборот, принцип многого (многих отдельных продуктов) начинает доминировать над принципом продукта как единого.

Эти два противоположных случая и формируют предметы евразийской и западной политических экономик (рис. 1).

Конечно, в начале курса трудно понять, о чем конкретно идет речь. Однако не волнуйтесь, скоро все прояснится.

Абстрактная общая формулировка евразийской политической экономии находит свое более конкретное выражение, если речь идет о Евразийском экономическом союзе. Доминирование в евразийском продукте принципа одного над принципом многого проявляется в том, что интеграция в Евразийский экономический союз – это не только взаимодействие, взаимное приспособление, сотрудничество, объединение национальных хозяйств, интернационализация хозяйственной жизни с учетом конкретно-исторических, геополитических, региональных и национальных особенностей, но и, самое главное, формирование системного единства – новой интеграционной целостности.

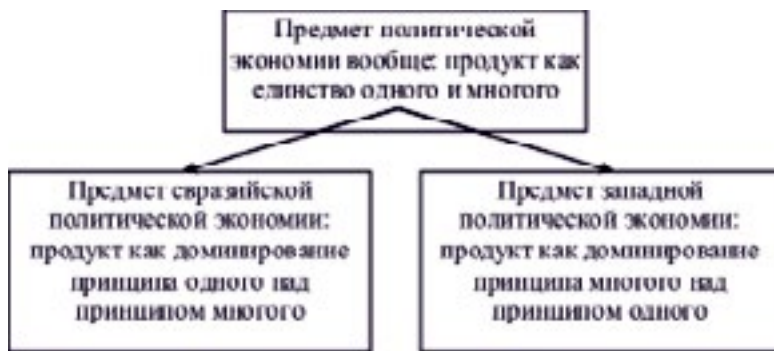

Рис. 1. Специфика предмета евразийской политической экономии

Экономическим содержанием интеграции является объединение национальных экономик в единый воспроизводственный комплекс. Это предполагает не только устранение межгосударственных таможенных и прочих барьеров, но и согласование между заинтересованными странами конечных целей социально-экономического развития, и выработку согласованных направлений структурной, инновационной, инвестиционной, внешнеэкономической и социальной политики. Эта работа должна вестись, исходя из критериев повышения уровня развития, регионально-интеграционной конкурентоспособности, обеспечения наци-

ональной и экономической безопасности стран ЕАЭС, по которым следует разрабатывать и совершенствовать интеграционные инструменты.

Функции евразийской политической экономики

Любая теория обходится обществу в определенную сумму средств. Поэтому от любой теории должна быть какая-то польза, компенсирующая затраты сейчас или хотя бы в будущем. Эта польза фиксируется в функциях, которые данная наука выполняет. Рассмотрим функции политической экономики в целом и евразийской политической экономики, в частности.

Познавательная функция. Человек так устроен, что ему необходимо дать какое-то объяснение окружающему миру. У некоторых людей эта потребность оказывается выше средней. Они часто становятся теоретиками, а часть из них – экономистами-теоретиками. Экономисты-теоретики познают, как устроен хозяйственный мир человека, и передают полученные знания другим людям. Тем самым, экономисты-теоретики удовлетворяют свою повышенную потребность в познании части окружающего мира (экономического мира) и нормальную потребность в познании этого мира людей практического склада. Данная функция экономической теории не имеет прямого практического выхода. Однако в длительной перспективе познание ради познания делает наше представление о хозяйстве более точным, а значит, позволяет вырабатывать более качественные практические решения.

Применительно к евразийской политической экономике существует познавательная проблема: почему возникла экономика незападного типа и как она функционирует? Более частная проблема, связанная с познанием экономического мира человека, такова: почему Россия, страна, экономический центр которой располагается в Европе, за почти 25 лет развития по пути рынка не смогла и не захотела скопировать западную модель хозяйства, войти в Европейский союз, зато входит сейчас в Евразийский Союз?

Методологическая функция. Мы уже говорили о том, что есть политическая экономия, а есть конкретные экономические науки. Конкретные экономические науки не изучают хозяйство как целое; они берут в качестве своих предметов его отдельные части (стороны). Возникает вопрос: нужно ли этим конкретным отраслям знание политической экономики? В общем виде мы на него ответили. Не представляя целого, нельзя исчерпывающим образом постигнуть часть. Следовательно, если есть два ученых-маркетолога, одинаково способных, опытных, работоспособных, то в маркетинге лучше будет разбираться тот, кто знает экономическую теорию. Равным образом и маркетолог-практик принимает более квалифицированные решения в том случае, если он изучал экономическую теорию, чем в том случае, когда он ее не знает.

Теперь представим ситуацию, когда маркетолог-ученый исследует проблемы реализации продукции в евразийской экономической среде, а в голове у него маргиналистская методология, ориентированная на экономику западного типа. Поможет ли ему такая методология? Нет не поможет. В лучшем случае она окажется бесполезным интеллектуальным балластом, в худшем – дезориентирует его в его научной и преподавательской работе. Это же относится и к маркетологу-практику. Поэтому для конкретных экономических наук, изучающих евразийскую реальность, и для экономистов-практиков, работающих в условиях евразийской реальности, нужна евразийская политическая экономия как особая методология.

Существует обратное влияние конкретных экономических дисциплин на политическую экономию. Когда политическая экономия работает с фактами, она совсем не обязательно имеет дело с непосредственной практикой. Чаще всего она осмысляет знание, добытое именно конкретными экономическими науками.

Как методология политическая экономия создает базу для конкретных дисциплин. Выполняя же практическую функцию, служит прямым руководством к действию.

Практическая функция политической экономии. Представим абстрактное сообщество людей, ведущих хозяйственную деятельность. Это сообщество может: а) осуществлять текущее регулирование экономики; б) реформировать ее и в) революционно перестраивать.

Во всех трех случаях нужна экономическая теория. Причем чем радикальнее преобразования, тем глубже необходимо понимать, как устроено хозяйство. Следовательно, практическая потребность в политической экономии возрастает при переходе от текущего регулирования к революционным преобразованиям.

В связи с практическими преобразованиями хозяйства необходимо различать позитивный и нормативный анализ хозяйства. Позитивный анализ предполагает изучение экономики такой, какая она есть. Нормативный анализ – это моделирование такого хозяйства, которое было бы желательно для данного сообщества людей.

Позитивный и нормативный анализ нельзя разрывать. Если политическая экономия только позитивна, она выполняет лишь познавательную функцию, но не практическую. Если теория только нормативна, то она либо вырождается в пустое прожектерство, либо, в случае ее применения на практике, наносит экономике огромный ущерб. Ущерб возникает вследствие того, что нормативная теория, оторванная от позитивной, не содержит в себе конкретных путей перехода от реального состояния хозяйства к желаемому. В результате начинаются преобразования, полностью оторванные от действительности, которые разрушают существующее хозяйство.

В качестве примера можно привести страны Азии, бывшие колонии европейских стран. После освобождения от колониальной власти многие из этих стран попытались внедрить у себя рынок и демократию рыночного типа (по образцу бывшей метрополии). Однако во всех подобных странах это привело к хаосу и разорению. После этого они эмпирически, путем проб и ошибок, стали создавать политико-экономические режимы, весьма отличные от западного рынка и демократии. Почему так получилось? В частности потому, что эти страны, не имея позитивной теории, отражающей евразийскую реальность, стали использовать западные теоретические рецепты в качестве нормативной теории. Еще одним примером такого «напяливания» нормативной теории при отсутствии позитивной можно считать рыночные реформы в России, которые в 90-е годы XX века привели к невиданному в мирное время развалу экономики.

Вывод очень простой: а) нужна позитивная евразийская политическая экономия; б) нормативная евразийская политическая экономия; в) теория перехода от позитивного состояния к нормативному. В частности, возникает вопрос: есть ли необходимость и возможность дальнейшего углубления и расширения Евразийского Союза и если есть, то как это осуществить?

Однако связь экономической теории и практики не бывает прямой. Между теорией и практикой всегда вклинивается идеология.

Идеологическая функция политической экономии. Сейчас очень распространен взгляд, согласно которому экономическая теория – наука неидеологизированная. Проверим, так ли это. Мы выяснили, что познать часть, не познав целого, невозможно. Продукт (экономика как целое) является частью мира человека и мира в целом. Спрашивается, познаваем ли мир в ближайшем будущем? Не познаваем. Но, как отмечалось, природа человека требует какого-то объяснения мира прямо сейчас. Поэтому человек заполняет область своего незнания мира гипотезами о его устройстве. Гипотезы эти не могут быть проверены, так как это означало бы, что мир все-таки познаваем в ближайшее время. Значит, человек, выдвигая такую гипотезу, вынужден в нее верить. А вера и есть идеология.

Если мир в целом сегодня не познаваем до конца, то познаваем ли до конца продукт как его часть? Исходя из изложенного, не познаваем. Значит, и в экономической теории есть область человеческого незнания, заполняемая гипотезами, в которые мы вынуждены верить, то есть идеологией. Обозначим идеологию, связанную с ограниченностью человеческого знания, как идеологию № 1. Такая идеология существует и в математике, и в политической экономии, и в любой другой науке. А в евразийской политической экономии идеология № 1 есть или нет? Вопрос, конечно, риторический. Если в политической экономии в целом

присутствует идеология № 1, то она присутствует и в ее части – евразийской политической экономии.

Однако если с точки зрения процесса познания математика и экономическая теория не отличаются, то они резко различны с другой точки зрения. Политическая экономия возникла как самостоятельная наука в XVII веке. Задолго до этого продукт достиг той стадии развития, когда один человек (группа людей) получил возможность улучшать свое производство и потребление за счет производства и потребления другого человека (группы людей). Такая возможность породила противоречия экономических интересов и борьбу за их реализацию. Возникает очередной вопрос: улучшить свое производство и потребление за счет других людей легче с идеологическим обоснованием или без такового? Конечно, с идеологическим обоснованием. Если это так, то группа людей, которая хочет захватить часть продукта другой группы, заплатит экономисту-теоретику, чтобы он обосновал, почему она имеет на это право. Противоположная группа заплатит другому теоретику, чтобы он обосновал ее противоположный интерес. Этот процесс можно изобразить с помощью рис. 2.

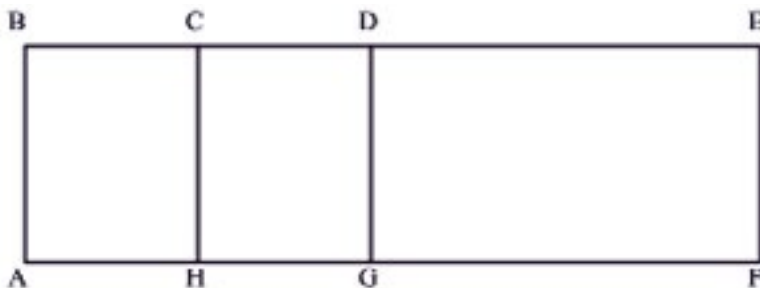

Рис. 2. Идеологизация политической экономии

На рисунке прямоугольник ABEF условно обозначает исчерпывающее знание об экономике. При этом прямоугольник ABDG – область человеческого знания, а GDEF – область человеческого незнания. Область человеческого незнания (GDEF) служит источником возникновения идеологии № 1. Экономист-теоретик, которого наняла первая группа лиц, для обоснования ее права на лучшее производство и потребление выберет из всей совокупности доступного знания (ABDG) то, которое выгодно заплатившим (ABCH). В результате доступное знание сократилось – из него выпал кусок в виде прямоугольника HCDG, а знание, сконцентрированное в прямоугольнике ABCH, составило экономическую доктрину вида А (например, маржинализм).

Вторая группа людей платит второму специалисту в области политической экономии, и он, обосновывая ее право на ресурсы, выбирает у

всей совокупности человеческого знания об экономике (ABDG) ту часть, которая отвечает интересам второй группы людей (HCDG). Ограниченное знание в объеме HCDG образует доктрину вида В, противоположную первой (например, марксизм). Так возникает вторая разновидность идеологии, связанная с борьбой экономических интересов. Обозначим ее как идеологию № 2. Любая экономическая теория выражает экономические интересы той или иной национальной, классово-культурной, профессиональной, возрастной и пр. общности людей.

Что же, евразийская политическая экономия имеет идеологию № 2 или нет? Имеет, конечно. Задача евразийской политической экономии – формулировать и защищать интересы людей, которые производят и потребляют в экономиках евразийского типа. А западная экономическая теория обеспечивает интересы людей, хозяйствующих в экономиках западного типа.

Правда, чаще всего определить, в чем состоит идеология № 2 в той или иной теории и чьи интересы она выражает, очень трудно. Ситуация осложняется еще и тем, что в конкретной теории идеология № 1 и идеология № 2 переплетаются. Поэтому защита интересов может ловко маскироваться под чисто научные гипотезы, которым автор теории отдает предпочтение.

Литература:

1. Евразийская политическая экономия: Учебник / Под ред. И.А. Максимцева, Д.Ю. Миропольского, Л.С. Тарасевича. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. – 684 с.
2. Барр Р. Политическая экономия. – М.: Международные отношения, 1995. – Т. 1. – С. 16.
3. Курс политической экономии / Под ред. Н.А. Цаголова. – М.: Экономика, 1970. – Т. 1. – С. 5.
4. Мэнкью Н.Г. Принципы экономики. – СПб.: Питер Ком, 1999. – 784 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – М.: Политиздат, 1961. – Т. 19. – С. 404.
6. Маркс К. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 3. – М.: Госполитиздат, 1955.
7. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 23. – М.: Политиздат, 1964.
8. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 20. – М.: Политиздат, 1961.
9. Гальперин В.М., Игнатьев С.М., Моргунов В.М. Микроэкономика: В 2-х т. – Т. 1. – СПб.: Экономическая школа, 1996.
10. Бем-Баверк Е. Основы теории ценности хозяйственных благ. – М.: Прибой, 1929.
11. Фромм Э. Человек для себя. – Минск: Коллегиум, 1992.

References:

1. Eurasian Political economy: Textbook / Ed. by I.Maksimtseva, D.Miropolsky, L.Tarasevich. – St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2016. – 684 p.
2. Barr R. Political Economy. – Vol. 1. – M.: International Relations, 1995. – P. 16.
3. The course of political economy / Ed. O.Tsygalov. – Vol. 1. – M.: Economics, 1970. – P. 5.

4. Mankew N. Principles of Economics. – St. Petersburg: Peter Com, 1999. –P. 784.
5. Marks K. and F. Engels, Works. – М.: Politizdat, 1961. – V. 19. – P. 404.
6. Marx K. German Ideology // K.Marx and F.Engels, Works. – 2nd edition. – М.: Gospolitizdat, 1955. – V. 3.
7. Marx K. Capital. – V. 1 // K.Marx and F.Engels. – М.: Politizdat, 2nd edition, 1964. – V. 23.
8. Engels F. Dialectics of Nature // K.Marx and F.Engels, Works. – 2nd edition. – V. 20. – М.: Politizdat, 1961.
9. Galperin V., Ignatyev S., Morgunov V. Microeconomics. – 2nd edition. In 2 vol. – St. Petersburg: The School of Economics, 1996. – V. 1.
10. Böhm-Bawerk E. Basic theory of the value of economic goods. – М.: Surf 1929.
11. Fromm E. The man for himself. – Minsk: Collegium, 1992.

УДК 330

КОНТУРЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

(Перепечатка из // Проблемы современной экономики. – 2015. – № 1)

OUTLINES OF EURASIAN POLITICAL ECONOMY

(Reprinted from // Problems of Modern Economics. – 2015. – № 1)

РУМЯНЦЕВ М.А., д-р экон. наук, профессор кафедры экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: churila@yandex.ru

RUMYANTSEV M., Doctor of Economics, Professor of Economicst St. Petersburg State University
E-mail: churila@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуются теоретические предпосылки создания евразийской политической экономики. Выявлена роль личных отношений и рукотворных факторов в евразийских хозяйственных системах. Дан анализ больших проектов социально-экономического развития в качестве конкретно-всеобщего начала евразийской политической экономики. Воспроизводство жизни определено в контексте предельного результата всего экономического движения.

Ключевые слова: политическая экономия в широком смысле слова, «вложенная в общество экономика», дарообмен, рукотворные факторы, конкретно-всеобщее начало науки, проекты развития.

Abstract

The article analyzes a theoretical background of creation of Eurasian political economy. The author comments on the role of personal relationships and manmade factors in Eurasian economic systems. The analysis of major projects of socio-economic development as a universal beginning of Eurasian political economy is given.

The reproduction of life is defined in the context of the ultimate outcome of the economic movement as a whole.

Key words: *political economy in the broadest sense of the word, «the economy, embedded in a society», gift exchange, manmade factors, the particular universal principle of science, the development of projects.*

Комментарии к докладу Д.Ю. Миропольского. Идеи, высказанные профессором Миропольским, заслуживают поддержки и требуют дальнейшего развития и обогащения. Содержание его логически стройно выстроенного доклада можно свести к четырем основным положениям:

1. Политическая экономия подразделяется на политэкономия в узком смысле слова (политэкономия отдельных способов производства), политэкономия в широком смысле слова, охватывающую все способы производства, и политэкономия в самом широком смысле слова – теорию хозяйства в его целом как развитое системное целое или понятие хозяйства.

2. Началом политэкономии «в самом широком смысле слова» является категория продукта, которая содержит в себе все дальнейшие опосредствования экономического движения и включает в себе потенциально весь экономический мир человека. Продукт как взаимопереход потребления и производства воплощает в себе две стороны – товарность и планомерность. Товарность развивается в капитал, а планомерность – в план. И, таким образом, любая историческая хозяйственная система есть та или иная комбинация этих двух системообразующих начал – капитала и плана.

3. Предмет политической экономии в свернутом виде содержит специфические особенности различных стран и культур. Евразийская политэкономия представляет особую и необходимую комбинацию капитала и плана с определенным преобладанием планового начала. Евразийская политэкономия есть обязательный раздел политической экономии со своим предметом, конкретизирующим предмет политической экономии в целом.

4. Поставлен вопрос о новых формах интеграции капитала и плана в условиях информационно-сетевой стадии экономического развития.

Д.Ю. Миропольский сумел найти решение вопроса о предмете евразийской политической экономии и определить ее место в системе политэкономического знания. И в этом безусловная заслуга его пионерного исследования «зоны роста» современной науки. Ясно, что заявленная автором тема масштабна и мало разработана, поэтому некоторые положения его исследования даны в слишком общей форме.

К примеру, удивление вызывает введенный термин «политическая экономия в самом широком смысле слова». Видимо, автор считает по-

литическую экономию в широком смысле слова, обобщающую результаты познания всех способов производства, недостаточно «всеобщей». Но это уже зависит от того, как понимается категория всеобщего. Если понимать его буквально как общее всем, то, действительно, ничего, кроме формальных признаков, общих для всех способов производства, мы не получим. Подлинно диалектическое понимание всеобщего базируется на идее развития, связанной с понятием субстанции, т.е. с принципом генетической общности явлений. Примечательно, что Гегель в качестве всеобщего понятия по отношению к геометрическим фигурам рассматривал не их общие признаки, сведенные в формальное понятие («пустое всеобщее»), а конкретную фигуру – треугольник, который и существует наряду с квадратом, пятиугольником и др., и в то же время входит в каждую из них на правах «истинно всеобщего». «На деле всякое всеобщее, – писал Гегель, – реально как особенное, единичное, как сущее для другого. Но вышеуказанное всеобщее так реально, что оно само без дальнейшего изменения есть свой первый вид». Иными словами, подлинно или реально всеобщее логически и исторически предшествует единичному и особенному – как особенное явление, имеющее тенденцию стать всеобщим и развить «из себя» другие особенные формы действительности [Ильенков, 1984].

Тогда предмет политэкономии в широком смысле слова обнаруживается в недрах исторически первого способа производства – в первобытно-общинной хозяйственной системе. Если признать, что первичные формы общественно-хозяйственных отношений никогда не умирали в течение всей мировой истории, то становится понятным многое в эволюции способов производства. Вполне показателен возрастающий интерес современных ученых к экономической антропологии, представляющей собой применение разработок антропологии (на материалах древних обществ) к экономической проблематике современности. Познавательные ограничения неоклассического мейнстрима и модели *homo economicus* побуждают к реконструкциям хозяйствующего человека во всем многообразии его экономических отношений, далеко не сводимых только к отношениям товарного обмена. Первичные хозяйственные отношения, развивающие «из себя» другие особенные хозяйственные системы и взятые как всеобщие универсальные формы экономического движения, дают нам политэкономия в широком смысле слова. Что же касается «политэкономии в самом широком смысле» (точнее было бы – в самом глубоком), то она существует в виде философии хозяйства, в которой хозяйственная жизнь теоретически воспроизводится в универсуме трансцендентных и имманентных, Божественных и человеческих, метафизических и природных взаимодействий. Здесь достаточно отослать читателя к сочинениям С.Н. Булгакова и Ю.М. Осипова, в которых

капитально проработана проблематика русской философии хозяйства [Булгаков, 1990; Осипов, 2000].

С точки зрения логики Д.Ю. Миропольского, было важно зафиксировать категорию «продукт» в качестве начала и неразвитого результата хозяйствования. Согласимся с автором в том, что продукт – более общая категория по отношению к товару, которая может быть искомой предельной абстракцией начала политэкономии в широком смысле. Да, но всеобщее определение системы в целом отражает не только начало, но и конечную цель ее движения. Что же является целью экономического движения – капитал, план, их разнообразные комбинации? Вряд ли. В элемент капитала или плана превращается всякий единичный экономический феномен (ресурс, актив, благо), даже экономическая реальность может целиком раствориться в капитале или плане, но от этого план и капитал не станут «конечной целью». Продукт трактуется в докладе как особого рода бытие или процесс перехода производства в потребление и обратно. Но и в этом качестве продукта конечную цель мы не увидим: ни потребление, ни производство не образуют цель экономики, поскольку они есть процессы непрерывного становления, а никак не пределы или результаты всего экономического движения, в которых внутренне содержание экономики оказывается исчерпанным, завершенным.

Обратимся к наследию Гегеля, который первым ввел в научный оборот понятия «абстрактный» и «конкретный труд» (в работе «Иенская реальная философия»). Под абстрактным трудом Гегель понимал односторонний труд или «абстрактный труд отдельного ремесла», делающий человека элементом системы общественного разделения труда: «Так как трудятся лишь ради удовлетворения потребности как абстрактного – для себя бытия, то и трудятся тоже лишь абстрактно». Напротив, в конкретном труде Гегель видел труд, в котором человек сохраняет себя в качестве целостной личности: «Конкретный труд является первоначальным, он есть субстанциальное сохранение, грубая основа целого, как и доверие». Абстрактный труд, по Гегелю, – это труд, воспроизводящий изолированного индивида в условиях рыночных отношений и удовлетворения единичных потребностей посредством однообразного механического труда, а конкретный труд – это труд, затрачиваемый на исторически более ранней ступени развития общества, когда человек сохранял живую связь с природой и другими людьми [Хандруев, 1990]. Несложно заметить, что конечную цель и предельный результат труда Гегель связывает с особенностями воспроизводства человека в исторической системе трудовых отношений. Без признания определяющей роли категорий личности и жизни разработка проблем конечной цели и результата экономического движения не будет последовательной, логически завершенной.

Наконец, необходимо отметить еще одно положение доклада, согласно которому предмет политической экономии в свернутом виде содержит в себе специфические особенности разных стран и культур. Здесь автор зафиксировал важный момент познания хозяйственной жизни, который требует дальнейших разъяснений. Однако при изучении соотношения экономических категорий и культурно-исторических особенностей стран и народов возникает один фундаментальный вопрос, который сводится к следующему. Если каждый культурно-исторический тип по своему содержанию специфичен, то что же в таком случае общего между универсалиями экономики и спецификой разных культур и стран? Налицо насущная потребность в точной формулировке соотношения данных смысловых рядов. Скорее всего, общим между экономикой и культурной спецификой является не их совершенно несравнимое содержание, а единый способ развертывания экономических и культурных содержаний в историческую единораздельную целостность – цивилизацию. Институты и категории экономики и культуры связаны общей структурой, ценностями и типом развития в рамках того или иного цивилизационного единства. Следовательно, решить проблему разнообразия хозяйственных систем без обращения к цивилизационному подходу более чем затруднительно.

Как бы то ни было, главным достижением исследования, проведенного Д.Ю. Миропольским, является корректная и обоснованная постановка вопроса о евразийской политэкономии, ее особом предмете и месте в системе политэкономического знания. Можно даже сказать, что благодаря его докладу евразийская политэкономия обрела свое «начало».

Евразийская политэкономия: особенности хозяйственных отношений и способов их познания. Наметим некоторые принципиальные контуры евразийской политической экономии:

1. «Вложенная экономика». В социально-экономической литературе принято рассматривать два способа интеграции общества – посредством рынка и посредством единых для всех сфер жизнедеятельности антропологических культурных механизмов. Отсюда возникают два типа экономики – автономная от общества экономика капитализма и подчиненная всей тотальности социальных связей или «вложенная» (embedded) в общество экономика традиционных цивилизаций. Евразийские хозяйственные системы вследствие природно-географических, религиозно-этических и властно-политических факторов всегда представляли собой «подчиненную» общественным целям или «вложенную» в культурный комплекс экономику. Тем более что в контексте всемирной истории экономика добуржуазных и традиционных обществ предстает как нерасчлененная часть всей системы общественных взаимосвязей,

а экономические мотивы личности – как порождение религиозных и этических установок культур и народов. Выделение экономики в независимую и даже приоритетную сферу бытия общества – продукт Нового времени, когда хозяйство и в научном, и в массовом сознании стало казаться обособленным от прочих сфер жизни и когда сложился тип homo oeconomicus, озабоченного исключительно максимизацией своих доходов и потребления. На самом деле, то, что европоцентристскому мышлению кажется безальтернативной универсалией, есть не что иное, как превращенная в глобальную схему уникальность западной экономики последних двух – максимум трех столетий [Агаджанян, 1993]. Стало быть, мы вправе задаться вопросом о формах и природе хозяйственных отношений в условиях «вложенной экономики».

2. Формы хозяйственных отношений: дарообмен и отложенная взаимность. В экономической антропологии принято выделять три формы обмена или интеграции, воспроизводящих общество как разделенное целое. Это дарообмен, перераспределение (редистрибуция) и рыночный обмен. Каждая из этих форм интеграции предполагает свой способ связи между людьми – соответственно, отношения взаимности и сотрудничества для дарообмена, распределительный центр для редистрибуции и система рынков для товарного обмена [Поланьи, 2010]. Для «вложенных в общество» евразийских экономик присуще преобладание дарообмена и перераспределения. Если для рыночного обмена характерны одномоментность и анонимность сделки, основанной на принципе эквивалентности, то дарообмен базируется на развернутом во времени обмене услугами между не анонимными социальными субъектами по принципу «отложенной взаимности». Дарообмен асимметричен и неэквивалентен, однако при текущей неэквивалентности в обмене он обеспечивает долговременную стабильность и воспроизводство основных общественно-хозяйственных пропорций и отношений. Например, в русской сельской общине солидарная помощь соседям на основе принципа отложенной взаимности называлась «помочи» и занимала почетное место в жизни деревни.

Свойственная евразийскому хозяйству асимметрия дарообмена дана, как: а) «раздаточное» государственное хозяйство, активно перераспределяющее ВВП между агентами экономики в целях долгосрочного развития, и возникающие отсюда длительная зависимость этих агентов от государства и возможности для приватизации государства бюрократическим аппаратом и б) долговременный неформальный обмен услугами хозяйственных субъектов на основе сотрудничества, который гарантирует предсказуемость будущего и минимизацию рисков неопределенности при возрастании рисков оппортунистического поведения. Для исследования социальной, а не рыночной логики развития евразийского хозяйства требуются открытие и познание законов даро-

обмена, базирующихся на нерыночных принципах. Экономика дарообмена побуждает по-новому взглянуть на проблему соотношения хозяйствующего субъекта и социально-экономической системы, на значение личных отношений и рукотворных факторов хозяйственной жизни.

3. Природа хозяйственных отношений: личные отношения взаимозависимости. Представления об «объективных, от воли людей независимых», экономических законах есть гипноз объективизма или гиперболизация одной, основанной на стоимости, товарно-денежной системы хозяйства. Стоимостные отношения – отношения вещей, овеященные или «овещненные» отношения – маскируют действительные отношения товаропроизводителей, проявляющиеся через эту опредмеченную, овеявленную взаимозависимость. Но фетишизм стоимостных отношений с его иллюзией объективизма безличных опредмеченных закономерностей есть только одна из бывших в истории форм экономического порядка. К.Маркс писал: «Эти вещные отношения зависимости в противоположность личным и выступают так..., что над индивидами теперь господствуют абстракции, тогда как раньше они зависели друг от друга» [Маркс К., 1968]. Пропорция персонифицированных отношений («отношений лиц») и овеященных отношений («отношений вещей») принципиальна для любой хозяйственной системы.

Положение о приоритете субъектного, идущего от сознания человека начала над стихийными экономическими закономерностями, будто бы «от воли людей не зависящими», всегда было руководящим принципом отечественной мысли. Славянофилы подходили к изучению хозяйственной жизни с точки зрения справедливого устройства всего общества, государства, сельского мира. При связи всех со всеми в патриархальном русском обществе, считали они, безусловной частной собственности на землю не может быть. Как выразился К.С. Аксаков, «частной собственности нет» [Аксаков, 1998]. Через собственность реализуются взаимные обязанности людей, и потому отношения собственности на землю есть не более чем взаимные права владения, распределяющиеся между крестьянами, сельской общиной, помещиком и государством в той мере, в которой они выполняли свою миссию в рамках единого российского жизнестроения. Следовательно, в основе права собственности лежат не вещные, а личные отношения. И.В. Киреевский отчеканил формулу русского бытия так: «В устройстве русской общественности личность есть первое основание, а право собственности только ее случайное отношение» [Киреевский, 1911]. С экономической точки зрения в отечественной евразийской традиции права собственности, как и прочие хозяйственные артефакты, всегда были хрупки, неустойчивы и подвержены внезапным переменам. Легитимность активов определялась волей государства, личной обязанностью несения своего обще-

ственного «тягла», межличностными взаимозависимостями, статусно-символическими обменов и прочими рукотворными факторами.

4. Рукотворные начала хозяйственной жизни. Евразийским хозяйствам всегда был присущ сложный ансамбль личных, а никак не вещных, иерархий и взаимозависимостей. В этом контексте поставленная Д.Ю. Миропольским проблема соотношения планомерности и товарности высвечивается как проблема соотношения рукотворных и стихийных начал хозяйственной жизни. Планомерность как одна из рукотворных форм хозяйствования базируется на сознательном волевом начале экономического процесса и в этом качестве противостоит и взаимодействует с другой стороной или началом экономики – стихийной рыночной самоорганизацией. Коль скоро это так, то система личных отношений в евразийских хозяйствах имеет свое начало или исходное рукотворное благо: Большой проект развития, который обуславливает дальнейшее развертывание всех прочих частных и общественных институтов.

Большие проекты обеспечивают положительные долгосрочные экстерналии (внешние эффекты) для остальных институтов общества и экономики. Развитие евразийских экономик происходит за счет эффекта масштаба – социально-экономического эффекта от объединения разнородных хозяйственных укладов в единый народно-хозяйственный комплекс. Это приводит к росту совокупных результатов и к снижению совокупных издержек общественного производства. При этом частное (стихийно-рыночное) начало экономики не подавляется, а включается в модернизационные проекты.

Анализ Больших евразийских проектов – начиная от «Великой китайской стены» и ирригационных систем Египта до Транссибирской магистрали и космического проекта СССР – показывает, что вопрос о творчестве и ответственности властных элит оказывается принципиальным вопросом хозяйственного развития. Властный Центр активно и целенаправленно осуществляет долгосрочные стратегии, воздействует на структуру производства, основываясь на том, что одни виды хозяйственной деятельности более способствуют развитию общества, чем другие. В евразийском хозяйстве приоритетом становится поиск оптимальных форм кооперации и разделения общественного труда для «Больших Пространств». Инфраструктурные и интеллектуальные проекты устройства евразийских территорий с точки зрения локальной рыночной рентабельности кажутся раздаточными и нерезультативными, но в долговременной перспективе именно они создают новые системы жизнеобеспечения, воспроизводящие жизни нынешних и будущих поколений.

Коллективная историческая личность (термин Л.П. Карсавина) – центральное понятие евразийской политэкономии, коренным образом отличное от методологического индивидуализма англосаксонского

мейнстрима. Включение в предмет евразийской политэкономии целенаправленного воспроизводства жизни людей в качестве предельного результата всего экономического движения требует особого взгляда на способы познания хозяйственной реальности – с точки зрения человека и его целеполагания.

5. Методология: субъектный подход и конкретно – всеобщее начало науки. Экономическая действительность – это не только система законов и категорий, но и субъект, носитель этой системы. Если мы признаем самостоятельное существование субъекта, то есть его специфику, то субъект является в первую очередь сознанием и мышлением [Лосев, 1988]. Следовательно, субъектный подход предполагает разработку проблемы идеального в экономике. Экономические блага в своем движении воплощают не только материальные факторы, но и исторические модели мышления, меняющиеся в ходе общественно-хозяйственной эволюции. Любой процесс хозяйствования есть та или иная идеализация реальности, которая порождает объективно идеальные формы мышления и сознания, действие которых по своей силе сопоставимо с действием природных сил. Объективно идеальные общественно значимые представления о хозяйственной реальности принудительно вменяют массам людей образ мышления и действий, определяют доминанту хозяйственного поведения, влияют на ценность благ и ресурсов. В основании разнообразных идеальных форм хозяйственной жизни лежит целеполагание. Именно целеполагание как идеальное волевое отношение человека к общественно-хозяйственному процессу, в определенной мере подчиняющее себе средства и результаты деятельности [Смирнов, 2009], раскрывается в генезисе коллективной исторической личности, приобретая формы смыслов, хозяйственной этики, ценностей, мотивации, мобилизованности, потребительской аскезы, инновативности.

Принцип коллективной исторической личности в экономической методологии закономерно приводит к ориентации на проблемы общества в целом. Признание определяющей роли целого по отношению к его частям, ведущее затем к пониманию частей этого целого, образует кредо евразийской методологии. Если западная мысль начинает с разъединения целого на абстрактные простейшие категории и затем выстраивает из них систему категорий (метод восхождения от абстрактного к конкретному), то евразийская мысль начинает изложение предмета исследования с конкретно – всеобщего начала, в свете которого развитие получают различные стороны и моменты целого. Целое как всеобщность или всеединство оказывается критерием для отбора и анализа особенного и единичного. Подобный подход к построению метатеорий развивали А.С. Хомяков, П.А. Флоренский, Л.П. Карсавин, А.Ф. Лосев в рамках философии Всеединства. Нелишне вспомнить, что Ф.Лист начи-

нал изложение своей версии политэкономии с общих понятий системы производительных сил и национального разделения труда [Лист, 2005].

Исходную всеобщность евразийской политэкономии, из которой выводятся затем особенные и единичные хозяйственные формы, как мы уже выяснили, образуют Большие проекты социально-экономического развития. Но всеобщее как живое и динамичное качественно-количественное целое дано как движение реальности, имеющее свою логику и ритмы развития.

6. Струнно-колебательные волны развития. В истории известны две формы общественной динамики – линейное движение от низшего к высшему, или логика прогресса, и циклическое вечное возвращение от конечного к начальному и обратно, или циклизм. В евразийских хозяйствах эти формы движения входят в качестве моментов в волновую динамику экономической реальности на пространствах Евразии.

Динамика России – Северной Евразии, если использовать выражение Л.Н. Гумилева, «струнно-колебательная». Когда очередная модель общественно-хозяйственного устройства исчерпывает себя, в России происходит смена Центров власти и типов развития. Тогда новый Центр развития дает первотолчок, струны русской истории натягиваются и звенят, импульсы от сверхнапряжения расходятся во времени и пространстве – и затухают. Понятно, что длительность каждой «струнно-колебательной волны» определяется мощностью властного первотолчка, уровнем энергичности элит и народа. Новый тип развития базируется на открытии новых природно-географических горизонтов, новых центров и новых метафизических смыслов. Новый Центр проводит долговременные стратегии – Большие инфраструктурные проекты, в которых хозяйственное обустройство земель становится целью, а государственный контроль над движением денег и капиталов подчиняет экономику этой хозяйственной сверхзадаче. Бенефициаром таких проектов в кратковременном периоде являются новые элиты, экспроприрующие активы прежних элит и присваивающие прибавочный и, частично, необходимый продукт. Однако в долговременном периоде главным выгодополучателем оказывается российский народ. Большие модернизационные проекты создают движущие силы экономического роста за счет длительного эффекта от масштаба и диффузии инноваций.

Заключение. По удачной формулировке Д.Ю. Миропольского, евразийская политэкономия есть обязательный раздел политической экономии, имеющий свой предмет, который конкретизирует предмет политической экономии в целом. Такой подход позволяет избежать географического детерминизма и развивать евразийскую политэкономия в качестве одного из направлений экономической науки – наряду с английской классической политической экономией, немецкой исторической

школой, австрийской школой предельной полезности, американским институционализмом, французским регуляционизмом и др. направлениями, имеющими универсальное значение, но выделенными в истории экономической мысли по национально-территориальному признаку.

Специфика предмета евразийской политэкономии приобретает сегодня позитивный и конструктивный смысл, поскольку эта специфика соотносима с особенностями постиндустриальной «экономики знаний». Такие рукотворные отношения в информационно-сетевом хозяйстве, как неэквивалентные обмены по принципу отложенной взаимности, сотрудничество, символические отношения, долговременная управляемость экономических процессов, и образуют предметную специфику евразийской политэкономии.

Системный кризис «позднего капитализма» провоцирует цивилизационные катастрофы, деформирует базовые структуры воспроизводства жизни. Западная экономическая наука с ее пристрастием к конструированию абстракций оказалась не готовой к исследованию девиантных тенденций и, тем более, – к разработке альтернатив. Включение в предмет евразийской политэкономии воспроизводства жизни в качестве результата всего хозяйственного движения и трактовка Больших проектов развития как конкретно-всеобщего начала науки позволяют увидеть в глубинах российско-евразийской мысли альтернативные пути развития.

Практическим приоритетом евразийской политэкономии становится поиск оптимальных форм кооперации и разделения общественного труда для организации российско-евразийских пространств. Разработка всего комплекса теоретических проблем евразийской политэкономии для решения подобной задачи невозможна в рамках одной статьи и вряд ли осуществима в рамках отдельной монографии. Требуется коллективная работа.

Литература:

1. Агаджанян А.С. Буддийский путь в XX веке. – М.: Наука, 1993. – С. 205.
2. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. – М.: Наука, 1990. – 415 с.
3. Ильенков Э.В. Диалектическая логика: очерки истории и теории. – 2-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1984. – С. 270-284.
4. Аксаков К.С. – Хомякову А.С. // Хомяковский сб. – Т. 1. – Томск, 1998. – С. 157.
5. Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Киреевский И.В. Полн. собр. соч.: В 2-х т. – М., 1911. – Т. 2. – С. 209.
6. Лист Ф. Национальная система политической экономии. – М.: Изд-во «Европа», 2005. – С. 123-143.
7. Лосев А.Ф. Держание духа. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1988. – С. 103.
8. Маркс К. Критика политической экономии (черновой набросок 1857-1858 годов) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1968. – Т. 46. – Ч. I. – С. 107-108.
9. Осипов Ю.М. Очерки философии хозяйства. – М.: Юристъ, 2000. – 365 с.
10. Поланьи К. Избранные работы. – М.: ИД «Территория будущего», 2010. – С. 27-52.

11. Смирнов И.К. Актуальные проблемы теории экономической ценности // Проблемы современной экономики. – 2009. – № 1. – С. 71.

12. Хандруев А.А. Гегель и политическая экономия. – М.: Экономика, 1990. – С. 63-65.

References:

1. Aghajanian A. The Buddhist path in the XX century. – М.: Science, 1993. – P. 205.

2. Bulgakov S. Philosophy of Economy. – М.: Nauka, 1990. – 415 p.

3. Ilyenkov E. Dialectical logic: essays on the history and theory. – 2 nd ed., Ext. – М.: Politizdat, 1984 – P. 270-284.

4. Aksakov K. to Khomyakov A. // Khomyakovsky collection of works. – Tomsk, 1998. – V. 1. – P. 157.

5. Kireyevsky I. The nature of Europe's education and its relation to Russian education // Kireyevsky I. Full. Collection of works: M., 1911. – V. 2. – P. 209.

6. Liszt F. National System of Political Economy. – М.: «Europe» Publishing House, 2005. – P. 123-143.

7. Losev A. Daring spirit. – М.: Publishing House of Political Literature, 1988. – P. 103.

8. Karl Marx. Critique of Political Economy (rough draft, 1857-1858) // K. Marx and F. Engels, Works. – Second Ed. – М.: Politizdat, 1968 – P.107-108.

9. Osipov Yu. Essays on the philosophy of economy. – М.: Jurist, 2000. – 365 p.

10. Polanyi K. Selected works. – М.: Publishing house «Territory of the Future», 2010. – P. 27-52.

11. Smirnov I. Acute problems of the theory of economic value // Problems of modern economy. – 2009. – № 1. – P. 71.

12. Khandruiev A. Hegel and political economy. – M: Economics, 1990 – P. 63-65.

**ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМ
ЕВРАЗИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
НЕОДНОРОДНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ**

(Перепечатано из // Проблемы современной экономики. – 2015. – № 3. – С. 89-95)

**POLITICAL AND ECONOMIC UNDERSTANDING OF THE ISSUES
OF EURASIAN CIVILIZATION THROUGH THE PERSPECTIVE
OF ECONOMIC SYSTEMS HETEROGENEITY**

(Reprinted from // Problems of Modern Economy. – 2015. – № 3. – P. 89-95)

ВЕДИН Н.В., д-р экон. наук, профессор кафедры экономической теории Казанского национального исследовательского технического университета-КАИ им. А.Н. Туполева

ГАЗИЗУЛЛИН Н.Ф., д-р экон. наук, профессор кафедры маркетинга Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов

VEDIN N., Doctor of Economic Science, Professor of Economics, Kazan Tupolev National Research Technical University-KAI

GAZIZULLIN N., Doctor of Economic Science, Professor, Chair of Marketing, St. Petersburg State University of Economics and Finance

Аннотация

Статья посвящена исследованию условий формирования евразийской политэкономии. Приводятся аргументы в пользу политико-экономического осмысления евразийства через призму экономической неоднородности хозяйственных процессов. В статье обосновывается положение, согласно которому социокультурная среда различных национальных экономик оказывает специфическое, для каждого этноса уникальное, воздействие на экономическую сферу через систему сотрудничества. Авторы проводят различие функционального и дискурсивного пространств совместного производства как необходимой предпосылки анализа его институционализации.

Ключевые слова: этнос, коллективное производство, сотрудничество, дискурс, институты.

Abstract

The article investigates the conditions necessary for the formation of the Eurasian political economy. The author gives reasons in favor of political and economic understanding of Eurasianism in the light of the economic heterogeneity of economic processes. The article justifies the position according to which a different socio-cultural environment of national economies with the help of a system of cooperation has a specific impact on the economic sphere that is unique for each ethnic group. The authors state a distinction between functional and discursive spaces of co-production as a necessary prerequisite for the analysis of its institutionalization.

Key words: ethnicity, collective production, cooperation, discourse, institutions.

К постановке проблемы

Обсуждение вопросов политэкономического осмысления особенностей и перспектив развития евразийской цивилизации¹ не в последнюю очередь инициировано острыми геополитическими вызовами и кризисными явлениями в экономике, с которыми столкнулась Россия в последние годы. Кроме того, экономическая наука в долгу перед российскими евразийцами 20-х годов (включая выдающийся вклад «последнего евразийца», как называл себя Л.Н. Гумилев) – историков, философов, лингвистов, географов, правоведов, писателей и публицистов. Однако идея евразийской политэкономии, мягко говоря, нетривиальна, она не из тех, что могут быть безоговорочно приняты учеными, выросшими на классической традиции формационной теоретической системы – политической экономии капитализма.

Трудно было бы оспорить возможные возражения против самой формулы евразийской политэкономии, оставаясь в ее (политической экономии) предметных границах, как они были обозначены классиками и продолжают с некоторыми нюансами соблюдаться современными исследователями. Формационные универсалии, присущие марксистской политэкономии, и совершенное равнодушие к какому-либо историческому и социальному контексту, характерное для рыночной ортодоксии, сами по себе могут служить аргументом против политэкономической интерпретации евразийской идеи. И в этом отношении позиция исследователей должна быть, на наш взгляд, отрефлексирована.

Одной из характерных черт *нормальной*, по Т.Куну, науки является привлекательность для исследователей головоломных, но гарантированно решаемых с помощью апробированных инструментов задач, с одной стороны, и неприязнь к проблемам с непредсказуемым результатом, сомнительным, выходящим за привычные концептуально-методологические рамки, – с другой [1, с. 59-60]. Фактором непредсказуемости исхода данного интеллектуального проекта является этническая природа евразийского феномена, историю которого, как и историю любого этноса, согласно Л.Н. Гумилеву, «нельзя рассматривать так, как мы рассматриваем экономические отношения, политические коллизии, историю культуры и мысли» [2, с. 292]. Коллектив, в котором живет человек, «в зависимости от угла зрения, рассматривается то как социум, то как этнос» [3, с. 9]. И возможность междисциплинарной коммуникации между политэкономией как «социумной» дисциплиной и этнологией далеко неочевидна. Здесь существует опасность механического переноса признаков, характерных для одной сферы, в данном случае – этнической, на другую. Так, трактовка евразийского этноса как капитализма с «евра-

¹ Прежде всего речь идет о дискуссиях на страницах журнала «Проблемы современной экономики» (см. номера журнала за 2014-2015 гг.) и на заседаниях Второго политэкономического конгресса 13-14 мая 2015 г.

зийской спецификой», будь то план или иное нерыночное, неэкономическое вкрапление, была бы явным упрощением проблемы.

Вообще, на наш взгляд, имеет смысл избегать формационной идентификации применительно к такой тонкой материи, как этнос. В этом контексте представляется весьма плодотворной и перспективной в научно-практическом плане предложенная В.Т. Рязановым идея этноэкономических систем хозяйствования. Соответствующая концепция, по его мнению, может рассматриваться в качестве раздела общей экономической теории [4, с. 12-13]. В проявлениях особенного в экономическом развитии этническая спецификация занимает *неэкономическую* сферу, отличающуюся недетерминированностью хозяйственных процессов, основанных на ценностях и нормах поведения, характерных для данного этноса [5, с. 29]. Отметим здесь лишь то обстоятельство, что «неэкономичность» данной сферы объясняется теоретическим движением от этничности к хозяйственной организации, где этнический фактор является первичным. Но возможно, что вариант со *встречным* движением экономического и неэкономического окажется более предпочтительным с точки зрения предметной специфики политэкономии. В любом случае существует проблема согласования логически выстроенного политэкономического знания и нормативно-ценностного *евразийского облика* экономической системы.

Если марксистскую политэкономия *с некоторой натяжкой* можно отнести к нормальной науке¹ – возникает вопрос: какого рода задача встала перед участниками дискуссии, посвященной разработке евразийской политэкономии? Авторы статьи не готовы дать однозначный ответ, да и едва ли он здесь возможен. Очевидно, что данную проблему нельзя отнести к научной рутине. Но вместе с тем, ее разработка, как мы полагаем, способна стимулировать поиск новых «окон возможностей» в классической структуре политэкономического знания. И это направление представляется нам не менее значимым и важным, чем реализация собственно «евразийского проекта».

В этой связи нельзя обойти вопросы методологического порядка. Совершенно необязательно и неразумно каждый раз заниматься методологической «инвентаризацией», особенно при разработке каких-либо частных научных проблем. Иначе обстоит дело, когда сомнению подвергаются объяснительные возможности теории в целом, а, следовательно, и применяемые методы. В подобной ситуации важное значение приобретают специальный анализ и переосмысление оснований и средств исследования [6, с. 33]. Эта рефлексивная установка на осоз-

¹ В 90-е годы прошлого века среди отечественных политэкономов, ощутивших подлинную свободу научного творчества, было модно предлагать новые парадигмы под разными наименованиями – синергетическая, эволюционная, информационная и т.д. Однако волна изобретений схлынула, а марксистская политэкономия, во всяком случае ее «твердое ядро», осталась практически неизменной, т.е. *нормальной* наукой.

вание «порождающих механизмов» познавательной деятельности, ее средств и методов «предполагает отказ от позиции наивного отождествления мысли и бытия, картины объекта, вырабатываемой познанием, и самого объекта» [7, с. 136].

Сказанное имеет прямое отношение к оценке значимости и, в известном смысле, реактуализации марксовой методологии. Как мы полагаем, она не только не исчерпала своих возможностей, но и приобретает еще большую актуальность в условиях усложнения современной хозяйственной организации общества, в частности, экологизации экономических отношений, что перекликается с характерным для евразийской идеологии «ландшафтным аспектом» этногенеза. Разрабатывая концепцию природно-социальной двойственности, Маркс был далек от того, чтобы устанавливать жесткие перегородки между миром природы и миром человека. Взаимопереходы, симбиоз природного и социального, индивидуального и общественного для его творчества характерны в полной мере.

Еще одна, весьма существенная в контексте данного исследования, черта его методологии – возможность учета многослойности самого *системного* бытия социальных явлений и субъектов, их одновременной принадлежности к различным системным «срезам» социально-экономической реальности. Примером тому является полузабытая современными экономистами теория двойственного характера труда товаропроизводителя. Согласимся с тем, что эта теория дает основания для критических замечаний. В частности, справедливым выглядит упрек в недооценке автором «Капитала» конкретного труда и потребительной стоимости [8, с. 144].

В самом деле, Маркс представил труд в товарном производстве как противоречивое единство конкретного (частного) и абстрактного (общественного) труда, что вполне органично для стоимостной парадигмы, в которой конкретный труд есть выражение автономности производителя, его равнодушия к прочим индивидам. В этом срезе реальности конкретный труд как «независимое от всяких общественных форм условие существования людей» [9, с. 51] действительно не выражает никакого общественного, а точнее, товарно-стоимостного отношения.

Но «двери» для анализа остались открытыми. Ничто не мешает исследователю сделать еще один шаг на пути реализации диалектического метода, представив данное единство как превращение противоречивых сторон труда в собственные противоположности, так что качество общественности оказывается на стороне труда конкретного, в то время как абстрактный труд выражает лишь единичность, функциональную обособленность деятельности производителя. И тогда обнаруживается «окно» в иную экономическую реальность, так как конкретно-общее

ственный труд как таковой все же предполагает экономические отношения, но совсем иные, – нетоварные, неконкурентные [10, с. 82].

Впрочем, Маркс не оставил без внимания эту диалектику. Анализируя структуру совместного производства в капиталистической кооперации, он говорит о производительной силе общественного труда, возникающей (на стороне *конкретного труда*) из самой кооперации, и формулирует знаменитый тезис: «В планомерном сотрудничестве с другими рабочий преодолевает индивидуальные границы и развивает свои родовые потенции» [9, с. 341]. Напрашивается мысль, что этому, по сути *общечеловеческому*, процессу тесно в рамках капиталистического предприятия. Масштабы общечеловеческой кооперации в социуме шире границ не только совместного производства, но и рыночной сферы. И если взор исследователя обращается на эту социально-экономическую реальность, пронизанную информационной сетью межличностных языковых коммуникаций, уже не кажется слишком экстравагантной попытка политэкономического осмысления евразийской (и не только!) этнической традиции. Заметим также, что методология Маркса имеет свои основания не в той товарно-монистической *экономической* картине мира, которая доминировала в эпоху промышленного переворота (а отчасти и сейчас), но в гораздо более широком, философском взгляде на мир природы и общества с позиций диалектики.

В контексте настоящего исследования принципиальное значение имеет целостность двух разнотипных по происхождению, но логически совместимых систем коллективного производства (общечеловеческой кооперации) и этноса – коллектива людей, который, согласно Л.Н. Гумилеву, «противопоставляет себя всем другим таким же коллективам, исходя не из сознательного расчета, а из чувства комплиментарности – подсознательного ощущения взаимной симпатии и общности людей, определяющего противопоставление «мы – они» и деление на «своих» и «чужих» [2, с. 11]. И в том, и другом случае целостность – не результат столкновений противостоящих друг другу индивидов, но *предпосылка* их интеграции в сообщество: в одном случае на основе приобретения соответствующих деятельностных способностей, отвечающих требованиям совместного производства, а в другом – на основе «чувства комплиментарности» и усвоения сложившихся в этносе *относительно* устойчивых поведенческих стереотипов, восходящих, по Гумилеву, к пассионарному импульсу.

Еще одно принципиальное сходство категорий этноса и коллективного производства – их текучесть. Л.Н. Гумилев рассматривал этнос не как *состояние*, но как долгоидущий *процесс* [3, с. 58]. Он подчеркивал, что в отличие от культурной традиции традиция *этническая* – это не преемственность мертвых форм, созданных человеком, а единство живых людей, поддерживаемое их пассионарностью [2, с. 296]. Динамическая

природа обеих целостностей обуславливает возможность и необходимость их взаимной коррекции и модификаций. Оставляя пока за скобками рыночную структуру, совмещение (без потери специфики) указанных целостных образований, как мы полагаем, реализуется в *областях рефракции*, где воздействие этнического фактора (норм поведения, традиций, ценностей) особым образом преломляется в различных формах и институтах сотрудничества, модифицируя, усиливая одни элементы, ослабляя другие и стимулируя возникновение третьих. Идентификация и изучение этих областей предполагают предварительный анализ экономической структуры сотрудничества как формы разделения труда и обмена деятельностью.

Историческая практика подтверждает, что генофонд хозяйственной организации общества уходит своими корнями в глубокое прошлое и представляет собой противоречивое сочетание «сквозных» экономических форм, образованных единством разделения труда и обмена и сохраняющих в той или иной степени собственное содержание в разных общественно-экономических системах. Судя по всему, наше понимание вопроса корреспондируется с трактовкой М.А. Румянцева, который говорит о «первичных хозяйственных отношениях» как «всеобщих универсальных формах», развивающих «из себя» другие особенные хозяйственные системы [11, с. 43].

Вопрос о сквозных, или «всеобщих, универсальных» формах представляется настолько важным, что его постановка не может ограничиться общей констатацией существования таких форм. Как мы полагаем, истории известны две разнородные, имеющие в своей основе разные типы разделения труда и обмена деятельностью. Несмотря на разнородность, эти формы пространственно не разведены и реализуются одновременно в деятельности одних и тех же субъектов. Определенному типу разделения труда соответствует также определенный способ обмена деятельностью. При этом именно обмен образует материальную ткань общественного характера труда.

Как известно, разделение труда выступает в двух основных формах – простой (единичной), когда каждый из производителей создает какой-либо продукт, пригодный для обмена на другие продукты. Такому разделению труда соответствует обмен *овеществленной* деятельностью, или товарный обмен. Эта форма хорошо известна экономистам, и нет необходимости в ее специальной «аккредитации».

Другой тип разделения труда можно назвать функциональным. При такой организации производства продукт как потребительная стоимость создается только коллективными усилиями многих работников, каждый из которых выполняет определенную функцию. Обмен здесь представлен самим производством, а его предмет по необходимости не принимает форму, отличную от живой деятельности, а точнее, от деятель-

ностных способностей работников. В сущности, обмен здесь выступает в виде речевой (а также невербальной) коммуникации или, иначе, дискурса [12]. Понятие дискурса в данном контексте выгодно отличается от привычного информационного обмена, ориентирующего познание на движение объективированного знания (материальных носителей информации), заостренностью на глубоко личные, *неотчужденные* процессы взаимодействия в совместном производстве. Именно здесь, в пространстве речевой коммуникации, разрешается и воспроизводится социальное, но всегда личностное, противоречие между стремлением человека к независимости и равновеликим ему стремлением быть вовлеченным в группу.

Причудливое переплетение указанных форм порождает неповторимые, уникальные образы национальных, региональных и цивилизационных хозяйственных систем. История, в том числе и история науки, распорядилась таким образом, что экономистам известно все (или почти все) о товарной форме и очень мало о форме сотрудничества, хотя первое выросло из второго и моложе его на тысячелетия. Между тем, дефицит знания формы сотрудничества и ее воздействия на рыночные отношения не только обедняет, но и в чем-то существенном искажает понимание товарной формы и обрамляющих ее отношений.

Характерно, что Маркс еще в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» проводит различие между обменом «человеческой деятельностью внутри самого производства» и обменом «*человеческими продуктами*» [13, с. 23]. Впоследствии он воспроизводит эту мысль в известном методологическом «Введении», включив в предметный состав внутрипроизводственного обмена также и *способности*: «Ясно, во-первых, что обмен деятельностью и способностей, совершающийся в самом производстве, прямо в него входит и составляет его существенное содержание» [14, с. 36].

Едва ли Маркс подразумевал здесь *экономическую неоднородность* обмена. Но если это и не так, то данный феномен не входил в круг вопросов, продиктованных решением стоящей перед ним сверхзадачи. То, что генетически первичная форма ускользала и в значительной степени продолжает ускользать от внимания исследователей, имеет, помимо прочих причин, гносеологические корни. Товарная форма, по мере своего развития и рыночной экспансии, приобретала эмпирически зримые очертания, в то время как первичная форма уходила в основание системы, мимикрируя в социокультурном пространстве, но продолжая выполнять свои регулятивную и человекотворческую функции. Это не означает, что подобная мимикрия перерастает в синкретизм, а сама эта форма не структурирована и не поддается политэкономическому анализу. Речь идет о том, что форма сотрудничества на определенной стадии развития стала ненаблюдаемой экономической реальностью.

Сказанное позволяет по-новому взглянуть на творчество Карла По-ланьи, в частности, на его концепцию вложенной экономики. Он полагал, что «во все эпохи, предшествующие нынешней, рынки были не более чем вспомогательным инструментом экономической жизни. Как правило, экономическая система оказывалась включенной в более широкую социальную систему, и независимо от того, какой именно принцип поведения субъектов преобладал в экономике, рыночные структуры оказывались совместимы с ним» [15, с. 10]. Отвергая индивидуалистическое кредо мэйнстрима, он настаивал на том, что экономический процесс не индивидуален, а социален, что он вложен в «поддерживающие структуры», в том числе и этические, без которых не может существовать. Этика, как ему представляется, противостоит желанию коммерческих партнеров обмануть друг друга.

Безусловно, нравственность – влиятельный «наблюдатель» даже в сфере рыночных отношений. Но насколько она действенна в ситуации, когда именно корыстолюбие обеспечивает высокую доходность операций? С другой стороны, почему никто не считает аморальным безвозмездное изъятие государством части доходов населения в виде налогов?

Сошлемся в этой связи на авторитетное мнение еще одного известного исследователя – Эриха Фромма: «История «цивилизации» свидетельствует, что склонность к сотрудничеству и справедливому распределению проявляется у человека, мягко говоря, нерегулярно. ...Рефлекс к совместному труду и распределению во многих культурах был вытеснен рефлексом безмерного эгоизма. И, тем не менее, еще стоит подумать, а не является ли врожденной тенденция к совместному труду, а также потребность поделиться с другими, которые можно найти во многих обществах (кроме современного индустриального)» [16, с. 167]. Очевидный скепсис исследователя понятен. Слишком мала надежда на «врожденные тенденции». Мы однако полагаем, что дело не в инстинктах, но в неустранимости того ненаблюдаемого слоя отношений, который мы называем генетической формой сотрудничества. Другое дело, что в обществе потребления закономерно нарастает дисбаланс кооперативного поведения и «безмерного эгоизма». Обратимся в этой связи к Л.Н. Гумилеву: «Для того чтобы победить или, как минимум, отстоять себя, необходимо, чтобы внутри этноса возникла альтруистическая этика, при которой интересы коллектива становятся выше личных... Такая этика наблюдается и среди стадных животных, но только у человека принимает значение единственного видоохранительного фактора. Она всегда соседствует с эгоистической этикой, при которой личное плюс семейное становится выше общественного, но поскольку интересы личности и коллектива часто совпадают, острые коллизии возникают редко. С точки зрения сохранения человеческого аналога видового таксона, то есть этноса, сочетание обеих этических концепций создает оптимальную ситуацию» [3, с. 77].

Коллективное производство и дискурсивные практики

Мы будем исходить из того, что форма сотрудничества представляет собой организацию совместного труда экономически неавтономных индивидов, согласованными усилиями создающих (и потребляющих в определенных пропорциях) общественный продукт. Таким образом, кооперация предполагает производственное сообщество, или совокупного работника, на одной стороне и его (общественный) продукт – на другой. Неавтономность индивидов означает, что ни одна из функций совокупного работника не имеет самостоятельного экономического значения с точки зрения создания продукта как экономически значимого результата. В условиях коллективности каждый отдельный работник не может произвести продукт для себя, не создавая продукт для всех. Последний выступает лишь как плод коллективных усилий всех участников производства. В рамках коллективного производства отсутствуют предпосылки товарного обмена, а потребности каждого индивида могут быть удовлетворены лишь постольку, поскольку удовлетворяется общая потребность совокупного работника. Поэтому индивидуальный интерес каждого производителя реально, в действительности опосредствован общим интересом.

Эта особенность совместного производства не учитывается Р.Нельсоном и С.Уинтером, для которых «член организации по определению единица, которая может осуществить нечто сама по себе. Например, производственный рабочий может собрать подагрегат N, не взаимодействуя с другими членами, при условии, что необходимые детали под рукой, рабочее место освещено и т.д. Он мог бы собрать и подагрегат K при условии, что и в этом случае будут и детали под рукой, и освещение» [17, с. 140]. Разумеется, в реальной организации нетрудно найти такого умельца, который смог бы все это сделать, но включение такого индивида в теоретическую модель приводит к тому, что организация приобретает формальные свойства как совокупность вполне автономных агентов, которых собрал под одной крышей контрактный процесс.

Участие индивида в коллективном производстве заключается, следовательно, не в том, что он создает какую-либо потребительную стоимость, которая затем могла бы обмениваться на другие элементы совокупного продукта, но в том, что он вкладывает свою долю живого труда в коллективную деятельность. Таким образом, в своей внешней определенности частичный труд работника представляет собой простую, единичную затрату человеческой энергии в функциональной форме. Мерой такого труда может быть лишь фактическое рабочее время, поскольку сам индивид действует во всех пунктах производственного процесса как органическая составная часть совокупного работника.

Однако равные количества индивидуального времени не могут не отличаться друг от друга своим наполнением живой деятельностью, учитывая различия в умениях, знаниях и силе работников, что не может не препятствовать достижению общего результата. Поэтому фактическое рабочее время может представлять собой общественно признанную меру труда лишь постольку, поскольку в самом процессе производства происходит *выравнивание* индивидуальных способностей и затрат труда, которые приводятся к нормальному для данных условий уровню. Естественным способом такого «выравнивания» и является дискурс, или, как «коммуникативный разум», направленный, в отличие от «инструментального», функционально ориентированного разума, на *взаимопонимание* между людьми.

Мы, таким образом, используем здесь понятие *дискурса* вообще как языковой коммуникации, предполагающей синхронизированный процесс объективации и субъективации содержания человеческого сознания. Воспринимая и субъективируя информационные коды, участник дискурса вольно или невольно делает «чужие» размышления и способности «своими» и, наоборот, свои мысли и способности – посредством информационно-языкового кодирования – доступными для восприятия и смысловой интерпретации другими участниками коммуникации. Отсутствие или разрушение *коммуникативного разума* делает невозможным не только сотрудничество в кооперации, но и взаимовыгодную деятельность в рыночной сфере, блокирует созидательные эффекты конкуренции, превращая ее в войну всех против всех.

Понятие *дискурсивных практик* предполагает наличие разновидностей дискурса, которые могут отличаться друг от друга процедурами, регламентацией, типом рациональности, целевыми установками. В предметных границах экономической теории *хозяйственные* дискурсивные практики трактуются как специфический способ обмена и интеграции деятельности способностей индивидов в совместном производстве.

С точки зрения экономической теории координация действий многих индивидов, выступающих или в качестве частных производителей, или участвующих в одном и том же производственном процессе, – это всегда объективная общественно-экономическая связь, интегрирующая индивидуальные усилия в достижении общественного результата. И основное содержание этой связи составляет обмен живой (кооперация) и овеществленной (товарная форма) деятельностью.

Насколько правомерно, применительно к кооперации, отождествлять такой экономический процесс с планированием или, более широко, с управлением? При всей специфике и значимости этого вида деятельности он представляет собой лишь одну из функций совместного труда, и было бы ошибочным рассматривать ее как инструмент общественного признания всех прочих индивидуальных затрат, как своего

рода высшую общественную инстанцию. Ведь тогда пришлось бы признать существование такой функции, которая, в свою очередь, «санкционировала» бы общественный характер самого управленческого труда, и т.д.

Заметим, что трактовка непосредственно-общественного труда в марксистской политэкономии на основе плановой функции, которая заранее, *до процесса производства*, обеспечивала общественное признание индивидуальных затрат труда, инициировала впоследствии проблему несовместимости плана и рынка при социализме.

С позиций обычного здравого смысла для объяснения причинной связи между частичным трудом каждого работника и общественным продуктом (общественной полезностью) как результатом коллективного труда достаточно простой констатации того факта, что люди работают вместе, сообща. Но это означает, что в условиях сотрудничества экономическая связь различных работ, т.е. обмен, даны самим процессом производства. Следовательно, обмен деятельностью является его (процесса производства) внутренним моментом, а предмет обмена по необходимости не принимает здесь форму, отличную от живой деятельности. Если же учитывать, что трудовая деятельность есть реализация производительных способностей человека, то именно они и являются действительным предметом обмена. Только такой обмен способен обеспечить выравнивание индивидуальных рабочих сил и, следовательно, – общественное признание индивидуальных затрат в процессе совместного труда.

Обмен в системе сотрудничества

Несмотря на нетрадиционность дискурсивной проблематики для экономической теории, в литературе уже встречаются попытки если не детальной разработки, то во всяком случае постановки проблемы и поиска путей ее решения. Кроме того, в рамках эволюционного и ресурсного подхода к анализу организации проделана определенная работа по выяснению вопросов структуры, формирования и использования знаний и умений работников организаций. Концептуальную основу этих разработок составляют, главным образом, идеи М.Полани о существовании явного и неявного (имплицитного, неартикулируемого) знания. Эта идея опирается на констатацию того факта, что «человек знает больше, чем может сказать». Иначе говоря, желаемый результат действия «достигается путем следования ряду норм или правил, неизвестных как таковых человеку, совершающему это действие» [18, с. 82].

Экономисты, использующие в своих разработках идеи М.Полани, основной акцент делают именно на неявном знании и его глубоко личностной природе, что позволяет сторонникам ресурсного подхода обсуждать вопросы уникальности (специфичности) данного ресурса как основы конкурентоспособности фирмы, а эволюционистам — вопросы

непредсказуемости действий работников, ведущей к непредсказуемым эволюционным изменениям организации.

Эти исследования внесли весьма ощутимый вклад в раскрытие субъективной стороны функционирования организации и ее работников. Можно было ожидать, что анализ способностей отдельных работников как функциональных исполнителей будет дополнен изучением системы их взаимодействия (обмена) на уровне организации в целом. Но такая задача, судя по всему, исследователями не ставилась. Независимо от причин подобного равнодушия к проблеме живого обмена необходимо отметить общий недостаток, присущий такого рода работам. В них изначально не проведено важное различие между *дискурсивным* и *функциональным* пространствами сотрудничества. Акцент сделан на функциональной стороне деятельности работников, отражающей их исполнительскую обособленность, единичность, взаимодействие с вещественными условиями производства. Гораздо меньшее внимание уделяется центральной проблеме сотрудничества – собственно дискурсивному пространству.

Между тем, именно наличие дискурсивных практик делает совершенно ненужным специальное экономическое «моделирование» человека. Смысл «неавтономности» индивида в кооперативной структуре заключается в том, что все экономически значимые параметры его производственной деятельности – знания и умения, интересы и цели, степень информированности, тип рациональности – формируются условиями его интеграции в структуру общехозяйственного целого. Единственной предпосылкой такой интеграции индивида являются его разумность и способность к обучению, что равносильно признанию за данным субъектом статуса *homo sapiens*.

Чем бы не объяснялось различие в производительных способностях участников совместного производства – психофизиологические особенности человека, разный опыт работы или вообще его отсутствие, образовательный уровень, индивидуальные склонности и т.д., оно существует в каждый данный момент функционирования организации и порождает проблему согласованного (скоординированного) выполнения взаимосвязанных и взаимодополняющих функций совокупного труда. В этом существенном пункте наша позиция расходится с трактовкой «типичного члена организации», которая предлагается эволюционистами. Так, для Р.Нельсона и С.Уинтера «типичный член организации», оснащенный соответствующими индивидуальными умениями, или рутинами, есть *готовая предпосылка* анализа организационной динамики [17, с. 140].

На первый взгляд, такой подход выглядит реалистичным, поскольку соответствует эмпирической статике функционирующей организации, ее «моментальной снимку», на котором наблюдатель может увидеть

множество подготовленных людей, профессионально занятых своим делом. Но с точки зрения организационной динамики он значительно сужает возможности выявления изменений как на уровне индивида, так, следовательно, и на уровне организации. В действительности, «типичный член организации» – это абстракция, имеющая мало общего с реальными участниками производства, которые не только в разной степени располагают положенными им по «репертуару» рутинными, но могут вообще не иметь специальной подготовки.

Важно подчеркнуть, что потенциально взаимосвязь отдельных фрагментов производственного процесса существует вне самих работников, в вещественных условиях производства (например, в системе машин). Именно эта функционирующая техническая система, как бы стоящая перед глазами исследователя, и создает видимость упорядоченного благополучия организации. Однако исходным моментом в понимании структуры коллективного производства является не эта техническая (или природная) связь отдельных элементов производства, но индивидуальные особенности их исполнения отдельными работниками. Эти особенности могут демонстрировать разную степень приближения к оптимальному варианту функционирования производственной системы в целом и отдельных ее элементов. Но в любом случае участники производственного процесса должны функционировать как единая производительная сила, в которой способности и действия одних субъектов согласованы с действиями и способностями других.

Такое согласование, в первом приближении, предполагает взаимную коррекцию последовательности, способа осуществления, скорости операций, т.е. *умений*. Под умениями мы понимаем *способности* индивида к выполнению определенной операции (действий) с заданными параметрами (последовательностью, интенсивностью, методами), предполагающими достижение определенной цели. Но взаимная коррекция индивидуальных умений возможна лишь в том случае, если они «прозрачны», доступны для всех членов организации. Если планывы «неявные знания» здесь и присутствуют, то либо *практически* изыскивается способ их перевода в категорию явного знания, либо *теоретически* они могут вообще не приниматься во внимание в контексте анализа дискурса. Прозрачность индивидуальных умений для сотрудничающих субъектов может быть истолкована как их стремление к взаимному пониманию действий друг друга. Но если какой-либо индивид «понял» образ действий другого субъекта, то это означает, что чужой образ он сделал своим, хотя здесь вовсе не подразумевается операция копирования. И поскольку в этих процессах индивиды постоянно меняются ролями, то процесс взаимопонимания в совместном производстве приобретает форму обмена живой деятельностью, т.е. функционирующими способностями.

Институционализация сотрудничества

Под институционализацией мы понимаем процесс возникновения, апробации и регулярной повторяемости на протяжении достаточно длительного периода тех или иных социально-экономических практик. Изменения условий сотрудничества приводят к изменению (эволюции) самих практик и, соответственно, их относительно устойчивых форм.

Условия традиционного производственного процесса, в котором частичные работники действуют как функционально обособленные элементы технологической системы – одушевленные орудия труда, ограничивают возможность общения. Усилия частичного работника непосредственно обращены не на других работников, но на исполняемую им операцию, на предмет труда. Применительно к развитым формам совместного труда в машинном производстве рутинная исполнительская деятельность, как правило, не рефлектируется работником и совершается в значительной степени машинально, автоматически.

Отсюда, однако, не следует, что исполнитель вообще не способен осмыслить свои действия и перевести неявные знания в категорию явных, артикулируемых, поддающихся трансляции и обмену. Но для этого в большинстве случаев требуется время, свободное от исполнения функциональных обязанностей. Работник же захвачен процессом труда настолько, что сама возможность *параллельного* общения с другими индивидами существенно ограничивается издержками переключения деятельности с предмета труда на человека.

Характерно, что современные тенденции изменения содержания труда и профессионально-квалификационного состава работников способствуют преодолению, а точнее, смягчению указанного ограничения. Как показывают результаты проведенных опросов среди участников автономных (комплексных) бригад, работники чаще всего указывали такие стороны группового труда, удовлетворяющие их и содействующие личному развитию, как солидарность, возможность контактов в труде и постоянного диалога с коллегами, кооперация с другими подразделениями и службами, ротация рабочих мест, в общем, расширение социальных связей в производстве [19, с. 89-90].

Следует, однако, учитывать, что реализация «склонности к диалогу», расширение «возможностей контактов в труде», возрастающая степень солидарности и система участия сами по себе еще не означают полного совмещения «параллельных» социотрудовых пространств – функционального и дискурсивного. Полное их совмещение, по всей вероятности, вообще недостижимо, поскольку трудовая деятельность всегда совершалась и будет совершаться в предметно-ориентированной форме, будь то создание промышленного изделия, программного продукта или изучение каких-либо природных или социальных процессов.

От элементов специализации и функциональной обособленности не свободен даже научный труд, основу которого составляет опосредованная культурой и социальной памятью кооперация деятельности предшественников и современников. Но если в научном труде ярко выраженной доминантой является диалог исследователя со своими оппонентами и единомышленниками из прошлого и настоящего, то в обычной индустриальной практике совместного труда материально-вещественная мощь функциональной составляющей столь сильно доминирует в структуре сотрудничества, что коллективный обмен (общение) представляется действующим лицам, особенно руководителям, излишней роскошью, только мешающей нормальному производственному процессу.

Противоречие между частичной, функционально-обособленной деятельностью и объективной потребностью совместного труда в обмене живой деятельностью разрешается посредством *института совещательности*. Это один из наиболее древних институтов, регулирующих производство и обмен в системе сотрудничества и выступающий в качестве устойчивого образования, компенсирующего функциональные ограничения коллективного обмена и расширяющего временные границы дискурсивного пространства совместного труда.

Конкретные нормы, характеризующие данный институт, можно разделить на две большие группы *совещаний*: организованные и спонтанные. *Организованные совещания* связаны с внутригрупповой иерархией, они отличаются систематичностью, целевым характером и упорядоченностью высказываний. Это различного рода производственные собрания, совещания, планерки, инструктажи, проводимые с разной степенью регулярности и процедурной упорядоченности. Совокупность разнообразных организованных совещаний можно обозначить как *организационный протокол*.

Организационный протокол позволяет структурировать пространство сотрудничества, процедурно разделяя дискурсивную и функциональную сферы. Тем самым обеспечивается экономия времени, связанная с поддержанием нормального производственного ритма, а также с возможностью концентрации информационного обмена («мозгового штурма») и выработки эффективных согласованных решений без того, чтобы осуществлять разведенные во времени интеракции с отдельными участниками коллективного производства. В рамках организационного протокола формируются такие нормы сотрудничества, как *планирование и контроль*.

К *спонтанным совещаниям* относятся эпизодические контакты между работниками всех категорий в течение рабочего дня, возникающие во время обеденных перерывов, дополнительных перерывов на отдых, ситуативных контактов, связанных с нештатными производственными

ситуациями, поломкой оборудования, обсуждением нюансов нового производственного задания, конфликтами между членами коллектива и т.д.

Впервые на эту группу совещаний и ее роль в сплоченности коллектива и эффективности производства обратил внимание один из создателей школы человеческих отношений в теории и практике менеджмента Э.Мэйо. Стихийно возникавшие совещания между работниками во время больших и малых перерывов, а также специальное инициирование общения посредством каких-либо организационных или технических новаций, изменяющих условия совместного труда, активизировали внутригрупповые коммуникации, способствуя повышению уровня сплоченности коллектива и интереса к труду.

Соотношение организационного протокола и спонтанных совещаний в истории менялось от их слитности, когда сколько-нибудь отчетливые границы между ними вообще отсутствовали (что характерно для архаических хозяйственных форм, в которых стихия поглощала организацию), через период индустриальной практики, которая способствовала вытеснению спонтанных совещаний организованными, и к современным инновационно ориентированным, креативным организациям, где наблюдается процесс доминирования спонтанных совещаний с приданием им отдельных черт организованности. Можно констатировать неустранимость обоих видов совещаний, но с изменяющимися границами между ними в зависимости от исторических условий в широком эволюционном контексте, а также от стратегических предпочтений тех или иных организаций (фирм) в современной рыночной экономике.

Заключение

В данной статье представлен один из подходов к разработке политэкономии евразийства. Лейтмотив статьи заключается в том, что реализация евразийского политэкономического проекта возможна лишь в концептуальных рамках экономической неоднородности хозяйственной организации общества. Эта концепция отнюдь не предполагает отказа от того, что Ф.Энгельс называл политэкономией «в узком смысле». Но «таксономическая» структура политико-экономического знания существенно усложняется вследствие появления «этноэкономики», образующей особый раздел экономики, не интегрированный непосредственно в формационные универсалии и построенный на основе экономической структуры сотрудничества. Мы оставляем на усмотрение читателей возможность установить «области рефракции» в этой структуре.

За рамками работы остается целый ряд важных вопросов, связанных с природой коллективного интереса и экономической структурой рабочего времени в условиях совместного производства. Изложенного, однако, достаточно, чтобы выявить основные узловые пункты форми-

рования и развития цивилизационной модели. Вместе с тем, следует отметить, что очевидный «микроуровень» проведенного анализа не должен вводить в заблуждение относительно значимости его результатов для цивилизационной экономики. Как сказал бы по этому поводу Тейяр де Шарден, «ячейка универсума – это сам универсум» [20, с. 47].

Литература:

1. Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. – М.: Изд-во «Прогресс», 1977.
2. Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории / Послесл. С.Б. Лаврова. – М.: Экспрос, 1992.
3. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: Айрис-пресс, 2004.
4. Рязанов В.Т. Роль религиозной этики в формировании этноэкономических (национальных) систем хозяйствования // Христианство и ислам об экономике // Под ред. М.А. Румянцева, Д.Е. Раскова. – СПб., 2008.
5. Рязанов В.Т. Политическая экономия: из прошлого в будущее (ч. 2-я) // Проблемы современной экономики. – 2012. – № 3.
6. Хасанова А.Ш., Ведин Н.В. Человек в экономическом пространстве // Основы экономической теории человеческого капитала: Методологические и институциональные аспекты: Монография / Под ред. Ф.Г. Хамидуллина. – Казань: Изд-во «ФЭН» АН РТ, 2007.
7. Швырев В.С. Теория познания и методологический анализ науки / Гносеология в системе философского мировоззрения. – М.: Наука, 1983.
8. Ельмеев В.Я., Тарандо Е.Е. Труд как всеобщий предмет политической экономии / О философских основах предмета и метода экономической науки: Монография. – СПб.: НПК «РОСТ», 2008.
9. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. – М.: Политиздат, 1978. – Т. I. – С. 51.
10. Ведин Н.В., Газизуллин Н.Ф. Неконкурентные основания хозяйственной жизни общества // Проблемы современной экономики. – 2008. – № 1.
11. Румянцев М.А. Контуры евразийской политической экономии // Проблемы современной экономики. – 2015. – № 1.
12. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие: Пер. с нем. / Под ред. Д.В. Складнева, послесл. Б.В. Маркова. – СПб.: Наука, 2000.
13. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1961. – Т. 42. – С. 41-174.
14. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1861 гг. (Первоначальный вариант «Капитала»): В 2-х ч. – Ч. 1. – М.: Политиздат, 1980.
15. Поланьи К. Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля и деньги // THESIS, 1993, вып. 2.
16. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности: Пер. с англ. Э.М. Телятникова, Т.В. Панфилова. – М.: АСТ, 2004.
17. Нельсон Р.Р., Уинтер С.Дж. Эволюционная теория экономических изменений: Пер. с англ. – М.: Дело, 2002.
18. Полани М. Личностное знание. – М.: Прогресс, 1985.
19. Вильховченко Э.Д. Социально-профессиональное развитие человека в производстве передовых стран // Мировая экономика и международные отношения. – 1997. – № 8-9.
20. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. – М.: Наука, 1987.

References:

1. Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. Trans. from English. – M.: «Progress» Publishing House, 1977.
2. Gumilyov L. From Russ to Russia: Essays on the history of ethnic history / Epilogue by S.Lavrov. – M.: Ekopros, 1992.
3. Gumilyov L. Ethnogenesis and biosphere of the Earth. – M.: Iris Press, 2004.
4. Ryazanov V. The role of religious ethics in the formation of ethno-economic (national) economic systems // Christianity and Islam about the economy // Ed. by M.Rumyantsev, D.Raskova. – SPb., 2008.
5. Ryazanov V. Political Economy: From the Past to the Future (Part 2) // Problems of modern economy. – 2012. – № 3.
6. Khasanova A., Vedin N. The man in the economic space // Basics of economic theory of human capital: methodological and institutional aspects: Monograph / Ed. by F.Khamidullina. – Kazan: «FEN» Publishing house, the Academy of Science, the Republic of Tatarstan, 2007.
7. Shvyrev V. The theory of cognition and methodological analysis of science / epistemology in the philosophical world outlook. – M.: Nauka, 1983.
8. Elmeev V., Tarando E. Labour as a universal subject of political economy / On the subject of philosophical basics and methods of economic science: Monograph. – SPb.: NPK «ROST», 2008.
9. Marx K. Capital. Critique of Political Economy. – V. I. – M.: Politizdat, 1978. – P. 51.
10. Vedin N., Gazizullin N. Noncompetitive economic bases of a business life of a society // Problems of modern economy. – 2008. – № 1.
11. Rumyantsev M. The outlines of Eurasian political economy // Problems of modern economy. – 2015. – № 1.
12. Habermas Yu. Moral consciousness and a communicative action / Trans. From German. ed. By D.Sklyadneva, Afterword. B.Markov. – SPb.: Science, 2000.
13. Marx K. Economic and Philosophic Manuscripts of 1844 / K.Marx and F.Engels. Collection of works. – 2nd ed. – V. 42. – M.: Politizdat, 1961. – P. 41-174.
14. Marx K. Economic Manuscripts 1857-1861 (The original version of «Capital»). In 2 parts. – Part 1. – M.: Politizdat, 1980.
15. Polanyi K. A self-regulating market and fictitious goods: labor, land and money // THESIS. – 1993. – Vol. 2.
16. Fromm E. The anatomy of human destructiveness: Trans. from English. E.Telyatnikova, T.Panfilova. – M.: AST, 2004.
17. Nelson R., Winter S. Evolutionary Theory of Economic Changes / Trans. from English. – M.: DELO, 2002.
18. Polanyi M. Personal centered knowledge. – M.: Progress, 1985.
19. Vilkhovchenko E. Social and professional development of an individual in the system of production in leading countries // World Economy and International Relations. – 1997. – № 8-9.
20. Teilhard de Chardin P. The phenomenon of the man. – M.: Nauka, 1987.

УДК 330

К КРИТИКЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ*(Перепечатка из // Проблемы современной экономики. – 2015)***ON THE CRITICISM OF EURASIAN POLITICAL ECONOMY***(Reprinted from // Problems of modern economy. – 2015)*

ПОГРЕБНЯК А.А., канд. экон. наук, доцент кафедры социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета

POGREBNIYAK A., Candidate of Economic Sciences, PhD, Associate Professor, Social Philosophy and Philosophy of History Chair, St. Petersburg State University

Аннотация

Статья посвящена проблеме возможности евразийской политической экономики в контексте диалектики всеобщего, особенного и единичного, выступающей в качестве логики развития самой экономической действительности. Делается попытка оценки того значения, которое данная идея могла бы приобрести в контексте актуальных социально-философских дискуссий о специфике современного капитализма.

Ключевые слова: политическая экономия, диалектика, евразийство, капитализм, неолиберализм.

Abstract

The article is devoted to the problem of the possibility of Eurasian political economy in the context of the dialectics of general, special and individual, which serves as the logic of development of economic reality itself. The author attempts to estimate the importance that this idea could achieve in the context of present day socio-philosophical discussions about the specifics of modern capitalism.

Key words: political economy, dialectic, Eurasianism, capitalism, neo-liberalism.

О критике речь пойдет не столько в негативном, полемическом смысле этого слова, сколько в его кантовском значении необходимого выявления границ нашего знания, при том что сами эти границы играют позитивную роль условий возможности самого познавательного опыта. Разве в своем проекте «критики политической экономики» Маркс подходил к современной ему экономической науке не с подобной же позиции? Ведь выявляемые им в дискурсе буржуазной науки противоречия отражали противоречия в самом капиталистическом способе производства, то есть указывали на его конкретно-историческую определенность, а значит, выявляли его границы, выступавшие в то же время условиями

возможности самой «объективности» существования капитализма, необходимой видимости «естественного характера» всех его явлений и закономерностей, фиксацией которых и была буржуазная наука.

Вот почему уже само название статьи Д.Ю. Миропольского [1], спрашивающее, возможна ли евразийская политическая экономия, побуждает задуматься о необходимости подобного критического рассмотрения – предупреждая потенциальное обращение этого исследовательского направления в некую идеологическую догму.

А такая опасность в науке есть всегда, и Д.Ю. Миропольский в своей статье на нее указывает – к примеру, когда с полным основанием говорит о принципиальной идеологической ангажированности марксизма (в самом деле, притязания последнего на роль «чистой методологии» не опровергают, но «от противного» подтверждают его изначальную идеологичность). Однако и к эпитету «евразийская» это может иметь отношение не в меньшей степени, ведь не случайно, что для кого-то сам факт его употребления в положительном ключе будет означать (и небезосновательно!) приверженность к ультраправой политической позиции, часто апеллирующей к так называемым «евразийским ценностям». Но означает ли это, что такие понятия, как, скажем, «народ» или «духовность», на которые обыкновенно делает ставку дискурс консерваторов, не подлежат переопределению? Представляется, что как раз ровно наоборот: понятия эти представляют собой, прежде всего, «пустые означающие» (согласно терминологии Э.Лаклау), и подлинная проблема отнюдь не в том, употреблять их или не употреблять, а в том, как можно наделить их истинным смыслом – и тем самым подорвать сложившийся порядок гегемонии: в самом деле, с какой стати мы будем отдавать, скажем, философию М.Хайдеггера, музыку С.Курехина и то же самое евразийство на откуп «учению» какого-то масс-медийного шамана?

(Коль скоро был упомянут Хайдеггер, можно вспомнить его печально знаменитое обращение к понятию народа (Folk) в «Бытии и времени»: стало уже общим местом считать это фашистским моментом его мысли. И, тем не менее, У.Броган сделал попытку раскрыть истинное значение этого понятия на примере более поздних текстов Хайдеггера, выявив его куда более сложный, однозначно несводимый к логике фашизма, характер [2]. Конечно, могут сказать, что есть все-таки понятия, однозначно не подлежащие «спасению». Разве не таков, к примеру, собственно фашизм? Но даже в этом случае хотелось бы указать на позицию С.Жижека (мыслителя однозначно антифашистской ориентации), утверждающего, что бескомпромиссное неприятие фашизма (как наше этическое убеждение и наша политическая позиция) не должно препятствовать теоретическому пониманию того, что ложь фашизма проистекает не из априори ложного характера ценностей, к которым он

апеллирует, а совсем напротив – из той превратной формы, с помощью которой он (пере)структурирует потенциально истинное содержание (к примеру, «духа народного единства»). Этот аргумент следует не упускать из вида тем, кто уже сегодня готов поставить знак равенства между фашизмом и, к примеру, евразийством. Ведь во всех случаях, когда подобное уравнивание еще не стало чем-то неизбежным, нужно прилагать все усилия к спасению того истинного, что в данном конкретном понятии имеется: социальные и гуманитарные катастрофы вполне могут быть следствием нашей неспособности удержаться на высоте понятия, подмены последнего абстрактным «рассудочным представлением», как сказал бы Гегель.)

Гегель упомянут не случайно: статья Д.Ю. Миропольского продолжает традицию ленинградской (петербургской) школы с ее теоретической верой в огромный потенциал гегелевской диалектики для разработки вопросов политической экономии – вопреки свойственной «мэйнстриму» установке на отрицание его «научной значимости». Так, с самого начала проблема возможности евразийской политической экономии рассматривается Д.Ю. Миропольским в контексте диалектики всеобщего, особенного и единичного; в этом контексте автор вступает в полемику с Энгельсом, полагая, что, во-первых, подлинно всеобщее не может быть получено простым абстрагированием от особенного и единичного; во-вторых, сами особенное и единичное превратятся в нечто сугубо случайное и иррациональное, если «всеобщее» будет постулировано с самого начала. Кстати, эта проблема была детально разработана в трудах Э.В. Ильенкова, посвященных различению абстрактно-всеобщего и конкретно-всеобщего, а также у таких теоретиков и практиков диалектического подхода, как Г.Лукач (пролетариат как класс, в котором особенное одновременно выступает как всеобщее) и уже упомянутый С.Жижек (с его противопоставлением универсализма как конкретно-всеобщего абстрактной всеобщности «глобализма»). Общий смысл таков: в отличие от формально-логической абстрактной всеобщности, понимаемой как наличие какого-то общего признака у ряда различных явлений, в диалектической логике всеобщее понимается как генетический процесс «снятия», благодаря чему особенное и единичное из просто фиксируемого обретают характер разумного, то есть мыслятся в контексте, где они приобрели положительное значение «моментов» целого (вне контекста которого они суть нечто случайное, «ничтожное»).

Истинное понятие экономической науки, пишет Д.Ю. Миропольский, должно исходить из того, что «в самом начале должны быть заложены возможность и необходимость возникновения разных форм капитализма, соединяющих в себе всеобщие законы капитала и особенные условия их функционирования. (...) Истинный способ создания политэкономии капитализма состоит в том, чтобы особенные условия

единичных стран и народов изначально включались в предмет (начало) науки и выступали в процессе развертывания предмета не как случайные и внешние, а как необходимая диалектика моментов всеобщего, особенного и единичного в капитале».

Отсюда следует, что «евразийская политическая экономия есть не просто малозначимая случайность истории, а необходимая форма капитала». Здесь автору можно задать вопрос: ведь не всякое «особенное» истинно как таковое, оно должно быть еще возвышено до участия во всеобщем – тогда что именно в «евразийском» особенном значимо для всеобщего, то есть для современного капитализма как «миросистемы»? (Можно вспомнить упрек, который сделал в адрес философии истории Гегеля еще В.С. Соловьев: немецкий мыслитель не разглядел значимости социалистических идей и всемирно-исторической роли славянства.) Другими словами, в контексте диалектического понимания логики исторического процесса евразийская политическая экономия – это очевидная проблема, а не самим собой разумеющийся факт: необходимо доказать всеобщую значимость ее особенного предмета, понять, чем же именно эпитет «евразийская» способен обогатить «политическую экономию в широком смысле», а «обогащение», в свою очередь, должно быть понято, прежде всего, как выявление и возможное разрешение неких фундаментальных противоречий, принадлежащих полю этой самой «политической экономии в широком смысле».

Далее. Вполне можно согласиться с предложением Д.Ю. Миропольского определять начало «политической экономии в широком смысле слова» посредством категории «продукта», ведь если «продукт», или «для-себя-продукт», это следствие того, что «процесс производства и потребления окончательно выделился из природной среды как качественно отличный от нее», то речь идет об особой сфере культуры, а значит, о том, что с необходимостью является внутренне противоречивым и, тем самым, историчным. Отсюда, продукт может существовать исключительно как движение, историческое и логическое – как «развитие не одного, а двух принципов: а) товарности, развивающейся до уровня капитала; и б) планомерности, развивающейся до уровня плана» (эти принципы суть не что иное, как политэкономическая конкретизация более абстрактных принципов множественности и единства). Наконец, должен быть поставлен вопрос – и предложен ответ – о цели данного движения: «План, – пишет Д.Ю. Миропольский, – также необходим и противоречив, как и капитал. Только представляя собой единую противоположность, они вместе образуют хозяйство человека. И они же вместе преодолеваются в процессе движения к действительному коммунизму».

Так как же решается вопрос о возможности евразийской политической экономии, исходя из того, что было сказано о «политической эконо-

мии в широком смысле слова»? Д.Ю. Миропольский предлагает такой ответ: «Вывод следующий: единичные формы хозяйства в отдельных странах – это не просто единство особенного и всеобщего определений капитала; это единство либо особенного капитала, либо особенного плана, либо их смеси и всеобщих законов движения продукта. Причем еще раз подчеркнем то, какую форму принял продукт на территории той или иной страны в тот или иной отрезок времени, не является результатом действия случайных и хаотичных внешних условий. Эта форма является необходимой и изначально содержится в самом предмете политической экономии, то есть в продукте в его взаимодействии с непродуктом [т.е. природой. – А.П.]. Все вышеизложенное позволяет заключить, что на евразийском пространстве возникает новая форма взаимодействия капитала и плана. Эта форма не случайная, а необходимая и вытекает из предмета политической экономии в целом.

Очевидно, что в статье Д.Ю. Миропольского контуры возможной евразийской политической экономии лишь намечены; тем не менее, направление, в котором предложено двигаться, очерчено достаточно четко для того, чтобы читатель мог осуществить рефлексию в отношении собственной позиции по данному вопросу. Если сформулировать возникающую здесь проблему в общем виде, то она сводится вот к чему: в логическом плане специфику евразийской политической экономии автор связывает с вопросом о том, какова может быть пропорция плана и капитала в евразийском «продукте» (говорится о хозяйственной системе, «на равных противостоящей Западу», «развившей производительные силы, такие же, как на Западе по уровню, но использовавшей для этого интегрированную систему отношений с акцентом не на капитал, а на план [курсив мой. – А.П.]»).

Но пропорция – это, очевидно, нечто, относящееся к категории меры, рассмотрением которой, как известно, завершается первый раздел гегелевской «Науки логики», то есть «Учение о бытии»; понятно также, что мера как возникшее единство качества и количества в своем движении должна заставить нас перейти на уровень сущности – сущность же, как таковая, есть отрицание определений сферы бытия как внешних, непосредственных. Таким образом, возникает вопрос: что есть (что может быть, что должно быть) сущностного в (возможной) евразийской политической экономии – сущностного, то есть способного осуществить снятие исключительно рассудочного представления о той или иной «пропорции»? (Если этого не произойдет, мы получим, скорее, «недействительный коммунизм», о котором Маркс говорил еще в рукописях 1844 г. как о еще не преодолевшем отчуждение и не осуществившем положительное упразднение частной собственности.)

Не случайно ведь, что специфичность евразийской хозяйственной системы утверждается Д.Ю. Миропольским (да и всеми, пожалуй, кто

об этом пишет) способом противопоставления Западу. Дело в том, что именно западная модель капитализма продолжает служить отправной точкой для попыток определения и формирования альтернативных способов хозяйствования – альтернативных, но зачастую в сущности своей по-прежнему капиталистических. В этом смысле западный капитализм является как раз именно тем «особенным», на котором в своем развитии базируется «всеобщее» (аналогично тому, как простая форма стоимости в анализе Маркса есть не просто «мысленная абстракция», но то, что реально существует как таковое, – и в то же время именно она служит исходным пунктом для всего ряда возникающих определенных стоимостей, вплоть до ее высших форм [3]. Разве не в этом суть осуществленного Марксом раскрытия действия закона стоимости в качестве основного закона капитализма, о чем в свое время писал И.К. Смирнов [4]?).

Общеизвестно, что эмпирической базой для «Капитала» была британская экономика – как и то, что многочисленных исследователей (М.Вебер просто наиболее известный пример) занимал и продолжает занимать вопрос о духе капитализма – связывают ли его с религиозной этикой, политической идеологией, социальной психологией или чем-то еще, понятно, что имеют в виду нечто сущностное, конкретное, что-то, что не просто изначально предопределяет капитализм, но, само исторически модифицируясь, продуцирует его новые, более содержательные и противоречивые определения (в этой связи симптоматично название уже ставшей классикой работы Л.Болтански и Э.Кьяпелло «Новый дух капитализма»). Даже если ограничиться гипотезой о религиозных предпосылках капиталистического духа, то и здесь мы видим движение: как остроумно заметил Ж.Бодрийяр еще в 70-е гг. XX века, «вполне возможно, что изгнание суровых чар политической экономии и производственного капитализма, завершение пуританского цикла капитала, открывает католическую, иезуитскую эру мягкой, сладкой семиургии, мягкой технологии обольщения» [5]. Таким образом, можно продолжать спорить о логико-исторической последовательности специфических определений капитализма (является ли, скажем, мировоззрение Л.Б. Альберти, которого обильно цитирует В.Зомбарт в своем «Буржуа», «еще более изначально» капиталистическим, чем, скажем, мировоззрение Б.Франклина, или же его надо рассматривать как все еще «докапиталистическое»?), но общая тенденция очевидна: эволюция капитализма – это процесс отрицания тех или иных его «бытийных» характеристик, что в то же самое время означает позитивную реализацию его сущности (так, сегодняшний консьюмеризм лишь по видимости противоречит раннекапиталистической «аскезе»; на деле императивный характер потребления только усугубляет всеобщий характер принципа производительности).

Поскольку размышления о «евразийском духе» так или иначе связаны со значением «географической обусловленности», можно задать вопрос: каким мог бы быть пространственный символизм, придающий проекту «евразийской политической экономики» не просто специфику, но специфику, обладающую потенциалом выявления и разрешения сегодняшних противоречий мирового капитализма? (Речь именно о символизме, поскольку необходимо всячески преодолевать естественно-научный детерминизм в понимании экономики, и о мировом капитализме, поскольку гегельянское понимание истории рассматривает в качестве истинного лишь то «особенное», которое приобретает всемирно-историческое значение.) Вот замечательный пример философского анализа пространственного символизма, характерного для «классического», западного капитализма: в своем докладе «Другой мыс. Отложенная демократия» [6] Ж.Деррида исследует спектр возможных значений корня «Сар», среди которых есть «мыс» (как выступающая вперед часть суши) и «капитал» (как резерв ценности); Европа же – это не только географический «Сар», но нечто, что наделяется «гешталтом духовного сар'а в смысле проекта, универсального, бесконечного задания или идеи: память самого себя, которая собирается и, аккумулируемая, капитализируется в себе и для себя». Более того, Деррида указывает на глубинную связь этих значений с понятием культуры, благодаря чему Европа, Запад и капитализм напрямую отсылают к диалектике универсального и сингулярного – пусть капитализм «изначально» есть культурный проект Запада, но ведь «ни одна культурная идентичность не представляет собой идиомы с непроницаемой плотью, наоборот: всякая оказывается незаменимым вписыванием универсального в сингулярное, как своеобразное свидетельство человеческой сущности и подлинности человека». («Универсальное», «сингулярное», «своеобразное» – это, очевидно, «всеобщее», «единичное» и «особенное».) А следовательно, заключает Деррида, в западном сар'е всегда уже содержится потенциал открытости в направлении к другим возможным сар'ам, что и есть основание подлинной демократии – готовности принять Другого, т.е. другие сар'ы во всей нередуцируемости их своеобразия.

«Открытость Другому», как известно, – одна из центральных фигур мысли Деррида. Но что интересно, так это то, что в цитированном тексте о «Другом» речь идет все-таки именно о «Сар'е» («Другой мыс», как сказано в заглавии). Конечно же, сразу возникает ассоциация с теми регионами и культурами, которым в той или иной мере удалось достичь успеха в качестве игроков мирового рынка, полноценных участников мировой капиталистической системы (к примеру, пресловутые дальневосточные «новые индустриальные страны»). Правда, можно сказать, что «мыс» – это все лишь метафора, но ведь каждое понятие – это стершаяся метафора, как сказал опять-таки Гегель, поэтому возника-

ет вопрос теперь уже к Деррида: насколько принципиальной является связь демократии исключительно с сар'ом, пусть целым множеством сар'ов, «других» в отношении друг друга? Ведь идея выступающей части – роста, движения, скорости, прибавочной стоимости – этим корнем изначально предполагается; тогда почему, имея в виду «Другого», других, не говорить и о материке, и об острове? (Кстати, Робинзон Крузо Д.Дефо был образцовым буржуа ровно в той мере, в какой своим «эффективным управлением» сумел преобразовать остров в «сар», «капитализировать» его «ресурсы».) Связь этих метафор (материк, остров) с понятием капитала и капитализма может быть принципиально другой, куда более негативно-критической... Но означает ли это тем самым ее «антидемократический» характер?

В качестве примера логики антисар'а можно привести статью Ф.Берарди с интригующим заголовком «Усталость и старческая утопия грядущего европейского восстания» («Утопия» изначально все-таки название острова), где со ссылкой как раз на Ж.Деррида (и Ю.Хабермаса) говорится о том, что вместо подлинно демократической политики (за которую оба они выступали) Европа оказалась подчинена авторитарному по своей сути правлению финансовой элиты. Единственные ценности, утверждаемые сейчас, – это рост и конкуренция, что приводит к прекаризации, разрушению социальной солидарности, этнической ненависти и пр. Поэтому, говорит Берарди, следует переосмыслить основополагающий миф европейской истории – миф об энергии, согласно которому в культуре и политическом воображении современности приоритет всегда отдавался молодости, страсти, энергии, агрессивности и экспансии (так, если классический капитализм основывается на эксплуатации физической энергии, то современный подчинил себе психическую, нервную энергию общества, и сегодня это подчинение достигает предела, за которым может последовать лишь коллапс). Выходом может быть позитивное, а не негативное отношение к феноменам старости и усталости (автор статьи напоминает, что культ молодости характерен как для фашизма, так и для новейшего неоллиберализма). «В западной культуре нет места усталости, и сегодня это стало проблемой. Нужно понять и принять усталость как новую парадигму социальной жизни. Культурная и психическая артикуляция усталости приведет нас к новому пониманию процветания и счастья. Движущей силой грядущего европейского восстания будет не энергия, а замедление, отказ и усталость. Это будет освобождение коллективного тела от оков эксплуатации, опирающейся на скорость и конкуренцию» [7]. «Острова усталости» как место, всячески отрицаемое Западным «Сар'ом»...

Разве не символично, что исходный европейский «сар» – Греция – сегодня пребывает в глубоком экономическом кризисе, оказываясь тем самым наименее «выступающей» частью континента? Деррида на-

поминает, что согласно Гуссерлю, именно в античной Греции родился принцип «бесконечной задачи», составившей саму идею европейского человечества; показательно и то, что Гуссерль говорил об этом в статье, посвященной кризису европейского человечества. А ведь в свете неолиберальных проектов пенсионной реформы в России, разработанных как раз со ссылкой на европейский опыт, такая постановка вопроса выглядит крайне актуальной! Так, в статье А.Кудрина и Е.Гурвича «Старение населения и угроза бюджетного кризиса» [6] помимо чисто технических аргументов в пользу повышения пенсионного возраста сделана попытка еще и этического обоснования такого решения: ссылаясь на исследования У.Нордхауза, авторы говорят, что «нет никаких оснований для того, чтобы бремя финансирования дополнительного досуга людей, возникшее у них благодаря продлению жизни, перекладывать на другие поколения», вследствие чего повышение пенсионного возраста представляется «вполне справедливым, учитывая, что повышение продолжительности жизни – прежде всего большое благо, а уже затем – источник проблем [курсив мой. – А.П.]». Но ведь это логика сар'а в чистом виде: во-первых, сама биологически (не социокультурно!) понятая жизнь мыслится как своего рода капитал, чей приоритет над «возникающими проблемами» попросту постулируется (т.е. мы имеем здесь дело с той самой «биополитикой», которая редуцирует человеческого субъекта, его достоинство, к факту «голой жизни», как это было показано в «Nomosacer'е» Д.Агамбена); во-вторых, в тень отодвинут факт прогресса в самом производстве, а ведь именно он был с самого начала призван высвобождать человека, его досуг, во все возрастающем объеме (однако это прибавочное время принадлежит капиталу, за счет него финансируется в том числе огромное число «бесполезных работ», по меткому определению Д.Гребера, а на долю пенсионеров остается «комплекс вины» за бремя, якобы ими самими возлагаемое на новые поколения).

Насколько «сила пассивности» окажется реальной энергией противостояния неолиберальному капитализму и станет ли именно евразийское пространство тем фактическим местом, где в этом направлении будут сделаны наиболее последовательные и радикальные шаги, покажет будущее. Сегодня, однако, в этом пространстве гораздо чаще слышны доводы в пользу того, что Россия (или Евразия) должна стать «альтернативным» сар'от – не менее, если не более эффективным, чем «западный». И дело не в том, что это утопия (если утопия, то очевидно капиталистическая), а в том, что «альтернативность» эта полностью вписана в логику глобального неолиберализма, и это лишь подчеркивается попытками закамуфлировать ее господство теми или иными «культурными особенностями» (именно такую роль сегодня играет миф о «стержневой культуре»).

Заключая, нужно отметить, что в статье Д.Ю. Миропольского особое значение придается возможной интеграции Китая в евразийское экономическое пространство (значение это связано, разумеется, с колоссальной мощью китайской экономики). Этот момент показателен вдвойне: во-первых, в связи с указанием на уже упомянутую идеологическую ангажированность маржинализма; во-вторых, в связи с выбором гегелевской диалектики в качестве метода политэкономического исследования. Едва ли случайно, что уже у Ф.Кенэ именно образ «Китайской деспотии» [9] используется для демонстрации жизни политического «тела», где экономическая логика имеет силу естественного закона (а ведь «естественность» экономических принципов – кредо мэйнстрима современной экономической науки, соответственно, кредо политики неолиберализма). С другой стороны, в гегелевской философии истории именно Китай представлен как место, где начинается история в собственном смысле этого слова, – движение, с неумолимой последовательностью обращенное к точке западного сар'а как месту того самого пресловутого «конца истории», о котором писали А.Кожев и Ф.Фукуяма, имея в виду развитие именно гегелевской концепции. Но не следует забывать и то, что именно с Дальним Востоком (правда, скорее Японией, нежели Китаем, но это было более полувека назад) Кожев связывает начало собственно «постисторического» (и даже «постчеловеческого») периода.

В этой связи хотелось бы указать на одно замечание С.Жижика, высказанное им в книге, написанной по мотивам мирового финансового кризиса 2008 г. [10]: «Будущее будет гегельянским в гораздо более радикальном смысле, чем думает Фукуяма». Имеется в виду необходимое возобновление противостояния старо – и младогегельянцев (якобы «снятое» Фукуямой): если первые сегодня предпочитают «Гегеля из Китая» (имеется в виду идеал «капитализма с азиатскими ценностями»: «гражданское капиталистическое общество, организованное по сословному признаку и находящееся под жестким контролем авторитарного государства»), то вторые – Гегеля с ... Гаити (Жижек опирается здесь на работу С.Бак-Морс «Гегель и Гаити»: только на Гаити демократия приобрела форму подлинно эгалитарной политики, а не видимости, которая на деле не вступает в противоречие с интересами экономической элиты, а напротив, обеспечивает их сохранность; Гаити – это символ той самой «черни», о которой Гегель говорит в «Философии права» как о неизбежном остатке, отбросе современного «гражданского общества»). Конечно, это выглядит как минимум странным: размышляя о возможности «евразийской политической экономии», пытаться представить опыт «какого-то там» Гаити как (возможно) более интересный, прогрессивный, перспективный и т.д., нежели таковой Китая. И тем не менее, эту

возможность нельзя игнорировать – особенно если мы не отказываемся от перспективы «действительного коммунизма».

Литература:

1. Миропольский Д.Ю. Возможна ли евразийская политическая экономия? // Проблемы современной экономики. – 2015. – № 1 (53).
2. Бродан У. Сообщество тех, кто на пути к смерти // Топос. – 2007. – № 3 (17).
3. Смирнов И.К. Метод исследования экономического закона движения капитализма в «Капитале» К.Маркса. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.
4. Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. – 2-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1984.
5. Бодрийяр Ж. Соблазн. – М.: AdMarginem, 2000. – С. 303.
6. Деррида Ж. Другой мыс. Отложенная демократия // Метафизические исследования. – Вып. 11 «Язык». – СПб., 1999.
7. Берарди Ф. Усталость и старческая утопия грядущего европейского восстания // Художественный ж-л № 82.
8. Кудрин А., Гурвич Е. Старение населения и угроза бюджетного кризиса // Вопросы экономики. – 2012. – № 3.
9. Кенэ Ф. Китайский деспотизм // Кенэ Ф. Избранные экономические произведения. – М.: Изд-во социально-экономич. лит-ры, 1960. – С. 501-530.
10. Жижек С. Размышления в красном цвете: коммунистический взгляд на кризис и сопутствующие предметы. – М.: Изд-во «Европа», 2011.

References:

1. Miropolsky D. Is Eurasian political economy possible? // Problems of Modern Economics. – 2015. – № 1 (53).
2. William Brogan. The community of those on the road to death // Topos. – 2007. – № 3 (17).
3. Smirnov I. The method of investigation of the economic law of capitalism movement in Karl Marx «Capital». – L.: Leningrad State University Publisher, 1984.
4. Ilyenkov E. Dialectical logic: Essays on the history and theory. – 2nded., Ext. – M.: Politizdat, 1984.
5. Baudrillard J. Temptation. – M.: Ad Marginem, 2000. – P. 303.
6. Derrida J. Another Cape. Delayed Democracy // Metaphysical studies. – Issue 11 «Language». – SPb., 1999.
7. Berardi F. Tiredness and aged utopia of a coming European uprising // Art Magazine № 82.
8. Kudrin A., Gurvich E. The aging population and the threat of fiscal crisis // Issues of economy. – 2012. – № 3.
9. Quesnay F. Chinese despotism // Quesnay F. Selected economic works. – M.: Publishing house of socio-economic literature, 1960. – P. 501-530.
10. Zizek S. Reflections in red: communist view on the crisis and related items. – M.: «Europe» Publishing house, 2011.

**ПЕРСПЕКТИВЫ РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РФ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И НЕСТАБИЛЬНОСТИ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ**

(Продолжение статьи. Начало см.: Вестник «ТИСБИ». – 2016. – № 2)

**PROSPECTS FOR RE-INDUSTRIALIZATION OF RUSSIAN ECONOMY
IN CONDITIONS OF GLOBALIZATION AND INSTABILITY
OF THE GLOBAL ECONOMIC SYSTEM**

(Ctd. article «TISBI» Bulletin. – 2016. – № 2)

ВАХИТОВ Д.Р., д-р экон. наук, зав. кафедрой экономики Казанского филиала
Российского государственного университета правосудия; профессор
Казанского кооперативного института
Тел.: 8(917)396-88-41
E-mail: vahitov1972@gmail.com

VAKHITOV D., Doctor of Economic Science, Head of the Department of
Economics, Russian State University of Justice, Kazan branch; Professor of Kazan
Cooperative Institute
Tel.: 8(917)396-88-41
E-mail: vahitov1972@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена изучению разных аспектов и направлений реиндустриализации в отечественной экономике. Рассмотрены внешние факторы, оказывающие влияние на российскую экономику, которые включают экономические инструменты и тенденции развития научно-технического прогресса. Отдельное внимание уделено анализу внутренних факторов, которые затрагивают социально-экономические, научные, культурные и другие аспекты развития страны.

Ключевые слова: реиндустриализация, научно-технический прогресс, волатильность валютного и фондового рынков, государственный долг, образовательная система.

Abstract

The article is devoted to the study of different aspects and areas of re-industrialization in Russian economy. We consider the external factors affecting Russian economy, which include economic instruments and tendencies of development of scientific and technical progress. Special attention is paid to the analysis of internal factors that affect the socio-economic, scientific, cultural and other aspects of the development of the country.

Key words: re-industrialization, technological change, the volatility of the foreign exchange and stock markets, public debt, the education system.

Технологическое развитие проходит определенные циклы, описанные Н.Д. Кондратьевым, согласно которым современные передовые экономические системы находятся в 5-м технологическом укладе. Если рассмотреть специализацию стран по производству тех или иных товаров, то доминирующей с точки зрения технологической составляющей является микроэлектроника, на основе продукции которой получили развития с начала 80-х годов практически все другие отрасли. В этой области лидерами выступают развитые страны, прежде всего США, хотя производственные мощности могут находиться и в развивающихся (Китай, Тайвань, другие страны Юго-Восточной Азии). В развитых странах остались и развиваются те виды производств, которые требуют мощного научного потенциала, но приносят большую добавленную стоимость (авиастроение – США, Европейский Союз; судостроение – Южная Корея, Финляндия, Германия; космическая промышленность – США, Франция; военно-промышленный комплекс – США, Великобритания, Франция). Производство товаров массового потребления, где на первый план выходит стоимость рабочей силы, перешло в страны Азии, Африки, Латинской Америки. То же самое касается и переработки сырья (нефтехимия, металлургия, деревообработка, агропромышленное производство), хотя и в этих отраслях есть серьезная технологическая составляющая, требующая высокой квалификации кадров.

Рассмотренное распределение производств на планете не является неизменным, так как прогресс не стоит на месте, и мир подошел к 6-му технологическому укладу, означающему, что появятся совершенно новые производства, отрасли, а старая промышленность, товары окажутся ненужными или потеряют свою актуальность. Каким образом пойдет развитие науки и техники, воздействие на отраслевую структуру мировой экономики, говорить точно затруднительно, но можно проанализировать те передовые исследования, которые осуществляют в лабораториях ученых и находят воплощение на практике.

Наиболее важным, на наш взгляд, является происходящее в настоящее время развитие технологий, которые переходят с уровня нано – на уровень фемто-. Это означает, что в самых разных видах человеческой деятельности (электроника, медицина, связь, энергетика и т.д.) масштаб создания технологических объектов переходит на молекулярный уровень, что не требует специальных технологических разработок, но характеризует иной масштаб действий, энергосбережение, скорость передачи данных, а также приводит к тому, что сам человек может рассматриваться в качестве такой «технологической платы», на которую размещаются те или иные устройства. Исчезает необходимость в создании отдельных гаджетов (телефон, компьютер, медицинские анализаторы), когда все они могут располагаться внутри человеческого организма и выполнять свои функции 24 часа в сутки. Гигантские производства

смартфонов, планшетов (Apple, Samsung) становятся просто не нужными, так как необходимое устройство вживляется под кожу, делая из человека носителя всех необходимых устройств, облегчая связь, ориентацию в пространстве, постоянный контроль за состоянием здоровья, помогая в работе.

Тесно с фемтотехнологиями связаны и успехи в 3D-печати, которые опять-таки в самых разных направлениях – от медицины до строительства. Самые разные компании и лаборатории добиваются успеха в печати деталей истребителя (Великобритания), целого дома (Китай), сложных деталей авиационных двигателей (Франция), автомобиля (США), оружия (США). Слуховые аппараты и зубные протезы делают под индивидуальные параметры заказчиков. Такие достижения очень быстро начинают воплощаться в практическую деятельность, в производство на промышленных масштабах. Это означает, что целые отрасли в ближайшем будущем станут зависимыми от 3D-принтеров, не нуждаясь в больших производственных мощностях. Крупные предприятия с десятками тысяч работников станут ненужными, что может привести к массовой безработице. Цена 3D-принтеров за небольшой промежуток времени снизилась с более чем 1 млн. долларов до нескольких тысяч долларов за единицу, притом что производительность и функциональность их возросли. По сравнению с компьютерами, которые тоже были поначалу очень дорогими, 3D-принтеры дешевеют гораздо более быстрыми темпами, становясь доступными для обычных граждан. Со временем отпадет необходимость в заводах, фабриках, да и магазинах тоже, так как необходимые товары можно будет напечатать на кухне собственной квартиры, приобретая только расходный материал.

Отдельное внимание хотелось бы уделить перспективам 3D-печати в медицине, которые вырисовываются совершенно фантастические, поскольку человек в будущем постепенно сможет заменять изношенные органы на новые, не нуждаясь в таблетках и вакцинах. Фармацевтика также может быть реализована в рамках 3D-принтеров следующих поколений, способных производить лекарство, используя генетический материал клиента, учитывая индивидуальные особенности организма, что позволит добиться большей эффективности от фармакологии. Российские исследователи также проводят эксперименты по 3D-печати человеческих органов, однако масштабы исследований, к сожалению, незначительны, а перспективы внедрения в практику национального здравоохранения весьма туманны.

Замена массового производства на индивидуальные 3D-принтеры не только может сделать безработными миллионы человек по всему миру, но и обесценит систему образования в этой области, так как автомобилестроители, химики, технологи и многие другие профессии станут ненужными или малопривлекательными.

Следующим направлением НТП, где происходят значительные и кардинальные изменения, является космонавтика. С начала космических исследований траты на разработку и реализацию программ пилотируемых полетов, изучение других планет, космических объектов было под силу лишь немногим государствам, а фактически только двум – США и СССР. СССР прекратил свое существование, а Россия как правопреемница резко уменьшила свои амбиции в этой сфере, в течение многих лет эксплуатируя еще советские разработки. Однако и в США государство уменьшило финансирование НАСА, чей бюджет в год составляет в 2016 г. 18,3 млрд. долларов, что сопоставимо с двухнедельным пребыванием американских войск в Ираке [17]. Зато, начиная с конца 90-х годов XX века, стали возникать частные компании, которые ставят перед собой весьма амбициозные планы. Уже сейчас достигнуты неплохие результаты некоторыми компаниями:

– SpaceX (основатель И. Маск) создало ракету Falcon, с помощью которой корабль Dragon успешно летал к МКС, а также запущено несколько спутников.

– OrbitalScienceCorporation сконструировала грузовой корабль Cygnus, который возит грузы на орбиту с помощью ракеты-носителя Antares.

– BlueOrigin (основатель Джефф Безос) успешно тестирует много-разовый корабль с вертикальным взлетом NewShepard [3, с. 118].

Не отстают и крупные фирмы: корпорация Boeing разрабатывает пилотируемый транспортный корабль CST-100, получив от НАСА на эти цели более 4 млрд. долларов [3, с. 117]. Таким образом, в космическую отрасль пришли частные инвесторы, которые не боятся вкладывать миллиарды долларов, считая, что будущие прибыли позволят это компенсировать. Кроме перечисленных фирм, есть целый ряд компаний (VirginGalactic, Xcor, Sierra, NevadaCorporation, BigelowAerospace), которые разрабатывают варианты космического туризма с перспективой привлечь этой услугой тысячи, а затем и миллионы землян. Следовательно, сложились хорошие перспективы для взрывного роста в данной области с перспективами колонизации Луны, Марса, а также разработкой полезных ископаемых в поясе астероидов.

Четвертым направлением развития НТП является, по нашему мнению, использование роботов в разных областях жизнедеятельности человека. Роботизация промышленности началась довольно давно, и в настоящее время в сборочных производствах на автомобильных, самолетных – и судостроительных предприятиях используются многочисленные роботы, заменяющие человека на трудоемких и сложных процессах. Развитие процессоров позволило разработать роботов, которые могут выполнять функции, используя, в том числе, и гуманоидные формы. В авангарде прогресса стоит Япония, где роботы уже исполь-

зуются и в больницах (в качестве медсестер, сиделок, для перевозки больных и т.д.), и в строительстве, и в качестве члена семьи (особенно для одиноких людей). В других странах (США, Южная Корея, Китай) также проводятся активные научные поиски, создаются роботы для чрезвычайных ситуаций, для пожаротушения, а также в военных целях (в американских вооруженных силах они применяются массово, особенно, в авиации). Интернет-магазин Amazon применяет мультикоптеры и дроны для доставки заказов до клиентов (пока на территории США). Медицинские роботы (например, DaVinci) проводят хирургические операции, причем область их применения постоянно расширяется. Особое внимание сейчас уделяется разработке автомобилей-роботов, которые могут управлять машиной без участия человека. Наиболее успешно продвигается в этом направлении Google, чей автомобиль-робот несколько лет передвигается самостоятельно по дорогам Калифорнии. Аналогичные разработки ведутся практически всеми крупными автопроизводителями (например, Mercedes разработал грузовик, который доставил груз из одного города в другой по дорогам общего пользования без участия человека). Главной проблемой на этом пути являются, как ни странно, не технические трудности, а правовая база, которая потребует пересмотра основополагающих прав человека, поскольку необходимо будет разрешить роботам принимать решения самостоятельно (то же самое касается и применения дронов внутри городов). С учетом количества машин, а также самолетов, вертолетов в мире перспективы вырисовываются масштабные, но в то же время этот прогресс будет означать потерю работы для миллионов водителей, а также специалистов, занятых в различных сервисных службах. Внедрение роботов происходит одновременно в самых разных отраслях и видах деятельности, что затрагивает интересы людей различных профессий. В России также стали заниматься разработкой роботов (в Сколково ведутся проектные работы по нескольким направлениям, «КамАЗ» разрабатывает грузовик-робот), но встает вопрос о массовом производстве, да и в международном масштабе объемы российских исследований весьма невелики.

Пока роботы не могут принимать самостоятельные решения, потому что зависят от программного обеспечения, разработанного людьми. Однако в будущем возможно использование искусственного интеллекта, активные работы над которым ведутся и в США, и в других странах. Эти исследования осуществляются на самых разных направлениях, включая и изучение особенностей работы человеческого мозга (например, составление его 3D-модели – проект Европейского Союза), и разработку квантового компьютера, и биотехнологии с элементами технических компонентов. Временной период, в течение которого искусственный интеллект может быть разработан, определить затруднительно, однако интеллектуальные и финансовые ресурсы вкладываются очень боль-

шие, поэтому разработки не бросают на полпути. Необходимо помнить и о возможных негативных последствиях, постараться обезопасить человечество от неконтролируемых или сознательных действий искусственного интеллекта, несущих угрозу людям, но положительные перспективы значительны, особенно в области космических исследований, где не всегда можно использовать человеческие экипажи (например, проблема изучения и эксплуатации ресурсов в Солнечной системе стоит достаточно остро, и решать ее надо).

Перечисленными выше направления НТП не ограничиваются, существует множество других интересных тенденций, однако в рассмотренных трендах прогресс достиг стадии производства промышленных образцов или массового внедрения, что свидетельствует о скорейшем появлении новых производств, отраслей. Можно выделить следующие последствия, которые, по нашему мнению, ожидают мировую экономическую систему вследствие массового внедрения этих новшеств:

- Большинство отраслей производства, которые составляют основу экономического развития многих стран, устареют или станут вовсе не нужными.

- Изменятся направления потоков товаров и услуг в международной торговле, так как появятся новые центры производства, а некоторые технологии (3D-печать) позволят создавать готовые товары на месте, не прибегая к импорту изделий.

- Возникнет массовая безработица, потому что навыки и квалификация работников многих отраслей станут не востребуемыми.

- Следствие этого станут давление на бюджеты стран, отставших в технологической гонке, увеличение социальных расходов, экономический спад и другие негативные моменты.

- Структура образовательных учреждений и их специализация также должны будут измениться, чтобы отвечать новой структуре производства.

В целом вышеупомянутые тенденции НТП демонстрируют, что общее количество занятых в экономике будет уменьшаться даже в странах, в которых эти новшества будут внедряться первыми, и внятного ответа, чем занять миллионы оставшихся без работы специалистов, сейчас дать затруднительно. Нас может ожидать система отношений, напоминающая «новый феодализм», когда небольшая часть общества, имея доступ к технологиям и владея большей частью активов, сможет обеспечить себе и высокую продолжительность жизни, и хороший уровень здоровья, и уровень жизни, превосходящий самые смелые ожидания в настоящее время, в то время как остальные люди, большая часть человеческого социума, будут влачить жалкое существование или вообще окажутся без источников доходов.

Необходимо отметить, что наряду с перечисленными тенденциями, имеющими прикладной характер, то есть прошедшими стадию НИОКР и вышедшими на стадию производства, осуществляются исследования, которые могут привести к прорывным, революционным изменениям в человеческой цивилизации. Некоторые из них носят гриф секретности, поэтому можно говорить только о возможных результатах, другие же широко освещаются в прессе. Например, в г. Фрязино функционирует Институт гиперкомплексных систем в геометрии и физике, занимающийся проблемами гиперболического поля, которое фактически является полем времени, вмещающим в себя известные фундаментальные взаимодействия – гравитацию, электромагнетизм, сильные и слабые ядерные силы. В результате поставлена задача создания приборов, позволяющих задействовать четвертое измерение, частично им управляя, а также постепенно заменяя практически всю современную технику, работающую на электромагнитных принципах [4, с. 7]. К сожалению, такие примеры для современной России редкость, к тому же институт финансируется частным инвестором, а участие государства в обеспечении денежными средствами фундаментальных исследований оставляет желать лучшего.

Таким образом, сложившаяся в мире ситуация, формируемая внешними экономическими и научно-техническими факторами, может характеризоваться как вызов как для отдельной страны, так и планеты в целом. Россия подпадает под мировые тенденции, не может их игнорировать, так как является частью человеческой цивилизации, поэтому на вышеперечисленные риски нужно дать своевременный и адекватный ответ. Однако помимо внешних факторов имеется и ряд внутренних, присущих нашей стране, условий, которые дополнительно усложняют ситуацию, а в ряде случаев представляют угрозу для перспектив поступательного и стабильного экономического роста. Рассмотрим наиболее важные из них.

Прежде всего, хотелось бы отметить, что у Российской Федерации фактически отсутствует стратегия развития. Конечно, формально стратегические программы разрабатывались и разрабатываются: на эти цели выделяются значительные суммы средств. Первая из программ – «Стратегия-2010», разработанная Г.Грефом, в то время министром экономического развития, в 2000 г. декларировала ежегодный рост в 2% в год, что позволило бы увеличить ВВП к 2010 г. на 70%. Фактически рост ВВП составил 59%, но благодаря, в основном, поднявшимся мировым ценам на нефть [7, с. 1]. Другие цели (субсидирование на оплату ЖКХ, резкое увеличение социальной помощи нуждающимся и т.д.) также не были достигнуты. В 2008 г. была принята «Концепция долгосрочного развития-2020», согласно которой ВВП на душу населения в нашей стране в 2020 г. увеличится до более чем 30 тыс. долларов, Россия может за-

нять от 5 до 10% мирового рынка высокотехнологичной продукции в 5-7 секторах, расходы на образование составят 6,5-7% ВВП (причем сам показатель ВВП должен был стабильно расти примерно 5% в год), а на здравоохранение – 6,7-7% ВВП, что позволило бы россиянам получить стандарты личной безопасности, доступ к образованию и услугам здравоохранения на уровне развитых стран [7, с. 1]. Конечно, в 2016 г. рано подводить итоги программы на 2020 г., однако тенденции свидетельствуют о том, что большинство перечисленных показателей останутся только декларациями, не имеющими ничего общего с действительностью. В результате по данным МВФ ВВП РФ на душу населения в 2015 г. составил примерно 11,9 тыс. долларов, что меньше показателей стран Прибалтики и Казахстана (у которых экономика также имеет сырьевой характер) [13]. Расходы на образование в России в 2014 г. составили 545,8 млрд. рублей, в 2015-м – 518,8 млрд. рублей, а в 2016 г. предполагается 516,9 млрд. рублей, то есть расходы в абсолютном выражении уменьшаются [10]. Если же взять этот показатель в процентах от ВВП, то цифра также будет отличаться от принятой в «Стратегии-2020»: сейчас на образование тратится примерно 4% от ВВП, на медицину – 3% [7, с. 1]. В настоящее время разрабатывается «Стратегия-2030», в которой опять-таки декларируются без обоснования оптимистичные показатели, сохраняется сырьевая специализация экономики страны (которая за эти годы не только не уменьшилась, а только увеличилась), перечисляются только общие направления без указания конкретных целей и задач.

На основе приведенных выше данных по стратегиям развития страны сформулируем выводы:

– Во-первых, из принятых ранее программ не была выполнена ни одна, причем расхождения между плановыми и фактическими данными значительные.

– Во-вторых, отсутствует ответственность за выполнение стратегий: люди, разрабатывавшие предыдущие стратегии (и фактически их провалившие), продолжают формировать направления развития страны в будущем.

– В-третьих, высказывания о необходимости инновационного развития, создания экономики знаний и других тенденциях мирового прогресса остаются декларациями, не подкрепленными реальными действиями правительства.

– В-четвертых, ни в одной стратегии во главу угла не ставятся гражданин страны, его уровень и качество жизни, а ведь именно от наших граждан в первую очередь зависит будущее страны.

В результате перечисленные стратегии не рассматриваются ведущими экспертами и специалистами по экономическому развитию в качестве ориентиров для составления прогнозов по отрасли, для от-

дельных предприятий, для выстраивания экономико-политических отношений с другими странами. Таким образом, стратегия развития страны по-прежнему отсутствует, что затрудняет и бизнесу, и гражданам выстраивать планы на будущее.

Вторым важным моментом, оказывающим влияние на темпы экономического роста в стране, является ситуация с коррупцией. В отношении этой проблемы написано много трудов как юристами, так и представителями других наук, а также деятелями культуры, религии, простыми гражданами. Коррупцию называли главной проблемой и в XVIII веке, и в XIX веке, боролись с ней в Советском Союзе, однако и в настоящее время проблема остается острой. Необходимо отметить, что коррупция развита и на низовом уровне (в государственных учреждениях, например в школах, существуют различные «сборы» на нужды образовательной организации), и в верхних эшелонах, связанных с переливом капиталов за границу, с уводом налогооблагаемых сумм в различные оффшорные зоны и др. С точки зрения экономического развития, перспектив для всей страны второе направление, на наш взгляд, опаснее, так как означает отсутствие ресурсов для решения проблем общенационального масштаба, фактически обескровливая экономику, лишая ее необходимых средств. Бытовая коррупция также опасна, так как помимо прямого ущерба бюджету страны, по сути воспитывает население в атмосфере нарушения закона, что отрицательно сказывается на целостности и единстве общества. Об уровне коррупции судить сложно, так как существуют различные оценки и критерии, но если, например, взять рейтинг «TransparencyInternational», то Россия занимает по состоянию на 2015 г. 119-е место, находясь рядом с Гайаной и Сьерра-Леоне [19]. Конечно, беспристрастность данной организации вызывает сомнения, но фактом является то, что для граждан нашей страны существуют проблемы с коррупцией и государству надо их решать. Быстро выйти на уровень Дании, Финляндии, Швеции (первые 3 места в рейтинге), скорее всего, не удастся, но вызывает тревогу отсутствие внятной политики борьбы с коррупцией, которая бы находила отражение не только в громких акциях, но и в разработке и реализации необходимых законодательных инициатив, а главное, на наш взгляд, в осуществлении программ культурного и нравственного воспитания населения, прежде всего молодежи, потому что без этого базиса любые инициативы будут обречены на провал.

Показательным в данном плане является другой международный рейтинг – DoingBusiness, характеризующий, насколько благоприятны условия для ведения бизнеса в той или иной стране. Если общее место России в этом рейтинге можно назвать удовлетворительным (51-е место в 2016 г., в 2015-м было 54-е, то есть наблюдается продвижение вверх), то, например, по критерию «Разрешение на строительство» наша стра-

на занимает только 119-е место, что демонстрирует, по нашему мнению, проблемы с коррупцией, так как получение такого разрешения зависит от чиновника.

С коррупцией тесно связан и третий фактор – кадровая проблема. Из уст чиновников разного уровня звучит сентенция о том, что российской экономике не хватает квалифицированных кадров по многим отраслям и специальностям. Действительно, трудовые ресурсы играют важную роль в создании продукта, а от их количества и качества (уровня образования и квалификации) зависят и объемы ВВП, и темпы экономического роста, и другие экономические показатели. В настоящее время сложилась ситуация, когда на важных, стратегических должностях и направлениях работают люди, фактически не имеющие замены, поскольку проблема воспроизводства кадров (функция образования) или нарушена, или внутренне выхолощена. Получается, что, например, обороноспособность страны, которая зиждется на высоких технологиях (ядерное оружие, авиа-, судостроение и т.д.), зависит от людей, получивших образование еще в Советском Союзе, к тому же многие из них находятся в пенсионном возрасте, а преемников им нет. То, что предпринимательство и частная инициатива до сих пор занимают небольшую долю в валовом продукте (около 20%), также, по мнению чиновников, имеет корни проблем в структуре среднего специального и высшего образования. Однако, на наш взгляд, объяснять такую ситуацию только виной системы образования неправильно: развитие бизнеса зависит от комплексной государственной политики, включающей законодательные и экономические меры, а также систему воспитания и культуры. На практике такая политика отсутствует, поэтому назначать в качестве виновных образовательные учреждения некорректно.

Непрерывная подготовка кадров, повышение их квалификации, способность к мобильности зависят от системы образования, проблемам которого посвящено немало публикаций. Конечно, в системе отечественного образования накопилось много проблем, но в основе многих из них лежат действия (или бездействие) правительства, что и привело к нынешней ситуации. Сначала в результате непродуманной и разрушительной политики 90-х – начала 2000-х годов исчезло множество предприятий, целые отрасли оказались на грани выживания, а в результате вузы обвиняют в том, что они готовят специалистов, которые не могут устроиться на работу. Исходя из этого, делается вывод, что образовательная система неэффективна и ее надо реформировать (причем эти выводы делают лица, принимавшие участие в принятии неэффективных экономических решений и ранее). Каким же образом может выпускник, например, авиационного института найти работу, если в стране практически прекращен выпуск гражданской авиации? Из того, что специализации вузов не отвечают структуре экономики, делается

вывод о необходимости их закрытия. Такое решение не имеет аналогов в истории, так как отказываться от вузов, занимающихся воспроизводством самого ценного – человеческого капитала, не собирались даже страны, находившиеся в тяжелейшем положении (например, число вузов в США во время Великой депрессии не уменьшилось, а возросло; в СССР во время Великой Отечественной войны также вузы продолжали работать). Интересно, что закрываются (под видом оптимизации или объединения) государственные вузы, имеющие богатую историю, сильный преподавательский состав, наработанные методики и технологии, а вот многие частные вузы, возникшие в 90-е годы, занимающиеся непонятной деятельностью, выпускающие кадры, зачастую не имеющие элементарных знаний, благополучно работают. Как результат, по данным ЮНЕСКО (ноябрь 2015 года) доля российских исследователей в общемировом количестве уменьшилась с 7,3% (2007 г.) до 5,7% (2015 г.).

Что касается фундаментальных исследований, они фактически прекращены, а это грозит стране огромными проблемами в будущем, особенно в оборонной сфере. По мнению академика А.Асеева, до 40% молодых ученых в сибирском отделении РАН могут уехать за границу или сменить вид деятельности, так как не видят для себя научных перспектив.

Таким образом, разрушение системы образования, и без того потрясенной недофинансированием и отсутствием государственной политики в этой области, будет иметь далекоидущие и, к сожалению, негативные последствия. Скатывание к подготовке электриков и фрезеровщиков означает, что страна отказывается от наукоемкого производства, проигрывает в конкурентной борьбе, а, следовательно, теряет суверенитет.

Четвертым внутренним фактором является чрезмерная централизация при принятии решений в самых разных областях экономики и жизни. Такая проблема для нашей страны не нова и, в определенной степени, сформирована социально-экономическими особенностями развития. В дореволюционной России и в Советском Союзе центр принятия решений был один (Санкт-Петербург и Москва, соответственно), что порождало и специфические составные элементы такой формы управления:

- долгий период времени от запроса до принятия решения;
- громоздкая система контроля, которая скорее мешала, чем помогала;
- коррупция при выборе того или иного решения.

Однако были и положительные моменты: во времена СССР стратегия развития четко прослеживалась, опираясь на результаты, возможности и общие цели, а также инструменты их достижения. Сейчас же отрицательные моменты централизации управления наложились

на отсутствие, как отмечалось выше, стратегии развития. Последствия этого проявились не только в экономике, но и в других сферах жизнедеятельности: выработался своеобразный патернализм, когда в регионах решение не принимают, а ждут, когда за них все сделают в Москве. Но решить таким образом проблемы разного уровня (стратегические и оперативные), разных масштабов (в рамках всей страны или отдельного региона или муниципалитета), в разных сферах (экономика, культура, наука), конечно, невозможно. Возникает сверхзагруженность центральных органов власти, начинает распухать бюрократический аппарат, и это приводит не к ускорению процедуры принятия решений, а к росту инструкций, нормативов, контрольных мероприятий и, опять-таки, к коррупции. Для того чтобы обеспечить реализацию этих решений, а также функционирование многочисленного чиновничьего аппарата, необходимы средства, поэтому и большинство доходов территориальных бюджетов уходит в центр. В результате из 85 регионов РФ донорами в 2016 г. являются только 10: Москва, Московская область, Свердловская, Челябинская, Тюменская, Ленинградская области, Республика Татарстан, Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ [16]. Многие регионы из года в год получают многомиллиардные дотации, но ситуация с социально-экономическим развитием у них не улучшается, и они остаются в списке реципиентов. Стремления изменить такую ситуацию, провести структурные преобразования в экономике региона у властей таких субъектов федерации не возникает: гораздо проще попросить субсидии из федерального бюджета.

Рассматривая проблему централизации, нельзя не упомянуть, что в мире существует достаточно примеров схожей ситуации, однако есть и опыт, который можно и нужно внедрять. Если взять Китай, который также имеет большую территорию и самое многочисленное население (почти в 10 раз превышающее население России), то там мы можем наблюдать сильную централизованную систему управления, где компартия играет по-прежнему доминирующую роль. Однако в экономической политике регионы имеют гораздо больше свободы, что подкрепляется и финансовыми источниками, так как часть доходов остается в провинциях, а не направляется в центральный бюджет. На наш взгляд, централизация управления, соответствующий ему процесс принятия решений в России останутся и в будущем, но для нивелирования негативных моментов следует применить положительный советский опыт (при разработке стратегий), опыт других стран (при распределении полномочий и ответственности между центром и регионами). В этом случае при кризисных явлениях в мировой экономике централизация может обеспечить и положительный эффект, позволит избежать разбалансированности при выборе вариантов дальнейшего развития.

Помимо экономических факторов, оказывающих влияние на ситуацию в стране, с нашей точки зрения, необходимо рассмотреть и социальные факторы, к числу главных из которых можно отнести культуру и науку. Про проблемы науки опубликовано много статей и монографий, регулярно звучат выступления известных ученых на радио и ТВ. Общим посылом является то, что нынешняя ситуация не удовлетворяет ни государство, ни само научное сообщество. Во многом результаты, полученные отечественными научными институтами, опираются еще на советские разработки, а фундаментальные исследования или не ведутся вовсе, или осуществляются разрозненно при скудном государственном финансировании. Можно отметить взаимосвязь пробоем науки и образования, так как именно образовательная среда подпитывает научные заведения кадрами, которые и получают конкретные результаты. Неудивительно, что негативные тенденции в образовании, отмеченные выше, экстраполировались и на научную среду. Те вызовы, с которыми столкнулась Россия в настоящее время, не имеют соответствующей адекватной реакции в виде разработанной научной стратегии развития страны и решения проблем. Внятной политики государства, в которой были бы расставлены приоритеты, позволяющие научным заведениям самостоятельно разработать собственные стратегии развития, по-прежнему нет, а объемы финансирования находятся на таком уровне, что не позволяют решать серьезные задачи. Причем традиционно в центре внимания находятся те сферы науки, где наша страна имеет традиционно сильные позиции: военная наука, ядерная и термоядерная физика, космические исследования и др. Ученые этих направлений справедливо говорят о том, что нынешняя политика государства не позволяет удержать с таким трудом завоеванные позиции. Что же говорить в этом случае о тех областях, где Россия не может похвастаться громкими успехами (медицина, биология, электроника и т.д.): в них ситуация еще более тревожная. Если к этому добавить гуманитарные дисциплины (социология, педагогика, психология, экономика и др.), то можно констатировать, что современное положение РФ в мировом рейтинге развития инноваций (где мы не входим и в первую 20-ку) вполне объяснимо, притом, что действия, которые бы позволили исправить эту ситуацию, к сожалению, не предпринимаются.

Нужно добавить, что человечество все еще не решило многих проблем (голод, болезни, экология и пр.), а уже добавляются новые, связанные с глобализацией, информатизацией, изменением климата. Ведущие страны мира стараются увеличить финансирование научных исследований, активно конкурируют за научные кадры, несмотря на сложности, с которыми столкнулись все государства в мире в условиях мирового кризиса. По сравнению с этим мировым трендом тенденции развития российской науки внушают тревогу, так как не позволяют дать

научно обоснованного ответа ни на проблемы сегодняшнего дня, ни на будущие вызовы.

Культурное воспитание выступает в качестве объекта исследования специалистов соответствующих направлений, однако, на наш взгляд, недостаточно рассматривалось влияние культуры непосредственно на экономику, на темпы и направления развития экономики государства. По нашему мнению, культура, которая включает в себя множество элементов (образование, литературу, театр, музыку, религиозное воспитание, межнациональное общение и многое другое), оказывает комплексное влияние на все сферы жизнедеятельности общества, формируя личность гражданина, обеспечивая сохранение и укрепление суверенитета страны. Можно развивать отрасли, инвестировать в различные производства, в образование, в научные исследования, но если человек не будет патриотом своей страны (без пафоса, а на деле), то все эти действия будут бесполезны: люди будут при первой возможности выводить средства за границу, сами уезжать туда же в поисках работы и предпринимать другие действия, не приносящие пользу государству. Огромный пласт проблем (межнациональные и межконфессиональные контакты, экология, научно-технический прогресс) невозможно решить только с помощью финансов или обучения: провал политики «толерантности и мультикультурализма» в Европе свидетельствует об этом. Чтобы достигнуть таких целей, необходима стройная система знаний, которая опирается на культурный фундамент, имеющий единую мировоззренческую концепцию. Такая культурная система была в Советском Союзе, но сейчас она отсутствует. Дело не только в том, что финансирование культурной сферы традиционно осуществляется по остаточному принципу, результатом чего явилось плачевное состояние многих объектов культуры в стране, в том числе для детей и подростков, а сотрудники музеев, театров, музыкальных, художественных и иных учреждений вынуждены менять профессии из-за низкой оплаты труда. Но к этому надо добавить и отсутствие того базиса, на котором можно было бы выстраивать общий культурный пласт для народов, населяющих нашу страну. Если во времена СССР была четкая цель – строительство коммунизма, которой было подчинено все остальное, то сейчас у многих людей возникло ощущение пустоты, потому что гонка за прибылью или деньги как мерило всех ценностей не могут удовлетворить духовные потребности человека. К этому стоит добавить и сверхагрессивную культурную экспансию Соединенных Штатов в лице, прежде всего, Голливуда, а также телевидения, разработчиков компьютерных игр, авторов комиксов, музыки и другой культурной продукции, преследующих цель: захват новых рынков, формирование лояльных потребителей и, как следствие, установление контроля над страной. Захватывать территорию в этом случае необходимости нет, поскольку население думает и поступает так,

как необходимо тем, кто оплачивает производство фильмов, книг, песен и т.д.

В нашей стране у подрастающего поколения уже можно отметить тревожные тенденции, когда юноша или девушка используют факты и аргументы, изложенные не в отечественных учебниках или книгах, а из зарубежных фильмов и книжной продукции, пользующихся у молодежи гораздо большей популярностью. Если молодому человеку внушили через СМИ, Интернет, что Россия – страна отсталая, неэффективная во всех отраслях, к тому же проводящая агрессивную политику по отношению к соседним государствам, а также к собственному народу, то требовать от него патриотизма по отношению к Родине, платить вовремя налога и осуществлять другие дружественные действия попросту не приходится. Фактически происходит переформатирование сознания, когда одно положение противопоставляется или заменяется на другое. Такому культурному натиску, к сожалению, не противостоит продуманная государственная политика, а одиночные, разрозненные действия писателей, музыкантов, режиссеров, которые продолжают создавать замечательные произведения искусства, не могут сдвинуть в сознании молодежи образ «привлекательного Запада», созданного в США.

Что касается отечественных учебников истории, которая является одним из краеугольных камней формирования патриотизма, то, по мнению члена Консультативного совета комитета Госдумы по безопасности Е. Спицына, «они ... воспитывают ... просто пустышек, не знающих и не понимающих истории. Когда не ведаешь, что происходило с твоей страной, легко впихнуть в сознание любые установки, манипулировать тобой» [6]. Интересно в этом отношении сравнить нынешние тенденции в России с ситуацией в Европе, где уже выросло поколение, умеющее свободно говорить по-английски (помимо родного языка), воспитанное на американских комиксах, музыке, ТВ. Некоторые представители этого поколения пошли в политику и стали руководителями в своих странах. В результате решения, которые они принимают по экономическим и другим проблемам, зачастую противоречат собственным национальным интересам, зато выгодны транснациональным корпорациям (чаще всего, американским). Причем часто это происходит не потому, что на страну оказывается давление со стороны США, а потому что европейские руководители искренне разделяют американские ценности, так как воспитаны в них. Как следствие, некоторые непродуманные решения (например, в области иммиграции или внешнего государственного долга) могут иметь плачевные последствия для будущего этих стран и народов. Соединенные Штаты добиваются нужных для себя решений не путем политического, экономического или военного нажима, а с помощью воспитания лояльного к ним населения (или, как минимум, руководителей). В России молодые люди в будущем также могут пойти по пути

европейских коллег, фактически выполняя (и не задумываясь о последствиях) то, что прописано в зарубежных учебниках, при этом игнорируя национальные интересы.

Отдельно хотелось бы остановиться на такой важной составляющей культурного воспитания, как чтение литературы. Советский народ обладал титулом «самой читающей нации», за которым стояли не просто слова, а потенциал в самых разных областях. Потребность в чтении вызывает потребность в познании, желание сравнивать и постигать новое, что, в свою очередь, обеспечивало приток научных кадров в разные сферы научных исследований. Чтение формирует человека всесторонне развитого, мыслящего, имеющего собственную точку зрения, которую он умеет аргументированно отстаивать. Чтение формирует и патриотизм, не напускной, а настоящий, когда люди искренне любят свою Родину, стремятся ей помочь. В то же время книги Ф.Достоевского, Э.Хэмингуэя, Г.Г. Маркеса формируют гуманизм, умение сострадать, уважение к другой культуре, религии, жизненным позициям. Нацию, которая читает, очень трудно подчинить, оболванить, подвергнуть пропаганде. Например, во время Великой Отечественной войны, несмотря на массированную фашистскую пропаганду, большинство советских граждан остались патриотами своей страны. Даже развал СССР, сопровождавшийся настоящими человеческими трагедиями, резким падением уровня жизни большинства граждан, тем не менее, не вылился в гражданскую войну всех против всех, потому что, по нашему мнению, высокий интеллектуальный и моральный уровень советских граждан позволил избежать этого.

В настоящее время в отношении чтения литературы в России наблюдаются четко выраженные негативные тенденции: молодежь в большинстве своем перестала читать книги. Конечно, люди, выросшие в Советском Союзе, по-прежнему читают, потому что у них это является потребностью, а у молодых людей и девушек сейчас другие приоритеты. Интересна в этой связи история проникновения комиксов в Россию. Первая попытка была предпринята в начале 90-х годов, и она провалилась, так как публика, привыкшая к серьезным произведениям мировой литературы, быстро разочаровалась в примитивных текстах и сюжетах комиксов и перестала их покупать. Вторая же попытка (в конце нулевых годов), напротив, увенчалась успехом: тиражи комиксов превосходят тиражи выпускаемых книг аналогичных направлений литературы в среднем в 10 раз. Это связано с тем, что покупателями комиксов выступает подростковое поколение, получившее образование в российских школах, воспитанное на продукции Голливуда и в Интернете и, к сожалению, не приученное читать. Для молодежи тексты классиков отечественной и мировой литературы являются тяжелыми для понимания, а вот комиксы, напротив, пользуются популярностью. В результате Бэтмен, Че-

ловек-паук, Флэш известны и не требуют объяснений, а вот личности Остапа Бендера, Швейка, братьев Карамазовых подчас вызывают у них искреннее недоумение. Отсутствие привычки читать приводит к тому, что, например, студенты не способны обрабатывать и анализировать большие объемы текста, выявлять тенденции, формулировать собственные выводы. Кроме того, словарный запас молодежи беден, так что порой молодые люди затрудняются внятно сформулировать мысль и донести ее в понятной форме до собеседника (чаще используются сленговые выражения, используемые в молодежной среде). Неумение и нежелание читать приводит к тому, что вакуум в душах молодежи может заполниться не гуманизмом, верой в Бога, состраданием, а эгоизмом, тщетной погоней за удовольствием, нетерпимостью к другим (что часто используется различными псевдорелигиозными сектами и экстремистскими организациями). Школьники и студенты представляют собой своеобразные «чистые файлы», на которые можно записать как хорошее, так и плохое. Чтение же формирует человека самостоятельного, на которого оказывать внешнее воздействие затруднительно. Не случайно отмена сочинения в качестве выпускного испытания в школах и замена его на ЕГЭ вызвали негативную реакцию со стороны общества, а ведущие профессора МГУ написали письмо в Государственную Думу с требованием вернуть сочинение. Прочитируем отрывок из этого письма, так как он хорошо иллюстрирует тревожную ситуацию, сложившуюся не только в чтении, написании сочинения, но и в культурной сфере в целом: «Если мы откажемся от этого наследия – от собственной истории, языка, литературы, культуры, то Россия перестанет существовать как единое государство, а российская цивилизация исчезнет с лица Земли» [15]. Получается, что существует взаимосвязь между явлением (чтение → написание сочинения → формирование специалиста, любящего Родину → процветание государства), которую в настоящее время явно и неявно разрушают. Читать стали меньше во всем мире: и в США, и в Европе, и в Азии, однако России, на наш взгляд, необходимо не плыть в русле этой негативной тенденции, а противостоять ей. В ином случае можно сохранить территорию, но потерять страну.

Шестым внутренним фактором, оказывающим воздействие на развитие государства, являются санкции, введенные по отношению к России ведущими странами мира. Эти санкции различаются как по характеру, так и по объектам воздействия. Среди них есть санкции персональные, которые направлены против конкретного физического лица, а есть секторальные, имеющие целью конкретную отрасль экономики (например, запрет на поставки оборудования для нефтегазовой отрасли России). Самыми же масштабными по воздействию, на наш взгляд, являются санкции в финансовой сфере, которая включает и отказ в предоставлении дешевых кредитных ресурсов, и препятствование в

проведении расчетов (по каратам VISA и Mastercard), и санкции против конкретных банков (например, банка «Россия»). Санкции применяются Западом не только по отношению к России, поэтому на основе изучения опыта Ирака и Ливии, когда были заморожены, а потом и разворованы государственные счета этих стран, можно предполагать, что Западные страны во главе с США могут не остановиться на нынешних ограничениях по отношению к нашей стране и пойти на прямые нарушения международного финансового права с целью устранения РФ как конкурента на мировых рынках с последующим установлением контроля над ресурсами страны. По мнению политолога С.Маркова, «западные санкции разноплановы и весьма ощутимы для нашей страны, причем они включают даже травлю спортсменов. Все это часть одной большой антироссийской политики» [5]. Воздействие санкций на экономику страны негативное, но специалисты ВТО в оценке степени этого влияния специалисты порой серьезно расходятся. Интересно, что по мнению Всемирного банка, если на начало 2015 г. влияние санкций оценивалось как значительное и многоотраслевое [22], то уже в прогнозах на 2017-2018 годы та же организация использует термин «незначительно», говоря о том, что экономика России будет расти, но медленнее, чем ожидалось [20]. Мрачные прогнозы о том, что экономика нашей страны будет разрушена, наступят массовые неплатежи, взлетит уровень инфляции и уровень безработицы, сейчас звучат гораздо реже, хотя и говорить о том, что санкции будут сняты, тем более в краткосрочном периоде, на наш взгляд, не приходится. Тем не менее, помимо отрицательного воздействия, нельзя не учитывать положительного влияния, когда отрасли экономики России получили возможность путем политики импортозамещения нарастить объемы производства, а страна может избавиться от угрозы «кредитной иглы», заодно восстановив интеллектуальный и научный потенциал. Сельское хозяйство демонстрирует хорошие темпы роста, продукция многих отраслей стала переориентироваться на новые рынки сбыта, начата работа по «дедолларизации» международных торговых расчетов (создание банка БРИКС). К сожалению, темпы таких изменений пока незначительны, а в некоторых областях (наука, образование), где требуются серьезные решения, продолжают существовать негативные тенденции контроля со стороны внешних сил (зарубежных стран), о чем говорилось выше. В целом, санкции, введенные против России, ярко продемонстрировали настоящие цели стран – инициаторов этого процесса (во главе с США), а потому нашей стране для избежания негативного сценария развития ситуации требуется проводить самостоятельную политику не только во внешнеполитической сфере, но и в науке, экономике, образовании, культуре.

Рассмотренными шестью факторами перечень внутренних индикаторов не исчерпывается, и можно добавить и проблемы терроризма, и

внутреннюю миграцию, и другие аттракторы, которые вносят свою лепту в темпы и направления экономического развития страны, но степень этого воздействия, по нашему мнению, уступает вышеперечисленным. Если объединить внешние и внутренние факторы, то можно получить картину общего состояния российской экономики, что позволяет, в свою очередь, обсуждать различные варианты развития в будущем. На наш взгляд, влияние этих факторов на экономику страны различное, поэтому представим степень этого влияния в таблице 2.

Таблица 2. Степень влияния факторов на состояние и развитие российской экономики

№п/п	Фактор	Степень влияния	
		В настоящем	В будущем
Внешние экономические			
1	Размер государственного и корпоративного долга	Высокая	высокая
2	Нестабильность валют стран мира	Высокая	средняя
3	Турбулентность фондового рынка	Высокая	средняя
4	Экономика «пузырей»	Высокая	высокая
5	Неоколониальная политика с использованием международных организаций	Высокая	высокая
Внешние научно-технические			
6	Нано – и фемтотехнологии	средняя	высокая
7	3D-принтинг	средняя	высокая
8	Космические разработки	средняя	высокая
9	Роботизация	Высокая	высокая
10	Искусственный интеллект	Низкая	средняя
Внутренние			
11	Отсутствие стратегии развития	Высокая	высокая
12	Коррупция	Высокая	высокая
13	Кадровая политика	Высокая	высокая
14	Чрезмерная централизация	Высокая	средняя
15	Научное и культурное развитие	Средняя	высокая
16	Санкции по отношению к России	Средняя	Низкая

Поясним те оценки степени влияния, приведенные в таблице. Каждый фактор, как было отмечено выше, тесно взаимосвязан с другими, поэтому выявить отдельно его влияние, вне зависимости от остальных, затруднительно. Тем не менее, в этой таблице мы постарались отразить авторское мнение по 16-ти факторам, которое в чем-то может не совпадать с мнением других исследователей и людей, интересующихся этими проблемами. Безусловно, мнение специалистов в отдельных отраслях (занимающихся, например, робототехникой или этнокультурным

развитием) более значимо, но нашей целью является свести воедино эти факторы, чтобы понять, какие шаги нужно предпринять для нивелирования отрицательных последствий. В таблице отмечено 2 варианта степени влияния фактора: в настоящем (т.е. как фактор влияет на действующее положение национальной экономики) и в будущем (под которым мы понимаем период в 7-10 лет). Вследствие этого фактор может иметь разное влияние: если, например, 3D-принтеры в настоящее время используются в отдельных отраслях и видах деятельности, то в будущем, по нашему мнению, их распространенность станет массовой, а степень влияния на экономику – высокой. Санкции же, напротив, будут влиять на российскую экономику в меньшей степени (в том случае, если правительство предпримет правильные шаги по развитию импортозамещения).

Проанализировав эти факторы, можно прийти к выводу, что угрозы разного рода для отечественной экономики существуют и это требует адекватных действий со стороны правительства. Чтобы решать такие разноплановые задачи, как культурное воспитание и валютная стабилизация, требуется комплексная стратегия развития, затрагивающая все сферы жизнедеятельности общества. Это потребует объединения усилий ученых самых разных направлений, обязательного участия Российской Академии наук (которую, к сожалению, игнорируют при принятии решений на правительственном уровне). Мы остановимся на одной проблеме – реиндустриализации, которая вызывает в настоящее время острую дискуссию в СМИ и, с нашей точки зрения, требует быстрой реакции со стороны исполнительной власти. Рассмотрим преимущества и недостатки реиндустриализации, а затем возможные варианты ее реализации в отечественной экономике.

Говоря о реиндустриализации, нельзя обойти вниманием советский опыт 20-30-х годов, когда был совершен технологический скачок от аграрной к промышленной экономике. Были построены тысячи заводов, появились целые отрасли, что повлекло за собой создание вузов и подготовку кадров, так как новым производствам требовались соответствующие специалисты. Уровень образования, технологичность экономики резко возросли, что позволило государству решать острые проблемы, стоявшие перед Советским Союзом в то время. Конечно, главной целью проведенной индустриализации было обеспечение обороноспособности страны, потому что международная обстановка свидетельствовала о надвигающейся мировой войне. Вследствие этого в первую очередь развивались отрасли ВПК (танкостроение, судостроение и авиастроение) и сопутствующие им (металлургия, станкостроение, химическая промышленность и т.д.). Такая гипертрофированная структура была присуща советской экономике и в последующие десятилетия, что привело, на наш взгляд, к противоречивым результатам: с одной стороны, была до-

стигнута победа во Второй мировой войне, а затем обеспечена защита национальных интересов в годы «холодной войны», а с другой стороны, экономика СССР проигрывала конкурентную борьбу во многих отраслях, которые остались без внимания и финансирования. Быстрая индустриализация страна была оплачена, в том числе, и большими человеческими жертвами наших граждан, о чем забывать тоже нельзя.

С нашей точки зрения, из опыта советской индустриализации можно извлечь положительные моменты, но не повторять ошибок, допущенных при ее реализации. Прежде всего, успех советской индустриализации был основан на четкой стратегии и тактике развития (пятилетки), которые позволили последовательно и динамично увеличивать и расширять производство необходимой продукции. Во-вторых, развитие науки и образования шло параллельно индустриализации, что позволило обеспечить нужными кадрами промышленность, а значит, не зависеть от иностранных специалистов (неслучайно реформирование страны большевики начали с ликвидации безграмотности). В-третьих, ресурсы концентрировались на приоритетных направлениях, а не распылялись по многим проектам, что позволяло быстро достичь положительных результатов («атомный проект» Советского Союза). К отрицательным моментам можно отнести бюрократизацию процесса (что присуще всей социалистической формации), использование принудительного труда, чрезмерную милитаризацию экономики. В последующие годы (60-80-е годы) индустриализация в СССР продолжалась, но преследовала не только оборонные цели. Из положительного опыта также хотелось бы отметить кластерный подход, когда при строительстве производственного объекта учитывался целый ряд факторов: наличие трудовых ресурсов, транспортная доступность, корреляция с поставщиками и покупателями, наличие вблизи источника электроэнергии и др. В результате появились такие мощные промышленные центры в Западной Сибири, на Урале, в Поволжье, где сочетались и производственные, и образовательные мощности, а также строились электростанции и транспортные магистрали. Таким образом, при принятии решения о реиндустриализации учет советского опыта необходим, а исследование полученных результатов позволит, на наш взгляд, ускорить появление новых производств в нашей стране.

Вторым важным моментом, по нашему мнению, является проработка вопроса взаимосвязи реиндустриализации с направлениями НТП. В этом вопросе также присутствуют как плюсы, так и минусы. Если сузить развитие действующих производств по тем направлениям, которые были рассмотрены выше, то высока вероятность, что страна, сделавшая эта первой, опередит конкурентов и сможет извлекать сверхприбыль (но не постоянно, так как пользующуюся спросом продукцию начинают быстро выпускать и другие страны, например, так произошло со

смартфонами). Кроме того, создается технологический задел, который позволяет разрабатывать последующие технологии и опережать других в конкурентной борьбе. Догонять трудно, а зачастую и бесперспективно, о чем говорит опыт развивающихся стран, не преодолевших разрыв в уровне и качестве жизни, а также технологическом развитии по сравнению с развитыми, а только увеличивших это отставание. Однако точно предугадать, какое именно из научных исследований «выстрелит», очень трудно, а ошибки в прогнозах обходятся дорого: построив заводы, промышленные линии, можно столкнуться с ситуацией, что НТП пошел по другому пути развития, а изготовленная продукция не пользуется спросом (в конце 90-х годов компания SONY, вложив миллиарды долларов в разработку технологии плазменных панелей, понесла большие убытки, так как рынок завоевала более дешевая технология LCD-мониторов). Помимо этого, некоторые из направлений НТП (3D-принтинг) могут поставить вопрос вообще о целесообразности промышленности, так как все необходимое можно изготовить у себя дома. В этом случае реиндустриализация попросту не нужна, поскольку технологии сделают ее ненужной, как, например, изобретение телепортации приведет к исчезновению транспорта и дорожной инфраструктуры. Проведенный выше анализ направлений НТП показал, что Россия, к сожалению, во многих областях отстает или вовсе не занимается исследованиями, значит, не сможет использовать право на разработки, ноу-хау, а, в лучшем случае, воспользуется разработками других стран, если они захотят их продать. В связи с этим и принимая во внимание ограниченные бюджетные возможности, следует выбрать несколько перспективных направлений НТП, основываясь на рекомендациях Академии наук. Такие направления должны обладать потенциалом промышленного производства. После этого необходимо обеспечить финансирование данных направлений в должном объеме, а также предоставить производственные мощности и научные кадры.

Любое реформирование приводит не только к положительным, но и к отрицательным результатам (а опыт России говорит о том, что второе является более вероятным), поэтому целесообразным будет рассмотреть те возможные результаты, к которым может привести реиндустриализация.

К возможным позитивным результатам реиндустриализации можно отнести следующие:

– Во-первых, выпуск продукции, необходимой национальной экономике. Особенно это стало актуально в условиях санкций, когда многие страны перестали поставлять товары (в основном, высокотехнологичные), а собственное производство отсутствует.

– Во-вторых, организация производства продукции, которая будет конкурентоспособной на мировом рынке, за счет чего можно обеспечить рост экспортной выручки.

– В-третьих, реиндустриализация может способствовать выравниванию развития разных регионов страны путем создания производств в тех субъектах Федерации, которые отстали в экономическом развитии.

– В-четвертых, развитие производства потребует создания и совершенствования сферы образования и науки, где в настоящее время тенденции, в основном, негативные.

– В-пятых, чем больше уровень промышленного производства в стране, тем выше уровень образования и культуры, так как высокие технологии требуют соответствующего уровня подготовки.

– В-шестых, благодаря реиндустриализации формируется технологическая, продуктовая и финансовая независимость страны, а также укрепляется ее обороноспособность.

– В-седьмых, повышение инвестиционной привлекательности отечественной экономики будет способствовать притоку капитала в Россию, что, в свою очередь, обеспечит рост базы налогообложения и бюджетных доходов.

– В-восьмых, главным результатом реиндустриализации должны стать рост производительности труда, фондоотдачи предприятий, повышение уровня конкурентоспособности российской экономики и рост валового внутреннего продукта.

Негативные результаты реиндустриализации, по нашему мнению, включают следующие моменты:

– Во-первых, направления развития НТП, которые спрогнозировать затруднительно, могут пойти таким путем, который сделает реиндустриализацию бесполезной: создание новых производств станет ненужным.

– Во-вторых, создание новых производств влечет за собой обострение экологических проблем.

– В-третьих, опыт реализации многих программ в РФ показал, что бюджетные средства расходуются зачастую неэффективно. Реиндустриализация потребует огромных вложений, что в условиях мирового экономического кризиса и введения санкций осуществить будет затруднительно.

– В-четвертых, финансирование программ реиндустриализации означает, что бюджетные средства (а основным инвестором может выступать только государство) будут отвлечены от других целей: развитие сельского хозяйства, инфраструктурные проекты, вложения в сферу услуг.

– В-пятых, выстраивать долгосрочную стратегию реиндустриализации в расчете на производство продукции из низкого или среднего ценового сегмента бесперспективно, так как стоимость рабочей силы в

Азии или Африке ниже, чем в России. Поэтому возможна только глубокая модернизация промышленности с ориентацией на высокотехнологичные сегменты, что потребует огромных вложений в науку и образование, чего в настоящее время не наблюдается.

– В-шестых, в условиях мирового кризиса, падения доходов населения, сужающегося спроса реиндустриализация крайне рискованна, потому что найти в этом случае рынки сбыта для своей продукции будет трудно.

Таким образом, реиндустриализацию как сложный, комплексный процесс нельзя трактовать только с одной точки зрения – положительной или отрицательной. По нашему мнению, при реализации ее необходимо быть готовым к тому, что какие-то из отрицательных моментов реализуются на практике, а значит, нужно разработать программы реагирования на эти ситуации. В целом для принятия решения требуется политическая воля, четко выраженная стратегия развития государства, чего, к сожалению, сейчас не наблюдается. Такая проблема не является только нашей особенностью. Даже в Европейском Союзе, где уровень развития экономики выше, чем в РФ, вопрос о реиндустриализации ставится не первый год, но на практике наблюдается инерционный сценарий развития, когда есть лидер – Германия, некоторые страны Северной Европы сохраняют узкую специализацию, а на юге Европы «повернуть вспять процесс промышленной деградации вряд ли удастся» [30]. В связи с вышеизложенными факторами и проблемами возможны разные варианты развития страны, которые могут включать, а могут и не включать реиндустриализацию экономики.

Рассмотрим их по отдельности.

Первый вариант можно условно назвать СССР-2. Подразумевается создание замкнутой экономики, которая бы обеспечивала себя сама. Сторонники этого подхода справедливо отмечают, что в условиях глобализации и открытости экономик разных стран негативные тенденции в мире практически сразу же отрицательно сказываются и на национальной экономике. Как отмечалось выше, тревожные тренды отмечаются и в экономическом, и в научно-техническом развитии планеты, поэтому желание защититься, «закрыться» от внешнего влияния вполне объяснимо. При таком варианте альтернативы реиндустриализации нет, так как все придется производить внутри страны, не надеясь на импорт. Реформирование экономики по советскому типу неизбежно потребует национализации всей собственности, что отрицательно скажется на решениях инвесторов и может привести к противостояниям внутри российского общества. Не стоит забывать и о характерных недостатках социалистической системы: коррупции, централизации при решении большинства вопросов, медленной реакции на происходящие изменения, слабой мотивации участников экономических событий. К тому

же полного «железного занавеса» и не было: СССР не только активно торговал с полутора десятками социалистических стран, но и успешно реализовывал продукцию в капиталистических странах. В связи с этим выбор первого варианта, на наш взгляд, был бы очевидной ошибкой, так как мог привести к глобальному отставанию страны от остального мира в научно-техническом развитии. Кроме того, для осуществления реиндустриализации в таких масштабах потребовались бы такие ресурсы (финансовые, сырьевые, трудовые), которыми страна не располагает (да и во всем мире вряд ли найдется государство, способное на такие радикальные изменения).

Вторым направлением развития являются выявление конкурентных преимуществ РФ и развитие их с учетом стратегических интересов страны и перспектив международного положения других стран. В этом случае реиндустриализация затронет отдельные страны, а не будет носить глобальный характер. По нашему мнению, востребованным станет продукция российских предприятий, исходя из принципа уникальности, то есть не имеющих аналогов в мире (соревноваться по цене в связи с высокими издержками по труду, налогам, сырью и другим составляющим себестоимости продукции отечественные предприятия практически не могут). Остается еще советский задел в некоторых отраслях, который необходимо укрепить и развить, что позволит России стать той частью глобального товарного обмена, без которого остальной мир не сможет нормально функционировать. Наиболее перспективными отраслями, с нашей точки зрения, являются:

– Атомная и термоядерная энергетика (потребность в электроэнергии в мире будет только расти, а дешевой альтернативы АЭС и термоядерным электростанциям в ближайшем будущем найти будет затруднительно).

– Военно-промышленный комплекс (его нужно развивать и с точки зрения собственной безопасности, и с точки зрения перспектив экспорта продукции, однако есть и спорный момент: продажа оружия может представлять угрозу и для страны-продавца).

– Космические исследования (серьезные позиции у России в области носителей с учетом развития линейки ракет «Ангара», но необходимо развивать и производство собственных спутников, также создавая условия для развития частной национальной космической отрасли).

– Отдельные направления медицины и фармацевтики (с учетом специализации по персонифицированной медицине).

Развитие хотя бы этих направлений (хотелось бы, конечно, и другие отрасли отметить, но ресурсов не хватает) повлечет за собой и укрепление образовательных и научных организаций, а также подготовку и переподготовку кадров.

Третье направление представляет собой дрейф в фарватере доминантов мировой экономики, что означает роль России в качестве поставщика сырья и не более того. В этом случае о реиндустриализации говорить не приходится, скорее, наоборот, действующие производства будут приходить в ветхость и негодность, уровень жизни населения будет уменьшаться, культурный и образовательный уровень также снизится, потому что нет необходимости в квалифицированных кадрах. Такой путь развития означает, что наша страна превратится в колонию и потеряет суверенитет, не имея перспектив для решения национальных задач.

Подводя итоги вышесказанному, второй вариант развития, на наш взгляд, является наиболее перспективным для нашей страны, но потребует проведения продуманной и взвешенной политики, которая включает в себя как экономические, так и социальные, культурные преобразования. В целом реиндустриализация экономики России нужна, так как позволяет решить назревшие проблемы, а не ждать момента, когда их решит кто-нибудь другой. Даже если будут допущены ошибки (а они вероятны при реализации таких сложных программ), то будет накоплен опыт, подготовлены кадры, повысится образовательный и культурный уровень населения, что в совокупности позволит нашей стране адекватно реагировать на вызовы будущего.

Литература:

1. Вахитов Д.Р. Анализ причин кризиса 2008 года и направления развития экономической ситуации // Вестник «ТИСБИ». – 2014. – № 1. – С. 60-78.
2. Вахитов Д.Р., Кондратьева Т.Н. Профессорско-преподавательский состав вузов в условиях реформирования российской системы высшего образования // Вестник Бурятского гос. ун-та. – Вып. «Педагогика». – 2015. – № 1 (1). – С. 43-47.
3. Ионов А. Космос будет платным // Мир фантастики. – 2015. – № 11. – С. 114-119.
4. Лескова Н. Геометрия времени // Наука и религия. – 2016. – № 1. – С. 6-9.
5. Медведева Т., Марков С. Планы организации госпереворота в России практически утверждены // Культура. – 2016. – № 10. – С. 2.
6. Спицын Е. Хочешь завоевать страну – воспитай ее детей // Культура. – 2015. – № 44. – С. 6.
7. Угланов А. «Двенадцать стульев» А.Дворковича // Аргументы недели. – 2016. – № 7. – С. 1-2.
8. www.bujet.ru/article/283292.php
9. www.cia.gov/library/publications/the-world-actbook/rankorder/2079rank.html
10. www.fin.edu.ru/InfoPanel/min_obr1.html
11. www.ktovkurse.com/mirovaya-ekonomika/rezinovyy-dolg-kitaya-obem-kreditov-v-ekonomike-vyros-na-520-mlrd-za-mesyats
12. www.ktovkurse.com/mirovaya-ekonomika/kreditnyj-kollaps-v-kitae-v-4-raza-opasnee-ipotechnogo-krizisa-v-ssha
13. www.lenta.ru/article/2015/08/11/gdp/
14. www.lenta.ru/news/2016/02/10/neft/
15. www.lgz.ru/article/N5--6157--2008-02-06--/Sochin%D0%B5ni%D0%B5-%E2%80%9393%0D%0A%D1%8Dto-yavl%D0%B5ni%D0%B5%0D%0Akulytur%D1%8B%0D%0AA-n%D0%B5-prosto-forma-%0D%0A%D1%8Dkzam%D0%B5na3093/

16. www.politrussia.com/ekonomika/regiony-vsyakie-nuzhny-796/
17. www.ria.ru/science/20151216/1342874014.html
18. www.russian.doingbusiness.org/rankings
19. www.transparency.org/cpi2015/#results-table
20. www.vestifinance.ru/videos/26844
21. www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&newsid=2764&type=news
22. www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/eca/russia/rer33-rus.pdf

References:

1. Vakhitov D. Financial crisis: the reasons of genesis and the perspectives of development // Herald of the University of Management «TISBI». – 2014. – № 1. – P. 60-78.
2. Vakhitov D., Kondratieva T. Teaching staff of higher education institutions in the conditions of reforming of the Russian higher education system // Bulletin of the Buryat State University: Vol. «Pedagogy». – 2015. – № 1 (1). – P. 43-47.
3. Ionov A. Space will be paid // The world of science fiction. – 2015. – № 11. – P. 114-119.
4. Leskova N. Time geometry // Science and Religion. – 2016. – № 1. – P. 6-9.
5. Medvedeva T., Markov S. Plans for the organization of a coup d'etat in Russia virtually approved // Culture. – 2016. – № 10. – P. 2.
6. Spitsyn E. Do you want to conquer the country – to bring up her children // Culture. – 2015. – № 44. – P. 6.
7. Uglanov A. «Twelve Chairs» of Dvorkovich // Argumenty Nedeli. – 2016. – № 7. – P. 1-2.
8. www.bujet.ru/article/283292.php
9. www.cia.gov/library/publications/the-world-actbook/rankorder/2079rank.html
10. www.fin.edu.ru/InfoPanel/min_obr1.html
11. www.ktovkurse.com/mirovaya-ekonomika/rezinovyy-dolg-kitaya-obem-kreditov-v-ekonomike-vyros-na-520-mlrd-za-mesyats
12. www.ktovkurse.com/mirovaya-ekonomika/kreditnyj-kollaps-v-kitae-v-4-raza-opasnee-ipotechnogo-krizisa-v-ssha
13. www.lenta.ru/article/2015/08/11/gdp/
14. www.lenta.ru/news/2016/02/10/neft/
15. www.lgz.ru/article/N5--6157--2008-02-06--/Sochin%D0%B5ni%D0%B5-%E2%80%9393%0D%0A%D1%8Dto-yavl%D0%B5ni%D0%B5%0D%0Akulytur%D1%8B%0D%0AA-n%D0%B5-prosto-forma-%0D%0A%D1%8Dkzam%D0%B5na3093/
16. www.politrussia.com/ekonomika/regiony-vsyakie-nuzhny-796/
17. www.ria.ru/science/20151216/1342874014.html
18. www.russian.doingbusiness.org/rankings
19. www.transparency.org/cpi2015/#results-table
20. www.vestifinance.ru/videos/26844
21. www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&newsid=2764&type=news
22. www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/eca/russia/rer33-rus.pdf

**ФАКТОРЫ ИННОВАТИЗАЦИИ ЛОКАЛЬНЫХ
СОЦИО-ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ РЕГИОНА****THE FACTORS OF INNOVATIZATION OF LOCAL SOCIO-ECONOMIC
AND ECOLOGICAL SYSTEMS IN THE REGION**

ПОСТАЛЮК М.П., д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой экономической теории и инноватизации экономики Университета управления «ТИСБИ»; профессор кафедры экономической теории КНИТУ-КАИ

Тел.: 8(843)294-83-14

E-mail: mp.44@mail.ru

POSTALYUK M., Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economic Theory and innovatization of economy, the University of Management «TISBI»; Professor of the Department of Economic Theory KAI

Tel.: 8(843)294-83-14

E-mail: mp.44@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются факторы инноватизации локальных социо-эколого-экономических систем региона, проводится их типология, раскрываются взаимодействие и степень влияния на динамику инновационного потенциала.

Ключевые слова: факторы развития, инновационный потенциал, пространственные социально-экономические системы, обратные связи, инновационная энтропия, регентропия, самоорганизация.

Abstract

The article considers the factors of innovatization of local socio-economic and ecological systems in the region; expands on out their typology, reveals the interaction and impact on the dynamics of an innovation potential.

Key words: factors of development, innovation potential, spatial socio-economic systems, feedback, innovation entropy, regentropy, self-organization.

Значение термина «фактор» (от лат. factor – делающий, производящий) определяется как причина, движущая сила какого-либо процесса, явления, отражающая его отдельные черты.

С экономической точки зрения фактор определяется как один из основных ресурсов производственной, в том числе инновационной, деятельности предприятия и экономики в целом (капитал, труд, ресурсы, земля, способы организации экономической деятельности), а также как движущая сила экономических, производственных процессов, оказыва-

ющая влияние на результат производственной, экономической деятельности.

В некоторых случаях синонимом фактора является регрессор. В основном этот термин употребляется в экономико-математических методах и моделях, описывающих математическим языком влияние одних переменных на другие.

Факторами развития инновационного потенциала пространственных социально-экономических систем будут считаться условия, среди которых или благодаря которым данный процесс совершается. Некоторые условия в конкретной ситуации выступают в роли кофакторов, без которых действие основного фактора будет неполным, обратимым или неадекватным. Некоторые факторы функционируют самостоятельно, некоторые – только при наличии кофакторов. Следует различать понятия кофактора и катализатора. Как правило, данные различия касаются формы участия в воздействии на фактор. Кофактор связан с фактором непрерывно или эпизодически, катализатор лишь запускает механизм активации фактора и не принимает в нем дальнейшего участия до следующей определенной стадии или фазы.

Если в роли фактора развития инновационного потенциала пространственных социально-экономических систем выступает человек, а не обстоятельства и условия, его в этом случае называют инновационным актором. Последний – это действующий субъект, индивид, совершающий инновационные действия, направленные на изменение инновационности, инновативности и инноватизации пространственных социально-экономических систем. Нюансом восприятия термина «инновационный актор» является активное, а не пассивное воздействие на конкретную локальную систему.

В общей системе инновационных факторов необходимо различать факторы роста, факторы развития и системные, полифункциональные факторы, которые не идентичны. В первом случае речь идет о наращивании количественных параметров инновационного потенциала. Развитие само по себе не характеризуется только количественными показателями роста, но в первую очередь качественными изменениями инновационного потенциала, что возможно и при сокращении некоторых количественных форматов. В третьем случае происходит разнонаправленное воздействие на инновационный потенциал пространственных социально-экономических систем.

Факторы могут оказывать непосредственное (в данном случае это будут факторы первого порядка) и/или опосредованное (факторы второго, третьего и далее порядка) влияние на инновационный потенциал пространственных социально-экономических систем, которое представлено на рис. 1.

Факторы имеют различные веса, различную степень влияния и различный набор субфакторов и кофакторов развития инновационного потенциала пространственных социально-экономических систем.

Совокупность факторов развития инновационного потенциала пространственных социально-экономических систем не может быть представлена одним и тем же их набором для различных инновационных объектов и систем. Для их выделения, на наш взгляд, рациональным будет разложить схему инновационных взаимосвязей в четыре взаимозавязанных плоскости:

Рис. 1. Влияние факторов на инновационный потенциал пространственных социально-экономических систем

- Исходное состояние пространственной социально-экономической системы.
- Цель, одна или несколько (с учетом наложения цели надсистемы).
- Ресурсы, возможности (учитывая их ограниченность, а также учитывая скрытые, потенциальные ресурсы).
- Система взаимосвязей и особенности функционирования пространственной социально-экономической системы (как внешние, так и внутренние).

Имея четыре этих базовых компонента, можно выстроить достаточно эффективную схему управления, поскольку она позволяет видеть

функционирование пространственной социально-экономической системы не изнутри, а извне, предсказывать возможные направления движения ее инновационного развития.

Находясь в определенном состоянии, при наличии определенных ресурсов и определенной цели, имея собственные определенные особенности и взаимосвязь с внешней средой, пространственная социально-экономическая система имеет некоторое ограниченное количество выборов инновационного движения. Задача при этом сводится к тому, чтобы определить все эти компоненты. Усложняют данную задачу постоянные инновационные изменения этих самых компонентов и крайне сложные структура и принципы инновационных взаимосвязей самой системы.

Для создания классификации факторов влияния на состояние и структуру инновационного потенциала пространственной социально-экономической системы мы предлагаем использовать следующую систему понятий:

– Факторы внешней среды – это условия формирования внешних инновационных ресурсов, потребляемых внутри системы; предпочтения потребителей, конкуренты и др. Таким образом, внешняя среда оказывает влияние на цели, процесс и условия деятельности, на потребляемые в процессе производства инновационные ресурсы и собственно на результат формирования и использования инновационного потенциала.

– Факторы внутреннего развития инновационного потенциала пространственной социально-экономической системы используются в процессе разработки стратегии развития и анализа источников формирования инновационного потенциала. При этом необходимо учитывать законы развития и функционирования пространственной социально-экономической системы в целом, т.е. оценка инновационного потенциала закономерно сопряжена с действием закона циклического развития экономики, определяющего жизненный цикл пространственных социально-экономических систем и цикличность инвестиций, а также закона убывающей эффективности эволюционного совершенствования пространственных социально-экономических систем, который объясняет спад производства и кризис системы, т.е. осуществляющим свое воздействие непрерывно или же дискретно, но с постоянными другими характеристиками (например, периодичность и сила воздействия и пр.). Нестационарные факторы имеют стохастическое воздействие, как правило, именно они являются причинами флуктуаций в поведении пространственной социально-экономической системы.

Факторы внутреннего развития инновационного потенциала пространственных социально-экономических систем представляют наибольший интерес, т.к. посредством управления ими можно воздей-

ствовать на их инновационный потенциал. Механизм этого воздействия представлен на рис. 2.

Рис. 2. Механизм воздействия факторов внутреннего развития инновационного потенциала

Большой интерес представляет рассмотрение факторов с точки зрения направления их влияния на инновационный потенциал пространственных социально-экономических систем. В этом отношении можно выделить стабилизирующие и дестабилизирующие факторы. Действие и тех и других построено на принципах обратной связи.

Цепи обратной связи могут быть положительными и отрицательными. Разница между ними заключается в том, что пройденная через участок системы информация, обработанная ею, осуществившая некоторые изменения и возвращенная на вход, приводит к различным результатам. В случае, названном положительной обратной связью, пространственная социально-экономическая система, обработав информацию и оценив изменения как положительные, начинает их усиливать; попадая на вход контура, они вновь вызывают те же изменения, которые, таким образом, все возрастают и возрастают, вызывая похожую на снежный ком реакцию.

Примером из инновационной сферы может быть ситуация, когда компания находит режим долгосрочного оптимального функционирования и выдает высокоэффективный инновационный результат, который по достоинству оценивается рынком. Это приводит к притоку дополнительных инновационных ресурсов, стимулирует развитие инновационного потенциала компании.

Суть отрицательной обратной связи заключается в отрицании и погашении произошедших инновационных изменений. Обработанная информация, поданная на вход, не усугубляет, а нейтрализует их, заставляя пространственную социально-экономическую систему оставаться в стабильном состоянии. Так, спрос на тот или иной инновационный товар заставляет форсировать его производство; как только рынок становится насыщен, спрос естественным образом падает, что приводит к снижению производства, обеспечивая пространственной социально-экономической системе равновесное состояние.

Каждый элемент инновационного потенциала социально-экономической системы сопряжен с другими элементами различными видами обратной связи. Зачастую они бывают настолько прочны, что разорвать существующую связь не всегда представляется возможным. Проблему составляют патологические обратные связи, которые, возникнув в силу определенных причин, подменяют нормальные и наносят существенный урон инновационной деятельности экономических субъектов.

Инновационный потенциал пространственных социально-экономических систем представляет собой композит сложносоставных факторов с огромным количеством разноплановых инновационных взаимосвязей между ними. Управление развитием инновационного потенциала пространственных социально-экономических систем при этом не может основываться только на привычных планово-административных методах. Центральной проблемой управления инновационным потенциалом пространственных социально-экономических систем часто в том или ином варианте считают оптимальное использование инновационных ресурсов и увеличение экономического благосостояния. С позиций системных взглядов данные установки можно скорее отнести к целям, а к понятию центральной проблемы отнести собственно выбор способов и методов их достижения, поиск ключей управления.

Для эффективного управления факторами развития инновационного потенциала пространственных социально-экономических систем следует принять во внимание результаты научных исследований, предметом изучения которых являются подобного рода объекты. Так, например, известно, что любая пространственная социально-экономическая система имеет фундаментальное свойство стремиться от менее устойчивого к более устойчивому инновационному состоянию. Инновационные точки притяжения устойчивых инновационных состояний мы называем инновационными аттракторами (аттрактор от англ. attract – притягивать). Существуют различные виды инновационных аттракторов, соответствующих различному поведению пространственных социально-экономических систем, а также их комбинации. Однако очень важным моментом в данном аспекте будет вопрос о достижении этих инновационных точек. Инновационная точка покоя будет символизиро-

вать затухание динамических инновационных процессов. Как справедливо отмечает Н.Моисеев, устойчивость, доведенная до своего предела, прекращает любое развитие. Чересчур стабильные формы – это тупиковые формы, эволюция которых прекращается [3]. Следовательно, мы можем утверждать, что инновационная устойчивость, доведенная до своего предела, прекращает свое инновационное развитие. Для инновационного развития жизненно необходимы препятствия в виде фракталов, отталкивающих пространственную социально-экономическую систему от этой мертвой инновационной точки, не дающие ей прийти в состояние инновационного покоя, по сути представляющего окончание ее существования.

В настоящее время выделен новый класс пространственных социально-экономических систем, получивших название диссипативных. Диссипативная пространственная социально-экономическая система устроена таким образом, что в некоторой инновационной среде, характеризующейся высокой степенью инновационной энтропии (энтропия – величина, выражающая меру, в том числе и инновационной беспорядочности, инновационной дезорганизации, отсутствия инновационной информации), возникает определенная инновационная зона, в которой она стремительно падает, и возникает определенная степень инновационной упорядоченности. Одновременно происходит процесс роста инновационной энтропии в окружающем пространстве. То есть концентрация инновационной упорядоченности происходит за счет поглощения ее из окружающей среды [2].

Инновационная энтропия как мера инновационной беспорядочности характеризует степень организованности пространственных социально-экономических систем. Чем меньше инновационная энтропия, тем более высокий ранг организованности демонстрирует данная система. Антонимом инновационной энтропии является инновационная негэнтропия – термин, характеризующий степень инновационной упорядоченности структурных элементов инновационного потенциала пространственных социально-экономических систем и их связей.

Самоорганизация инновационного потенциала пространственных социально-экономических систем происходит благодаря увеличению их внутренней упорядоченности, что неизменно сопровождается диссипацией инновационной энтропии, т.е. рассеиванием инновационной беспорядочности, которую система отводит от себя. Диссипация инновационной энтропии в процессе наращивания уровня организованности системы – фундаментальный закон, имеющий научное подтверждение и реализующийся во всех открытых пространственных социально-экономических системах. Приращение или поддержание необходимого уровня инновационной негэнтропии обеспечивается поглощением упорядочивающей энергии и информации из окружающей среды и дисси-

пацией дезорганизующей инновационной энергии, что в итоге обеспечивает увеличение внутренней организованности пространственных социально-экономических систем и, следовательно, их выживание.

Таким образом, любая самоорганизующаяся пространственная социально-экономическая система создает вокруг себя энерго-информационные потоки (в контексте инновационных отношений – ресурсные и информационные). Инновационная энтропия потока на входе в систему всегда меньше, чем на выходе из нее, поскольку пространственная социально-экономическая система поглощает из потока инновационную упорядоченность, информацию, ресурсы для целей организации собственных инновационных структур и их связей. Однако поскольку каждая система является частью системы высшего порядка, надсистемой, постольку накладываются ограничения по производству инновационной энтропии ее локальными элементами для поддержания общего динамического равновесия на этом уровне.

Таким образом, исследование самоорганизующихся пространственных социально-экономических систем позволяет сформулировать ряд принципов функционирования инновационного потенциала их динамически устойчивых моделей:

1. Во-первых, это соответствие инновационного потенциала пространственных социально-экономических систем целям инновационной системы более высокого порядка. Элементы, не отвечающие требованиям генеральной инновационной системы, подвергаются принудительной реструктуризации или ликвидируются. Таким образом, инновационный потенциал пространственных социально-экономических систем будет испытывать нарастающее превосходящее давление извне, что повлечет нарушение его внутренних связей и структур и связей с другими системами.

2. Правильная организация положительной и отрицательной обратной связи внутри пространственных социально-экономических систем направлена на усиление их стратегических возможностей. Напомним, что если результат инновационного изменения служит сигналом к усилению этого изменения, то это является положительной обратной связью; если к нейтрализации инновационного изменения – отрицательной. Положительная обратная связь способствует накоплению инновационных изменений, то есть инноватизации; отрицательная препятствует закреплению инновационных изменений и обеспечивает поддержание устойчивого инновационного состояния, то есть обуславливает инновационные паузы. Если пространственная социально-экономическая система зациклится на неадекватных изменившихся условиях, то она будет разрушена. Если пространственная социально-экономическая система будет отклоняться от найденного устойчивого инновационного состояния,

то также критически осложнит свое существование. Положительная обратная связь обеспечит также наращивание ресурсов.

3. Критическое состояние инновационного потенциала не обязательно приводит к ухудшению положения. Оно лишь является сигнализирующей информацией о необходимости очередного этапа реструктуризации внутренних элементов пространственных социально-экономических систем и их связей либо внешних взаимодействий системы.

4. Поиск устойчивого инновационного состояния есть процесс непрерывный, многомерный и неоднозначный. Каждое решение имеет одновременно как положительный, так и отрицательный исход. Его реализация является положительным фактом для одних элементов или процессов и одновременно отрицательным для других элементов развития инновационного потенциала пространственных социально-экономических систем.

5. Одним из принципов самоорганизации инновационного потенциала пространственных социально-экономических систем считается принцип минимума диссипации, заключающийся в том, что система стремится реализовать тот вариант развития инновационного потенциала, который приведет к меньшему росту инновационной энтропии внутри нее. Это обеспечивается формированием локальных инновационных зон с повышенной инновационной негэнтропией, которые позволяют пространственным социально-экономическим системам сохранить динамическое равновесие и развитие их инновационного потенциала.

Литература:

1. Антропова Т.Г. Конкуренция как фактор обеспечения экономической безопасности // Сегодня и завтра российской экономики. – 2010. – № 36.
2. Antropova T. Economic security in the conditions of innovative transformation of economy // Review of European Studies. – Vol. 7. – 2015. – № 1.
3. Вагизова В.И. Инноватизация финансовой инфраструктуры региональной экономики // Креативная экономика. – 2009. – № 5. – С. 131-139.
4. Ведин Н.В., Проскура Т.М. Инновационный вектор развития человеческого капитала // Проблемы современной экономики. – 2010. – № 2. – С. 62-66.
5. Ведин Н.В. Постиндустриальная трансформация экономических систем: проблема теоретической реконструкции // Вестник «ТИСБИ». – 2013. – № 4. – С. 27-41.
6. Бранский В.П. Теоретические основания социальной синергетики / В.П. Бранский // Вопросы философии. – 2000. – № 4. – С. 112-129.
7. Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития / Н.Н. Моисеев; АН СССР. – М.: Наука, 1987. – 302 с.
8. Посталюк М.П. Управление и самоуправление инновационными отношениями в экономической системе // ВЭПС. – 2012. – № 3. – С. 71-77.
9. Посталюк М.П., Посталюк Т.М. Диверсификация институтов в процессе традиционно-инновационного развития национальных экономических систем // Проблемы современной экономики. – 2009. – № 2. – С. 57-69.

10. Хасанова А.Ш. Формирование устойчивой конкурентоспособности в условиях информатизации экономического пространства // Вестник экономики, права и социологии. – 2014. – № 4. – С. 101-106.

11. Шлычков В.В. Потенциальные возможности российской экономики // Вестник экономики, права и социологии. – 2013. – № 2. – С. 94-98.

References:

1. Antropova T. Competition as a factor of economic security // Today and tomorrow of Russian economy. – 2010. – № 36.

2. Antropova T. Economic security in the conditions of innovative transformation of the economy // Review of European Studies. – Vol. 7. – 2015. – № 1.

3. Vagizova V. Innovatization of the regional economy // Creative economy. – 2009. – № 5. – P. 131-139.

4. Vedin N., Proskurin T. Innovative vector of development of human capital // Problems of modern economy. – 2010. – № 2. – P. 62-66.

5. Vedin N. The post-industrial transformation of economic systems: the problem of theoretical reconstruction // TISBI Bulletin. – 2013. – № 4. – P. 27-41.

6. Bransky V. Theoretical Foundations of Social Synergetics / V.Bransky // Problems of Philosophy. – 2000. – № 4. – P. 112-129.

7. Moiseev N. Algorithms of Development / N.Moiseev; USSR Academy of Sciences. – M.: Nauka, 1987. – 302 p.

8. Postalyuk M. Management and self-management of innovation relationship in the economic system // VEPS. – 2012. – № 3. – P. 71-77.

9. Postalyuk M., Postalyuk T. Diversification of institutions in the process of traditional and innovative development of national economic systems // Problems of modern economy. – 2009. – № 2. – P. 57-69.

10. Khasanova A. Formation of sustainable competitiveness in the conditions of informatization of economic space // Bulletin of Economics, Law and Sociology. – 2014. – № 4. – P. 101-106.

11. Shlychkov V. The potential of the Russian economy // Journal of economics, law and sociology. – 2013. – № 2. – P. 94-98.

**ВЛИЯНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
НА ИННОВАТИЗАЦИЮ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ****THE INFLUENCE OF INTELLECTUAL PROPERTY
ON THE INNOVATIZATION OF RUSSIAN ECONOMY**

*ИКСАНОВА Л.Р., соискатель кафедры финансового менеджмента
Казанского инновационного университета*

Тел.: +7(960)035-33-15

E-mail: liliyari@mail.ru

*IKSANOVA L., Competitor Financial Management Chair, Kazan Innovative
University*

Tel.: +7(960)035-33-15

E-mail: liliyari@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены особенности формирования и использования интеллектуальной собственности в процессах инноватизации российской экономики, предложена экономико-статистическая модель влияния основных факторов формирования интеллектуальной собственности на долю инновационной продукции в экономике, которая позволила выявить проблемы развития факторов, ограничивающих активизацию инновационных процессов в российской экономике.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, факторы формирования интеллектуальной собственности, инновационные процессы, инноватизация.

Abstract

The article describes the features of formation and use of intellectual property in the process of innovatization the Russian economy. The author proposes an economic-statistical model of the influence of the main factors of formation of intellectual property on the share of innovative products in economy, which makes it possible to identify the problem of the factors limiting the activation of innovative processes in Russian economy.

Key words: intellectual property, factors of intellectual property, innovative processes, innovatization.

Инновационная деятельность представляет собой целенаправленную работу субъектов хозяйствования по формированию, апробации, внедрению в производство результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок. Инновационная деятельность проявляется в создании и использовании технологических, продуктовых,

организационно-управленческих, маркетинговых и иных типов инноваций [1, с. 11].

Инновационная активность является одной из наиболее общих характеристик инновационной деятельности. В качественном аспекте инновационная активность представляет собой нацеленность деятельности субъекта хозяйствования на приоритетное генерирование и внедрение инноваций по сравнению с традиционными способами организации и осуществления производственного процесса. Количественными характеристиками инновационной активности организации могут выступать такие показатели, как доля инновационной продукции в валовом выпуске, доля инвестиций в инновации в общей структуре инвестиционных расходов и т.д.

Интеллектуальная собственность, обеспечивая генерирование, внедрение в производство и коммерциализацию НИОКР, оказывает тем самым принципиальное влияние на активизацию инновационных процессов в организациях различных форм собственности и видов экономической деятельности.

Особенности формирования и использования интеллектуальной собственности в отечественной экономике, по нашему мнению, в значительной мере будут зависеть от того, какая стратегическая модель развития будет фактически реализована. В наиболее общем виде такого рода модели и характер их взаимосвязи с процессами формирования и использования интеллектуальной собственности представлены на рис. 1.

С одной стороны, необходимо признать, что как на федеральном, так и на региональном уровне¹ управления проблема инновационной модернизации экономики декларируется в качестве абсолютно приоритетной как минимум с начала 2000 г. При этом в большинстве из программных документов признается именно принципиальная роль интеллектуальной собственности (в первую очередь, в части человеческого капитала), активизации процессов формирования экономики знаний в решении стратегической задачи комплексной инновационной модернизации экономической системы.

Однако фактически проблема поддержки инноваций решается крайне инертно и несистемно. В этой связи нельзя не согласиться с мнением, в частности, Н.М. Авсянникова, который считает, что «в современных условиях Российской Федерации большинство программ государственной поддержки инновационной деятельности являются в

¹ В частности, в Республике Татарстан проблема инновационной модернизации рассматривается в качестве принципиально приоритетной в таких нормативно-правовых актах, как: Послание Президента Республики Татарстан Государственному Совету Республики Татарстан (январь 2012 г.) // www.tatar.ru (официальный сервер Правительства Республики Татарстан); Программа социально-экономического развития Республики Татарстан на 2011-2015 гг.; Программа развития инновационной деятельности в Республике Татарстан на 2004-2010 гг.; Программа развития и размещения производительных сил Республики Татарстан на основе кластерного подхода до 2020 г. и на перспективу до 2030 г.

значительной мере декларативными; на практике поставленные в их рамках задачи не достигаются или достигаются в крайне незначительной мере» [2, с. 127].

Рис. 1. Основные фактические сценарии развития отечественной экономики и соответствующие перспективы формирования и использования интеллектуальной собственности

К.С. Фиоктович придерживается еще более кардинальной точки зрения по данному вопросу. По его мнению, большинство программ инновационного развития принимается с целью «коррупционного освоения» выделенных на их реализацию финансовых ресурсов, а не

собственно для решения такой актуальной социально-экономической задачи, как комплексная инновационная модернизация экономики [3, с. 7]. По нашему мнению, такого рода позиция все же является излишне категоричной. Тем не менее, об определенной ее справедливости свидетельствуют такие факты, как коррупционные скандалы начала 2013 г. в фонде «Сколково», связанные с нецелевым использованием существенных объемов бюджетных средств. О системной неэффективности государственной поддержки инновационной деятельности в РФ свидетельствует и тот факт, что ОАО «Роснано» – одна из наиболее значимых организаций, призванных содействовать процессам инновационной модернизации, получило по итогам 2012 г. крайне существенный убыток в размере 24,3 млрд. руб.

О недостаточной фактической эффективности инновационной деятельности в РФ свидетельствует и тот факт, что расходы на инновации по отношению к ВВП РФ составляют 1,16% против аналогичного показателя в США – 2,9%, Германии – 2,82%, Японии – 3,26%. В значительной мере это связано с тем, что в РФ, в отличие от многих развитых государств мира, отсутствуют налоговые льготы для инвесторов в инновации. Кроме того, государственные ресурсы, которые должны направляться на цели софинансирования инновационной деятельности в частном секторе экономики, зачастую распределяются крайне «непрозрачно», между аффилированными с отдельными представителями государственной власти компаниями.

При этом необходимо отметить, что в Республике Татарстан создана и сравнительно успешно функционирует инновационная инфраструктура, аналогов которой нет в большинстве регионов РФ (технопарк «Идея», технополис «Химград», Инвестиционно-венчурный фонд РТ, в перспективе планируется создание в окрестностях г. Казань крупного IT-города, который также будет содействовать решению задачи инновационной модернизации экономики, в первую очередь на основании использования современных информационно-коммуникационных технологий и систем управления). Более высокая активность инновационной деятельности в РТ подтверждается и тем, что в экономике республики по итогам 2012 г. показатель отношения суммарных расходов на цели инноваций к валовому региональному продукту составил 1,79% [4, с. 451], что в 1,54 раза выше аналогичного показателя в целом по Российской Федерации.

Таким образом, во многом декларативная, недостаточно системная и не вполне эффективная инновационная деятельность в экономике РФ ограничивает и возможности развития и совершенствования интеллектуальной собственности. Так, на уровне многих крупных корпораций фактически приоритет уделяется инвестированию в дорогостоящее оборудование, а не реализации программ развития ИК персонала. На уровне государства поддержка интеллектуальной собственности также,

по сути, оставляет желать лучшего: так, в 2009-2013 гг. финансирование развития ИК работников государственных учреждений ВПО и НИИ увеличивалось крайне инертно; практически ни в одном из регионов РФ в настоящее время, в частности, не достигнута задача обеспечения среднего уровня оплаты труда вузовских преподавателей на уровне двукратной средней по региону в целом.

Кроме того, важно оценить, каким образом различные факторы формирования интеллектуальной собственности в совокупности оказывают влияние на активность инновационной деятельности в экономике РФ. Для этого построим многофакторную экономико-статистическую модель, которая имеет следующий общий вид (1):

$$ДИ = a_0 * ВПО^{a1} * ДПО^{a2} * НМА^{a3} * П^{a4} \quad (1)$$

где ДИ – доля инновационной продукции в общем объеме произведенной продукции в экономике государства, % (один из наиболее общих показателей интенсивности инновационной деятельности);

ВПО – темп изменения суммарных расходов на финансирование системы высшего профессионального образования, %;

ДПО – темп изменения общего объема финансирования системы дополнительного профессионального образования, %;

НМА – доля нематериальных активов в общей структуре внеоборотных активов в экономике государства;

П – количество выданных патентов за соответствующий период (тыс. шт.);

a_1, a_2, a_3, a_4 – коэффициенты эластичности при соответствующих факторных переменных модели, демонстрирующие, на сколько процентов изменится результирующая переменная (ДИ) при увеличении значения данной факторной переменной на 1%;

a_0 – свободный член многофакторной модели.

Таким образом, в модели (1) отражены основные образовательные факторы формирования ИС в стране. Конечно, на развитие интеллектуальной собственности определенное влияние оказывают и системы среднего и начального профессионального образования, но такого рода влияние гораздо менее существенно по сравнению с влиянием системы ВПО, в рамках которой осуществляется подготовка квалифицированных инженерно-технических работников, управленцев, экономистов и иных специалистов, ответственных за разработку и внедрение инноваций различного типа. В этой связи рост расходов на финансирование ВПО является и фактором ИС, и одним из базисов активизации инновационной деятельности в экономике.

Кроме того, в современных условиях быстрого обновления систем профессиональных знаний с точки зрения формирования системы ИС общества и активизации на данной основе инновационной деятельности принципиальное значение имеет и система дополнительного про-

ЭКОНОМИКА

фессионального образования (ДПО). В связи с этим темп изменения общего (бюджетного и внебюджетного) финансирования системы ВПО включен в модель (1).

Наконец, в рамках экономико-статистической модели влияния различных факторов формирования ИС на долю инновационной продукции в экономике РФ представлены показатели, характеризующие формирование такого элемента интеллектуальной собственности, как нематериальные активы, в частности показатель доли НМА в общей структуре внеоборотных активов в экономике в целом, а также показатель патентной активности.

Таким образом, в качестве факторных признаков в модели (1) приняты показатели, характеризующие различные составляющие интеллектуальной собственности. При этом, в идеале, влияние каждого из выделенных факторов должно быть положительным и эластичным ($a_i > 1$). Действительно, например, рост расходов на систему ДПО на 1% в результате получения сотрудниками организаций новых передовых знаний должен обеспечивать рост инновационной активности более, чем на 1%. Опять-таки, в идеале, рост НМА в форме приобретения передовых лицензий, компьютерных программ и пр. должен обеспечивать в среднем по экономике государства еще больший прирост уровня инновационной активности.

Исходные данные для построения модели представлены в таблице 1.

Таблица 1. Исходные данные для построения экономико-статистической модели влияния различных факторов формирования ИС на долю инновационной продукции в экономике РФ¹

Годы	Доля инновационной продукции в общем ее объеме, %	Затраты на финансирование системы ВПО, % к 2004 г.	Затраты на финансирование системы ДПО, % к 2004 г.	Доля нематериальных активов в стоимости внеоборотных средств, % (в среднем по экономике РФ)	Выданное количество патентов, тыс. шт.
Обозначения	ДИ	ВПО	ДПО	НМА	П
2005	5	109,4	112,3	0,37	23,3
2006	5,5	118,6	136,4	0,33	23,2
2007	5,7	128,3	159,1	0,48	23,0
2008	5,1	126,4	121	0,42	28,8
2009	4,6	134,2	109,3	0,53	34,8
2010	4,9	143,1	114	0,57	30,3
2011	6,1	156,7	164,4	0,64	29,9
2012	6,8	157,2	178,5	0,61	31,4

¹ Данные Федеральной службы государственной статистики.

Модель (1) построена автором в программной среде MSExcel. Статистические оценочные параметры модели приведены в Приложении 1. Модель является достаточно статистически репрезентативной, о чем свидетельствуют близкие к единице значения коэффициента множественной корреляции ($R = 0,97$) и коэффициента детерминации ($R^2 = 0,94$):

$$ДИ = 0,061 * ВПО^{0,24} * ДПО^{0,63} * НМА^{-0,15} * П^{0,04} \quad (2)$$

Исследование коэффициентов эластичности построенной модели позволило сделать вывод о недостаточно эффективном влиянии факторов формирования интеллектуальной собственности на долю инновационной продукции в отечественной экономике, а именно:

1. Фактор ВПО оказывает неэластичное влияние на уровень инновационной активности. Так, при увеличении суммарных расходов на финансирование системы высшего профессионального образования на 1%, при прочих равных условиях, доля инновационной продукции в общем ее объеме возрастает лишь на 0,24%. Подобное неэластичное влияние вызвано, по нашему мнению, прежде всего недостаточным качеством образования во многих вузах России, а также существенным несопадением спроса и предложения услуг молодых специалистов по ряду профессий.

2. Фактор дополнительного профессионального образования (ДПО) оказывает хотя и также неэластичное, но наибольшее из всех факторов формирования ИК влияние на уровень инновационной активности ($a_2 = 0,63$). Тем самым, система ДПО в РФ является сравнительно эффективной с точки зрения обновления знаний сотрудников организаций различных видов деятельности, совершенствования ИС компаний и активизации на данной основе инновационных процессов.

3. Нами выявлено аномальное, отрицательное влияние фактора НМА на показатель доли инновационной продукции в отечественной экономике. По нашему мнению, такого рода диспропорция обуславливается, в первую очередь, тем, что зачастую отечественные компании приобретают нематериальные активы, например дорогостоящие лицензии, и впоследствии не используют их или используют не в полной мере, недостаточно эффективно. Кроме того, значительная часть НМА, например дорогостоящие информационные системы управления, комплексные ERP-системы управления производством, зачастую приобретаются по существенно (в разы) завышенным ценам по сравнению с их реальной рыночной стоимостью. Так, в частности, по оценке В.А. Супруна рынок нематериальных активов в РФ является одним из наименее «прозрачных» сегментов отечественной экономики [5, с. 43]. Указанные причины в комплексе, на наш взгляд, и обуславливают наличие аномального, отрицательного влияния НМА на уровень инновационной активности в экономике РФ 2005-2012 гг.

4. Фактор интенсивности патентования (П) оказывает крайне неэластичное влияние на долю инновационной продукции. Так, при увеличении выданных патентов на 1% доля инновационной продукции возрастает в среднем лишь на 0,04%, что, по сути, является статистической погрешностью. Тем самым, можно сделать вывод о том, что подавляющая часть выданных патентов в РФ впоследствии не используется в реальном секторе экономики и, соответственно, не оказывает никакого влияния на инновационные процессы.

В целом, построенная модель позволяет выделить направление и эластичность влияния отдельных факторов формирования различных элементов интеллектуальной собственности на долю инновационной продукции в экономике государства и обосновать мероприятия по совершенствованию использования факторов ИС с целью увеличения уровня инновационной активности.

Следует также отметить, что тесная взаимосвязь между ИС, инновационной активностью и долгосрочным уровнем конкурентоспособности предприятий различных форм собственности и видов экономической деятельности признается практически всеми исследователями. Выявление новых факторов обеспечения конкурентоспособности отечественных предприятий нуждается в активном внедрении технологических и управленческих инноваций, финансовым проявлением реализации которых является интеллектуальная собственность.

Основными стратегическими направлениями развития предприятий, которые заинтересованы в повышении интеллектуализации своего производства, являются активное инвестирование в нематериальные активы (НМА), стимулирование интеллектуальной активности персонала и повышение деловой репутации предприятия.

Современная рыночная интеллектуальная экономика в РФ – это смешанная экономика, в которой интеллектуальная продукт создается под влиянием собственных рыночных усилий, которые направляют предпринимательскую активность на рост интеллектуальной собственности, а государство регулирует этот процесс, устанавливая правовую структуру бизнеса и контролируя ее соблюдение.

Мировая система хозяйствования стимулирует развитие соответствующих производственных систем на национальном и транснациональном уровнях. Основываясь на таких выводах, по нашему мнению, можно проявить новые черты экономической глобализации, которые связаны с развитием интеллектуальной собственности как авансированной интеллектуальной собственности, которая в процессе своего движения приносит большую стоимость за счет добавочной стоимости.

Анализируя национальные инновационные системы (НИС) разных государств, можно установить некоторые общие закономерности и ос-

новные тенденции инновационной деятельности, а именно: усиление зависимости производства товаров и услуг от научных знаний и технологий, увеличение количества производителей новых знаний, рост зависимости инновационной динамики от успешного взаимодействия и сотрудничества между фирмами, распространение новых технологий, которые предусматривают, кроме купли нового оборудования, организационные изменения в системе менеджмента.

В долгосрочной перспективе интеллектуальная собственность способствует формированию различных элементов национальной инновационной системы государства. К основным элементам НИС РФ можно отнести [6, с. 121]:

- комплекс институтов, которые принимают участие в производстве, передаче и использовании знаний, а также трансформации их в производственные, организационные, технологические и иные научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки, используемые в различных секторах экономики;
- фирмы и образованные ими сети и коммуникации, в том числе в рамках промышленно-инновационных территориальных кластерных образований;
- научную систему;
- элементы рыночной инфраструктуры;
- макроэкономическую политику и формы государственного регулирования;
- систему образования и профессиональной подготовки;
- товарные рынки, рынки факторов производства, рынки работы;
- систему финансирования инноваций

Главными структурообразующими блоками НИС России можно считать предприятия, научно-техническую сферу и инновационную инфраструктуру. Структура и, соответственно, функциональная неразвитость НОС проявляются, более всего, в ее институциональном секторе, для которого характерным есть: неполнота инновационного законодательства в части определения правовых, экономических и организационных основ государственного регулирования развития инновационных процессов, а также трансфера технологий, включая трансфер технологий «двойного использования» и связанного с процедурами оценки и введение в хозяйственное обращение объектов интеллектуальной собственности в сфере науки и технологий, в частности, регулирование вопросов правовой охраны объектов, созданных за счет средств государственного бюджета.

Кроме того, на процессы формирования и развития интеллектуальной собственности в отечественной экономике существенное влия-

ние оказывают и факторы институционального порядка, основными из которых являются [7, с. 71]:

1. Действующие в России правовые нормы (прежде всего Конституция РФ), обеспечивающие демократизм общественного строя, развитие рыночных отношений и конкурентоспособность экономики, включая ее транспарентность, предсказуемость и др.

2. Институциональная составляющая науки и образования в России – Российская Академия наук и ее институты, другие объединения и институты научной общественности, отечественная система подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов и ученых.

3. Совокупная капитализация отечественных компаний за вычетом стоимости материальных активов (а также стоимости брендов, т.к. они относятся к потребительскому капиталу страны).

4. Социальные институты (организации), обеспечивающие осуществление менеджмента и управленческое консультирование.

5. Федеральные и региональные целевые программы, финансируемые из федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ и внебюджетных источников.

6. Технологии, техническое и программное обеспечение государственного управления и статистики, разработки стратегии, стандартизации, ведения национальных счетов, бухгалтерского учета и аудита, геоинформационные системы, действующие программы информационного обеспечения, их соответствие международным нормам и стандартам. Как показывают исследования, только открытость, прозрачность стратегии предприятия повышает рыночную стоимость его акций на 18-30%.

По результатам анализа специальной литературы, построенной экономико-статистической модели влияния факторов формирования интеллектуальной собственности на активность инновационной деятельности нами систематизированы основные проблемы развития интеллектуальной собственности в отечественной экономике (таблица 2).

В целом, основой стратегического курса развития отечественной экономики, его базовым приоритетом должна стать реализация государственной политики, направленной на внедрение инновационной модели развития на основе разработки и внедрения национальных инновационных систем, основанных на формировании интеллектуальной собственности и осуществлении коммерциализации, которая будет оказывать содействие развитию России как высокотехнологического государства, эффективной ее интеграции в современные европейские и, в целом, мировые постиндустриальные инновационно-информационные экономические отношения.

Таблица 2. Основные проблемы развития интеллектуальной собственности в отечественной экономике (систематизировано автором)

Группы проблем	Конкретные проблемы развития ИС в экономике РФ
1. Финансовые	<ul style="list-style-type: none"> – недостаточность финансирования сферы высшего образования – основной отрасли, формирующей ИС государства (по показателю отношения бюджетных расходов на финансирование высшего образования РФ к ВВП в 2-2,5 уступает развитым государствам Западной Европы); – нерациональность финансирования приобретения нематериальных активов отечественными организациями; – общая тенденция компаний к экономии собственных расходов на воспроизводство интеллектуальной собственности организации.
2. Организационные	<ul style="list-style-type: none"> – относительно низкая транспарентность государственных организаций (госкомпаний, фондов), ответственных за активизацию инновационной деятельности и развитие ИК; – недостаточно эффективная организация процессов патентования изобретения и их последующего внедрения в производство.
3. Институциональные	<ul style="list-style-type: none"> – несовершенство института обеспечения и защиты прав собственности, в том числе интеллектуальной собственности; – неспособность института высшего образования в полной мере обеспечить кадрами с высоким уровнем интеллектуальной собственности потребности экономики; – недостаточная эффективность, непрозрачность института государственно-частного партнерства, не позволяющая, в том числе, и активно реализовывать совместные государственно-частные проекты в сфере совершенствования ИС.
4. Методические	<ul style="list-style-type: none"> – отсутствие общепризнанного методического инструментария оценки величины и динамики ИС; – неразвитость инструментов оценки влияния ИС на инновационную деятельность, эффективность и стоимость компаний, в том числе холдингового типа; – недостаточная развитость механизмов внутрикорпоративного развития ИС (корпоративные университеты, собственные системы ДПО, дополнительное страхование здоровья работников организации и пр.).

Литература:

1. Палей Т.Ф. Инновационный менеджмент. – Казань, 2000. – С. 11.
2. Авсянников Н.М. Инновационный менеджмент. – М.: Из-во РУДН, 2011. – С. 137.
3. Фиоктович К.С. Развитие интеллектуальной собственности: межгосударственные сопоставления // Российский бизнес-журнал. – 2012. – № 4. – С. 7.
4. Республика Татарстан в цифрах: Стат. ежегодник. – Казань: Из-во Федеральной службы гос. статистики по РТ, 2013. – С. 451.
5. Супрун В.А. Интеллектуальная собственность. – М.: Либроком, 2010. – С. 43.
6. Фатхутдинов Р.А. Инновационный менеджмент. – СПб.: Питер, 2012. – С. 121.
7. Заборовская О.В. Формирование и развитие человеческого капитала в регионе. – СПб.: Из-во СПбГУЭиФ, 2012. – С. 71.
8. Посталюк М.П. Управление и самоуправление инновационными отношениями в экономической системе // ВЭПС. – 2012. – № 3. – С. 71-77.

9. Посталюк М.П. Диверсификация институтов в процессе традиционно-инновационного развития национальных экономических систем // Проблемы современной экономики. – 2009. – № 2. – С. 57-69.

10. Посталюк М.П. Инноватизация пространственных структур развития экономических систем // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 33 (51). – С. 34-37.

References:

1. Paley T. Innovation Management. – Kazan, 2000. – P. 11.

2. Avsyannikov N. Innovative Management. – M.: Because in the People's Friendship University, 2011. – P. 137.

3. Fioktovich K. Intellectual Property Development: interstate comparisons // Russian business magazine. – 2012. – № 4. – P. 7.

4. The Republic of Tatarstan in figures: Statistical Yearbook. – Kazan: Publishing House of the Federal Service for the Republic of Tatarstan, 2013. – P. 451.

5. Suprun V. Intellectual property. – M.: LIBROKOM, 2010. – P. 43.

6. Fatkhutdinov R. Innovation Management. – St. Ptb.: Peter, 2012. – P. 121.

7. Zaborovskaya O. The formation and development of human capital in the region. – St. Ptb.: 2012. – P. 71.

8. Postalyuk M. Management and self-management of innovation relationship in the economic system // VEPS. – 2012. – № 3. – P. 71-77.

9. Postalyuk M. Diversification of institutions in the process of traditional and innovative development of national economic systems // Problems of modern economy. – 2009. – № 2. – P. 57-69.

10. Postalyuk M. Innovatization of spatial patterns of economic systems // Problems of modern economy. – 2014. – № 33 (51). – P. 34-37.

УДК 332.1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КЛАСТЕРНОГО ПОДХОДА В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИННОВАТИЗАЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ

USING THE CLUSTER APPROACH IN THE SYSTEM OF SECURITY INNOVATIZATION RUSSIAN ECONOMIC SPACE

ПОСТАЛЮК М.П., д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой экономической теории и инноватизации экономики Университета управления «ТИСБИ»

ВАЛЕЕВА Р.Р., канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории и инноватизации экономики Университета управления «ТИСБИ»

POSTALYUK M., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Economic Theory and Innovatization Economy Chair, the University of Management «TISBI»

VALEEVA R., PhD, Associate Professor, Department of Economic Theory and Innovatization Economy, the University of Management «TISBI»

Аннотация

В статье проведен аналитический обзор понятий «экономическая безопасность» и «инноватизация», предложена характеристика инноватизации

безопасности экономического пространства России с помощью применения кластерного подхода.

Ключевые слова: экономика, безопасность, стратегия, инновации, инвестиции, кластер, региональный кластер, инновационный территориальный кластер, инновационное развитие, экономические системы, пространственные структуры, инноватизация экономического развития, инновационность, инновативность, инновационное насыщение региональных структур экономического роста, элементы структур устойчивого развития экономических систем.

Abstract

The article provides an analytical overview of the concepts of «economic security» and «innovatization». The authors propose innovatization the characteristics of Russian economic space security with the use of a cluster approach.

Key words: economy, security, strategy, innovations, investments, cluster, regional cluster, an innovative regional clusters, innovative development, economic systems, three-dimensional structures, innovatization economic development, innovation, innovative, innovative saturation of the regional structures of economic growth, the structure of sustainable development of economic systems.

Экономическая безопасность занимает в структуре национальной безопасности особое место. Это обусловлено тем, что все виды безопасности так или иначе не могут быть в достаточной степени реализованы без экономического обеспечения.

Под экономической безопасностью территории [6] следует понимать достаточность обеспечения собственными финансовыми и другими необходимыми ресурсами, создание благоприятных условий для развития экономики, повышения уровня конкурентоспособности всех секторов хозяйства и защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства в социально-экономической сфере от внутренних и внешних угроз.

Иерархия уровней экономической безопасности рассматривается в следующих (двух) аспектах:

1) функциональном (финансовая, информационная, интеллектуальная, инновационная, энергетическая, промышленная, внешнеэкономическая, продовольственная, демографическая);

2) пространственном (мировая (глобальная), международная (блочная – объединение стран), национальная, региональная, территориальная, отраслевая, предпринимательская, личная).

Под территориальной экономической безопасностью понимается самодостаточное, сбалансированное, динамичное функционирование и развитие территориальной социально-экономической системы и мест-

ного сообщества, что позволяет получать определенные синергетические эффекты.

В итоге можно сказать, что безопасность определяется с точки зрения вероятности угроз и негативных факторов воздействия на различные субъекты, но вот величина вероятности и угроз, качественные параметры негативных факторов остаются не достаточно определенными. Кризисные явления в экономике России иллюстрируют необходимость глубинных структурных изменений в реальном секторе, при этом инерция развития российской экономики создает условия для внутренних диспропорций, усиливающихся под давлением внешних факторов [7; 10].

Для получения положительных результатов реализуемой экономической политики в России необходимо комплексное использование традиционных и нестандартных подходов в экономических стратегиях территорий, реализуемых при инноватизации народной и региональной экономик.

Инноватизация пространственных структур устойчивого развития экономических систем [8; 9] представляет собой процесс накопления, сохранения, использования и развития инновационного потенциала хозяйствующих субъектов экономической системы. Инноватизация проявляется и реализуется в двух основных формах экономической деятельности хозяйствующих субъектов – инновационности и инновативности. Инновационность – это креативные возможности и способности хозяйствующих субъектов создавать различные типы инноваций посредством созидательного разрушения (И.Шумпетер) своей технической, технологической, организационной, управленческой, социальной, экологической, экономической, институциональной и иной внутренней среды обитания. Инновативность – это креативные возможности и способности хозяйствующих субъектов транслировать, мультиплицировать различные типы инноваций посредством заимствования их из другой технической, технологической, организационной, управленческой, социальной, экологической, экономической, институциональной и иной внешней среды своего обитания.

Устойчивое ускорение развития экономических систем осуществляется посредством различных методов стратегирования основных форм инноватизации, которые являются основой повышения эффективности экономической деятельности хозяйствующих субъектов и влияют на инновационное насыщение региональных структур экономического развития. Существует прямая связь между уровнем конкурентоспособности, устойчивостью экономической системы и инноватизацией структур ее развития, поскольку именно конкурентоспособность образуется через способность структур бизнеса, власти и общества и инфраструктурного устройства привести к устойчивому развитию. Основополагающим

же ориентиром национальной конкурентоспособности и устойчивости развития является набор стабильных темпов экономического роста. Таким образом, устойчивое развитие представляет собой структурную сбалансированность внутренних и внешних элементов экономической системы, гарантирующих ее непрерывный перманентный рост и конкурентоспособность.

Значительное влияние кластерной политики на рост конкурентоспособности страны и регионов позволяет говорить о важном значении кластеризации в укреплении экономической безопасности территорий. Согласно данным Всемирного экономического форума [12] Россия укрепила свои позиции в рейтинге глобальной конкурентоспособности в 2013 г., по сравнению с 2012 г., хотя и остается наименее конкурентоспособной среди стран группы БРИКС: поднялась в рейтинге с 67-го до 64-го места (рис. 1).

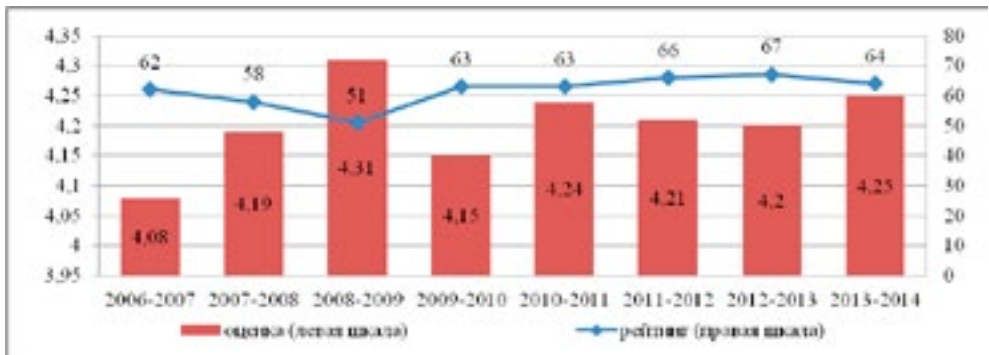

Рис. 1. Место России в рейтинге Всемирного экономического форума по Индексу глобальной конкурентоспособности [5]

Одним из 12-ти составляющих индекса глобальной конкурентоспособности является уровень развития бизнеса, определяемый качеством бизнес-сетей страны. Когда компании и поставщики объединены в группы (кластеры) и географически находятся близко друг к другу, эффективность растет, возникает больше возможностей для инноваций и снижается количество барьеров для появления новых фирм. В результате индивидуальной деятельности и разработки стратегий фирм возникают комплексные и современные бизнес-процессы, так как новые идеи переходят от одних компаний к другим.

Основными показателями, характеризующими действенность кластерного проекта, являются оптимизация основных показателей производственно-хозяйственной деятельности участников кластера; увеличение объема налоговых поступлений в регионе; увеличение количества предприятий в структуре кластера; увеличение численности занятых на предприятиях, функционирующих в рамках кластера; рост привлече-

ния инвестиций, связанных с дальнейшим инновационным развитием кластера; увеличение доли наукоемкой продукции кластера; увеличение количества высококвалифицированных рабочих мест. В качестве основного результата реализации кластерного проекта выступает существенное повышение уровня экономической безопасности региона и его конкурентоспособности.

В условиях политической нестабильности, когда с марта 2014 г. ряд стран начал вводить санкции по отношению к России, в условиях резкой девальвации рубля в декабре 2014 г., которая привела к повышению тревоги населения и экономических агентов, Россия может осуществить прорыв путем формирования в регионах кластеров.

Формирование именно региональных кластеров [11] связано с их особенными признаками:

- доля регионального кластера на рынке соответственной продукции (мировом и национальном) выше средней доли экономики региона, выраженной в валовом региональном продукте (ВРП) на этом рынке;

- темп прироста продукции регионального кластера выше среднего темпа прироста ВРП;

- конкурентоспособность регионального кластера с учетом качества продукции и удельных затрат не отстает от соответствующих секторов экономики иных регионов и государств;

- стабильное кооперирование отраслей, которые входят в региональный кластер, создание на данной основе агломерационных процессов, сетевых форм предприятий;

- раскручивание маркетинговых и информационных отношений между организациями регионального кластера с помощью современных технологий, создания в границах межрегиональной экономической интеграции единых стандартов производства, управления и поставок, широкое развитие кластерных брендов.

В рамках кластерного подхода комплексно решаются задачи региональной стратегии интегрирующего характера: направленные на повышение конкурентоспособности экономики региона, промышленной политики; нацеленные на создание конкурентоспособного промышленного комплекса региона; устремленные к переходу на инновационную модель регионального развития; обращенные к развитию конкурентной среды, малого и среднего бизнеса во взаимодействии с крупным; решающие проблемы повышения образовательного уровня в регионе, сконцентрированные на развитии региональной инфраструктуры и др.

Правительством Российской Федерации намечен четкий курс на использование кластеров в повышении экономической безопасности российской экономики. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р) намечен

переход России от так называемой «сырьевой» экономики к инновационному социально ориентированному типу развития экономики [2].

Основными направлениями развития в Концепции назначены: развитие конкурентных рынков рабочей силы, товаров и услуг, капитала; либерализация экономической среды, становление институтов государственно-частного партнерства (ГЧП), снижение инвестиционных и предпринимательских рисков; помощь в развитии малого и среднего бизнеса, уменьшение излишней части государственного и муниципального секторов экономики и др.

Концепция кластерной политики в России содержит несколько блоков: продвижение институционального развития кластеров; меры, направленные на рост конкурентоспособности участников кластера; создание благоприятных условий для развития кластера.

Распоряжением Правительства РФ от 6 марта 2015 г. № 373-р утвержден план реализации в 2015-2016 годах Стратегии инновационного развития России [4]. Выполнение плана будет способствовать развитию базовых элементов поддержки инноваций, динамичному формированию социально ориентированной инновационной экономики. В направлении помощи территориям инновационного развития сформировано 25 пилотных инновационных территориальных кластеров, расположенных в 20 субъектах Федерации.

Подписанное Правительством РФ в 2015 г. Постановление «О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров» устанавливает ограничения к промышленным кластерам и специализированным организациям промышленных кластеров для применения к ним мер стимулирования деятельности в сфере промышленности [1].

Правительством России определены требования и осуществляется государственная поддержка 26-ти инновационных территориальных кластеров по линии Минэкономразвития, хотя реализуемых кластерных инициатив в настоящее время намного больше. По оценкам Ассоциации кластеров и технопарков, насчитывается свыше 400 территориальных форм кооперации бизнеса, относящих себя к кластерам, не менее 50% из которых по специализации относят себя к категории промышленных кластеров. По итогам анализа документов, подготовленных кластерами, Минпромторг сможет получить реальную информацию о количестве фактических промышленных кластеров и реализуемых ими инвестиционных проектах, которым нужна государственная поддержка.

Поддержка в размере 1,3 млрд. рублей была оказана 13-ти кластерам в 2013 г., в следующем году было выделено 2,5 млрд. рублей 25-ти кластерам. На 2015 г. предполагалось финансирование в объеме 2,5 млрд. рублей. По словам статс-секретаря – заместителя министра Минэкономразвития России Олега Фомичева, в связи с программой

развития кластеров рассчитана помощь в развитии проектов в области несырьевого экспорта и импортозамещения. Кроме того, предполагается создание условий для развития малого и среднего предпринимательства. Несмотря на общее сокращение бюджетных расходов, обусловленных экономическим кризисом, в рамках Плана обеспечения устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 г., предусматриваются сохранение и увеличение поддержки инноваций, как это было и в рамках Плана антикризисных мер 2009 г. [3].

Прогнозное значение совокупной выручки по 25-ти отобранным кластерам в 2016 г. составит 3810,6 млрд. руб. в ценах 2011 г. – прирост на 105% по отношению к 2011 г. В целом, по оценкам Минэкономразвития России, в 2016 г. общее число рабочих мест на предприятиях и в организациях – участниках кластеров с уровнем заработной платы, превышающим на 100% средний уровень в регионах базирования кластера, должно увеличиться до 331692 единиц, или на 84,7%, по сравнению с 2011 г.

В заключение стоит отметить, что для получения положительных результатов реализуемой экономической политики в России необходимо комплексное использование традиционных и нестандартных подходов в экономических стратегиях территорий в том числе с использованием кластерных технологий.

Литература:

1. Постановление Правительства РФ от 31 июля 2015 г. № 779 «О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 32. – Ст. 4768.
2. Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года» (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 47. – Ст. 5489.
3. Распоряжение Правительства РФ от 27 янв. 2015 г. № 98-р «О плане первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 г.» (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 5. – Ст. 866.
4. Распоряжение Правительства РФ от 06.03.2015 г. № 373-р «Об утверждении плана реализации в 2015-2016 годах Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» (ред. от 29.12.2015 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 11. – Ст. 1648.
5. Валеева Р.Р., Васильев В.Л. Применение кластерного подхода для повышения экономической безопасности территории: Сб. материалов IX Междунар. научн. конгресса «Роль бизнеса в трансформации общества-2014». – М.: Эдитус, 2014. – С. 53-56.
6. Валеева Р.Р., Васильев В.Л. Кластеры как фактор повышения экономической безопасности российской экономики // Вестник академии. – 2015. – № 5. – С. 169-173.
7. Гафуров И.Р., Васильев В.Л., Кашбиева Р.Р. Мировой финансовый кризис: причины возникновения и последствия для российской экономики: Учебн. пос. – Казань: Изд-во КГТУ, 2013.
8. Посталюк М.П. Инновационные отношения в экономической системе (теоретико-методологический аспект): Дисс. ... д-ра экон. наук, 2006.
9. Посталюк М.П. Инноватизация пространственных структур развития экономических систем // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 33 (51). – С. 34-37.

10. Шутов И.В., Валеева Р.Р. К вопросу о современном функционировании национальной финансовой системы // Вестник академии. 2014. – № 4 (41). – С. 112-115.
11. Вагизова В.И. Кластеризация как инновационная форма диверсификации хозяйственных систем и фактор повышения конкурентоспособности экономики Татарстана // Проблемы современной экономики. – 2009. – № 4. – С. 336-339.
12. Postaliuk M., Postaliuk T., Vagizova V. Implementation forms of institutional support for traditional and innovative development of national economic systems // Investment Management and Financial Innovations. – 2013. – № 4. – Т. 10. – С. 88-94.
13. Valeeva R., Valeeva A. Formation of the model of an innovation cluster in the industrial area // Наука и инновационные разработки – Северу: Сб. тезисов докладов Междунар. научно-практич. конф. – М.: Изд-во «Перо», 2014. – С. 179-180.
14. The Global Competitiveness Report 2013-2014 // World Economic Forum, 2013 // <http://www.weforum.org/gcr>

References:

1. Government Decree of the Russian Federation dated July 31, 2015 № 779 «On industrial clusters and specialized organizations of industrial clusters» // Collection of the legislation acts of the Russian Federation. – 2015. – № 32. Art. 4768.
2. The RF Government Order dated November 17, 2008 № 1662-р «On the Concept of Long-Term Socio-Economic Development of the Russian Federation for the period up to 2020 (as amended)» // Collection of the legislation acts of the Russian Federation. – 2008. – № 47. – Art. 5489.
3. The RF Government Order dated January 27, 2015 № 98-р «On the plan of priority measures to ensure the sustainable economic development and social stability in 2015 (as amended)» // Collection of the legislation acts of the Russian Federation. – 2015. – № 5. – Art. 866.
4. The RF Government Order dated 3/6/2015 № 373-р «On approval of the plan of implementation in 2015-2016 the Innovative Development Strategy for the period up to 2020» (as amended on 12.29.2015) // Collection of the legislation acts of the Russian Federation. – 2015. – № 11. – Art.1648.
5. Valeeva R., Vasiliev V. The cluster approach to improve the economic security of the territory (article) // Collection of materials of the Ninth International Scientific Congress «The Role of Business in Society Transformation 2014». – М.: Editus, 2014. – P. 53-56.
6. Valeeva R., Vasiliev V. Clusters as a factor of economic security of the Russian economy // Bulletin of the Academy. – 2015. № 5. – P. 169-173.
7. Gafurov I., Vasiliev V., Kashbieva R. The global financial crisis: causes and consequences for the Russian economy: the manual. – Kazan: Publishing House of Kazan State University Press, 2013.
8. Postalyuk M. Innovative relations in the economic system (theoretical and methodological aspect): Thesis for a Doctor of Economics, 2006.
9. Postalyuk M. Innovatization spatial patterns of economic systems // Problems of modern economy. – 2014. – № 33 (51). – P. 34-37.
10. Shutov I., Valeeva R. To a question of current functioning of a national financial system // Bulletin of the Academy. – 2014. – № 4 (41). – P. 112-115.
11. Vagizova V. Clustering as an innovative form of diversification of economic systems and increase of competitiveness of the economy of Tatarstan // Problems of modern economy. – 2009. – № 4. – P. 336-339.
12. Postaliuk M., Postaliuk T., Vagizova V. Implementation forms of institutional support for traditional and innovative development of national economic systems // Investment Management and Financial Innovations. – 2013. – V. 10. – № 4. – P. 88-94.
13. Valeeva R., Valeeva A. Formation of the model of an innovation cluster in the industrial area // Science and innovation – Abstracts of the International scientific-practical conference. – М.: PERO, 2014. – P. 179-180.
14. The Global Competitiveness Report 2013-2014 // World Economic Forum, 2013 // <http://www.weforum.org/gcr>

**ИННОВАТИЗАЦИЯ ЦЕНОВОЙ СТРАТЕГИИ
В СТОМАТОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ**

**INNOVATIZATION OF A PRICING STRATEGY
IN DENTAL PRACTICE**

ГОРЯЧЕВ Д.Н., канд. мед. наук, ассистент кафедры терапевтической стоматологии ГБОУ ВПО «Казанский государственный медицинский университет» Минздрава России

E-mail: gorychevdn@yandex.ru

ВАРЛАМОВ С.В., студент ГБОУ ВПО «Казанский государственный медицинский университет» Минздрава России

E-mail: over-water@mail.ru

ГОРЯЧЕВ Н.А., канд. мед. наук, доцент кафедры терапевтической стоматологии ГБОУ ВПО «Казанский государственный медицинский университет» Минздрава России

GORYACHEV D., Cand. of Med. Sciences, lecturer, Therapeutic Dentistry Chair, Kazan state medical University

VARLAMOV S., a student, Therapeutic Dentistry Chair, Kazan state medical University

GORYACHEV N., Cand. of Med. Sciences, Therapeutic Dentistry Chair, Kazan state medical University

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные вопросы формирования цены на стоматологические услуги. Особое внимание уделено ценовой стратегии в стоматологическом бизнесе, методам ценообразования. Подчеркивается зависимость цены на стоматологические услуги от спроса и предложения.

Ключевые слова: цена, прибыль, рынок, стоматологические услуги, издержки, спрос, ценовая стратегия.

Abstract

The article considers the topical formation issues of the prices for dental services. Particular attention is paid to the pricing strategy in the dental business, pricing methods. It emphasizes the dependence of the price of dental services on supply and demand.

Key words: price, profit, market, dental care, cost, demand, pricing strategy.

Стоматологическая практика – одно из самых старых направлений медицинского бизнеса, которое базируется на весьма устойчивом спросе. У человека много зубов, и когда хотя бы один из них начинает бес-

покоить его, он готов идти на существенные затраты для избавления от неприятных ощущений.

В стоматологической практике с помощью маркетинга можно решить проблемы удовлетворения потребностей пациентов, которые приведут к коммерческому успеху клиники и принесут пользу обществу.

Основными элементами рынка стоматологических услуг являются: спрос, предложение, потребительская способность населения, конкуренция, рыночная цена.

Спрос на стоматологические услуги бывает двух видов – первичный и вторичный.

К услугам первичного спроса относятся услуги, интуитивно понятные пациенту. За ними пациент может обратиться сам, без направления специалистов. Вся экстренная стоматологическая помощь относится к первичному спросу (терапевтическая, хирургическая и ортопедическая стоматология, а также стоматология детского возраста). К услугам вторичного спроса относятся все виды помощи, которые пациенту «не понятны» либо «не актуальны без рекомендаций специалиста» и никогда не бывают экстренными (пародонтология, дентальная имплантация, ортодонтическая коррекция, рентгенодиагностика и профессиональная гигиена, например, профессиональная чистка зубов). Особенности спроса на стоматологические услуги важно знать еще и потому, что они напрямую влияют на эффективность любых маркетинговых технологий.

На спрос стоматологических услуг существенное влияние оказывает стоимость: при прочих равных условиях величина спроса тем выше, чем ниже цена.

В соответствии с экономической теорией закон спроса гласит: при неизменности всех прочих параметров снижение цены ведет к увеличению спроса, и, наоборот, повышение цены ведет к его уменьшению. Так, в стоматологической практике это прежде всего сохранение одного и того же уровня качества стоматологических услуг, неизменность рекламной активности и другие факторы. И что также важно – неизменность в действиях конкурентов [4].

Специфика рынка стоматологических услуг вносит свои коррективы в действие законов спроса и предложения. Во-первых, в стоматологической практике неприемлем эффект распродаж. У части пациентов резонно возникает сомнение по поводу качества «распродаваемых» стоматологических услуг, поскольку высокое качество определяется высокой себестоимостью. Во-вторых, лечение зуба – это не употребление в пищу пирожных, когда каждое последующее приносит меньше удовольствия, чем предыдущее. Если есть необходимость лечения нескольких зубов, то лечить придется все.

Рынок стоматологических услуг представляет «механизм», сводящий вместе потенциальных пациентов и «продавцов» услуг. В условиях

развитого города, например такого, как Казань, он имеет выраженные черты рынка монополистической конкуренции. Это проявляется, прежде всего, в:

- большом количестве стоматологических клиник и острой конкурентной борьбе;
- дифференциации стоматологических услуг: один и тот же вид стоматологических услуг, предлагаемый различными клиниками, может значительно отличаться по качеству исполнения, используемым технологиям и материалам, степени безопасности и др.;
- наличии неценовой конкуренции, суть которой заключается в том, что «соперничество» между стоматологическими клиниками проявляется не только в повышении или понижении цен на свои услуги (как на товары на продовольственном рынке), но и в таких важнейших неценовых факторах, как реклама, PR (паблик рилейшнз) и др.;
- легкости проникновения на рынок стоматологических услуг [1].

В настоящее время отсутствуют серьезные ограничения для «вхождения» на рынок стоматологических услуг. Наличие стартового капитала, необходимых документов (лицензий, сертификатов и др.) позволяет любому желающему открыть стоматологическую клинику или кабинет.

Так, например, рынок стоматологических услуг г. Казань состоит из большого количества клиник, предлагающих не всегда взаимозаменяемые услуги, отличающиеся, прежде всего, качеством, используемыми технологиями, уровнем сервиса и др. Именно поэтому на таком рынке диапазон цен достаточно широк.

Ценовая стратегия представляет собой варианты изменения цены на стоматологические услуги в динамике, исходя из условий рынка и цели клиники. Ценовые стратегии в маркетинге, с одной стороны, являются условием позиционирования стоматологических услуг, а с другой – цена формируется под воздействием определенных факторов:

- структуры рынка;
- положения стоматологической клиники на рынке;
- уникальности стоматологической услуги;
- соотношения цены стоматологической услуги и качества;
- конкурентоспособности стоматологической услуги.

Цена на стоматологическую услугу зависит как от спроса, так и от предложения. Она также связана с издержками, т.е. комплексом затрат на производство и продвижение стоматологической услуги, выраженным в денежной форме. Издержки могут быть постоянные и переменные. Постоянные издержки – это затраты, которые остаются неизменными независимо от объемов производства и реализации услуг (аренда помещения, коммунальные платежи, проценты за кредит и т.д.). Переменные издержки – это затраты, величина которых напрямую связана с объемом производства (расходные стоматологические и другие ма-

териалы, заработная плата, налоги, транспортные расходы и т.д.). Во многих стоматологических клиниках врачи-стоматологи получают не фиксированную зарплату, а установленный процент от своей выручки. Поэтому зарплата врача-стоматолога в данном случае фактически входит в переменные издержки производства. Суммирование всех постоянных и всех переменных издержек (включая расклассифицированные смешанные издержки) дает полные (валовые) издержки.

Изменение цены влияет на общую выручку (доход) от реализации стоматологических услуг. Причем если в случае эластичного спроса при увеличении цены общая выручка растет (т.к. прирост продаж оказывается более чем достаточным для компенсации потерь от снижения цены), а при уменьшении цены – падает, то в случае неэластичного спроса наблюдается прямо противоположная картина. Если же коэффициент эластичности равен единице, то общая выручка остается постоянной при изменении цены в любую сторону.

Ценность стоматологической услуги основывается на ее покупательском восприятии. Стоматологическая клиника может формировать ее для потребителя самостоятельно, используя различные маркетинговые технологии. Не стоит забывать и о том, что врач-стоматолог, являясь полноправным участником рыночных отношений, сам обязан «создавать» ценность для пациента не только тех стоматологических услуг, которые он в состоянии предложить, но и свою, «личную» ценность.

Существует множество методов ценообразования:

– Метод затратного ценообразования, принимающий в качестве отправной точки фактические затраты (издержки) клиники на производство и реализацию стоматологической услуги: Услуга => Технология => Затраты => Цены => Ценность =>.

– Метод ценностного ценообразования, обеспечивающий стоматологической клинике получение большей прибыли за счет достижения оптимального соотношения «ценность/затраты»: Потребители => Ценность => Цены => Затраты => Технология => Услуга [3].

– Метод подражания конкурентам, при котором стоматологическая клиника не желает тратить силы и средства на разработку стратегии и тактики ценообразования, считая, что ее конкуренты в своей деятельности не будут работать себе в убыток. Данный метод часто используют небольшие, недавно появившиеся на рынке стоматологические клиники, которые выбирают одну или несколько уже «устоявшихся», достаточно благополучных клиник и устанавливают, ориентируясь на них, свои цены. Подводным камнем при использовании такого метода является невозможность узнать величину и структуру издержек клиник-конкурентов, а также тех целей, которые они перед собой ставят.

Выделяют следующие основные уровни цен:

– Минимальный уровень цены, определяемый затратами.

– Максимальный уровень цены, определяемый спросом или ценностью стоматологической услуги.

– Оптимальный уровень цены для достижения поставленных целей.

– Безразличный уровень цены, при котором пациенту безразлично, в какую клинику обращаться – вашу или к вашим конкурентам (для клиник одного уровня качества стоматологических услуг) [2].

Очень важным является вопрос использования скидок на стоматологические услуги. Широко используя скидки как маркетинговый инструмент стимулирования продаж своих услуг, врачи-стоматологи скорее вынуждены применять их ввиду недостаточной осведомленности о других действенных элементах и приемах маркетинга, которые уместно применять в стоматологической практике как виде бизнеса.

Таким образом, установить оптимальные цены на все виды стоматологических услуг практически невозможно без комплексного подхода к ценообразованию и учета множества факторов. В современных условиях цены на стоматологические услуги не могут устанавливаться без учета изменения запросов и предпочтений пациентов.

Литература:

1. Герчикова И.Н. Методика проведения маркетинговых исследований / И.Н. Герчикова // Маркетинг. – 1995. – № 3. – 34-43 с.
2. Горячев Д.Н. Вопросы организации маркетинга в стоматологической практике / Варламов С.В., Горячев Н.А. // Вестник «ТИСБИ». – 2016. – № 1. – С. 93.
3. Менеджмент и маркетинг, ориентированный на стоимость: Учебник / Т.П. Данько, М.П. Голубев. – М.: ИНФРА-М, 2011. – 416 с.
4. Маркетинговые исследования рынка: Учебник / О.А. Лебедева, Н.И. Лыгина. – М.: ИД ФОРУМ: НИЦ Инфра-М, 2013. – 192 с.
5. Маркетинговое исследование: информация, анализ, прогноз: Учебное пос. / И.К. Беляевский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: КУРС: НИЦ Инфра-М, 2013. – 392 с.
6. Маркетинг: Курс лекций / Л.Е. Басовский. – М.: ИНФРА-М, 2010. – 219 с.
7. Посталюк М.П. Инноватизация пространственных структур развития экономических систем // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 3. – С. 34-38.
8. Postaliuk M., Postaliuk T., Vagizova V. implementation forms of institutional support for traditional and innovative development of national economic systems // Investment Management and Financial Innovations. – 2013. – № 4. – Т. 10. – С. 88-94.

References:

1. Gerchikova I. Methods of marketing research / I.Gerchikova // Marketing. – 1995. – № 3. – 34-43 p.
2. Goryachev D. Questions of marketing organization in dental practice Varlamov S., Goryachev N. // TISBI Bulletin. – 2016. – № 1. – P. 93.
3. Management and marketing, focused on price: Textbook / T.Danko, M.Golubev. – М.: INFRA-M, 2011. – 416 p.
4. Marketing research: Textbook / O.Lebedeva, N.Lygina. – М.: Publishing House FORUM: INFRA-M, 2013. – 192 p.
5. Marketing research: information, analysis, forecast: Textbook / I.Belyaevsky. – 2nd ed. – М.: INFRA-M, 2013. – 392 p.

6. Marketing: Lectures / L.Basovskiĭ. – М.: INFRA-M, 2010. – 219 p.
7. Postalyuk M. Innovatization of spatial patterns of economic systems // Problems of Modern Economics. – 2014. – № 3. – P. 34-38.
8. Postaliuk M., Postaliuk T., Vagizova V. Implementation forms of institutional support for traditional and innovative development of national economic systems // Investment Management and Financial Innovations. – 2013. – № 4. – V. 10. – P. 88-94.

УДК 661.728. 86

**ПРОГРАММА GAUSSIAN 09 ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ
КВАНТОВЫХ РАСЧЕТОВ МОДИФИЦИРОВАННЫХ УСТАРЕВШИХ
И НЕКОНДИЦИОННЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРОДУКТОВ**

**THE GAUSSIAN 09 PROGRAM FOR CARRYING OUT QUANTUM
CALCULATIONS OF MODIFIED OUTDATED AND SUB-STANDARD
INDUSTRIAL PRODUCTS**

УТКИНА Е.И., канд. хим. наук, доцент кафедры «Информационные технологии» Университета управления «ТИСБИ»

E-mail: Utochkamicra@mail.ru

UTKINA E., Associate professor of Chemistry, Information technologies Chair, the University of Management «TISBI»

E-mail: Utochkamicra@mail.ru

Аннотация

Вторичное использование устаревших и некондиционных промышленных продуктов имеет важное народно-хозяйственное значение. В связи с этим весьма актуальной является проблема утилизации огромного количества нитратцеллюлозных композиций с истекшими сроками хранения, содержащих нитраты целлюлозы (НЦ), являющиеся полупродуктом в производстве целого ряда практически ценных материалов.

Ключевые слова: нитраты целлюлозы, модификаты, НДМГ.

Abstract

The recycling of outdated and sub-standard industrial products is of great importance for national economy. In this regard, the problem of utilization of a huge number the nitrate and cellulose compositions with the expired periods of storage containing the cellulose nitrates (CN), which present a semi-product in the process of production of a number of practically valuable materials [1] is very urgent.

Key words: nitrates of cellulose, modificates, NDMG.

В данной работе представлены результаты квантово-химических расчетов вторично использованных устаревших порохов, которые со-

держат до 98% дорогостоящего полимера – нитрата целлюлоз; это направление является актуальным.

Для проведения расчетов была использована программа Gaussian 09, которая является последней версией Gaussian серии электронных программ структуры, используемых химиками, инженерами-химиками, биохимиками, физиками и другими учеными по всему миру, начиная с фундаментальных законов квантовой механики, Gaussian 09 предсказывает энергии, молекулярные структуры, частоты колебаний и молекулярных свойств молекул и реакций в различных химических средах. Gaussian 09 может быть применена к нестабильным видам соединений, которые трудно или невозможно наблюдать экспериментально (например, недолговечных интермедиатов и переходных структур).

Gaussian представляет самые передовые возможности моделирования и включает в себя множество новых функций и усовершенствований, значительно расширяющих круг проблем и систем, которые могут быть изучены. С Gaussian 09 можно смоделировать более крупные системы и более сложные задачи, чем раньше, даже на скромном аппаратном обеспечении компьютера.

Расчеты зарядов по Малликену выполнены с применением двух методов: метода функционала плотности (DFT) в DNP базисе с помощью BLYP гибридной функции и полуэмпирического метода квантовой химии AM1.

Электрофильные или нуклеофильные свойства молекулы определяются по знаку LUMO (значение энергии нижней вакантной орбитали). Если значение LUMO отрицательное, то реагент является электрофилом, если положительное – нуклеофилом. Если же абсолютное значение энергии LUMO стремится к нулю, то данный реагент можно отнести как к нуклеофилу, так и к электрофилу. Максимально отрицательные заряды на атоме кислорода в молекуле HЦ свидетельствуют о наиболее вероятном направлении прохождения электрофильной атаки, максимально положительные заряды на атомах углерода и азота, соответственно, – о нуклеофильной атаке.

Нами рассмотрены модификаты HЦ с ангидридами карбоновых кислот и компонентом ракетного топлива (HДМГ). Исходя из проведенных расчетов видно, что ангидрид относится к электрофильному реагенту (LUMO = -2,25), поэтому, в первую очередь, рассматриваются значения зарядов на атомах кислорода в молекуле HЦ. Наибольший отрицательный заряд у атома кислорода 24 (-0,579). Так как заряды на других атомах кислорода имеют близкие значения, то следующие атаки будут направлены на кислороды в положениях 3 (-0,517), 4 (-0,543), 10 (-0,516), 11 (-0,513), 12 (-0,505). В молекуле ангидрида активным центром реакции является кислород 3 (-0,535). В результате происходит разрыв связей, что приводит к образованию переходного комплекса, ко-

торый затем реагирует с кислородом нитратных групп в местах вероятных электрофильных атак. НДМГ относится к нуклеофильному реагенту ($LUMO = 2,757$), наиболее положительным зарядом являются атомы водорода, которые, отрываясь от атома азота, становятся реакционно активными по отношению к кислороду нитратных групп в молекуле НЦ. При этом на атоме азота возможно уменьшение отрицательного заряда, вследствие чего данный атом становится способен к нуклеофильному замещению.

С учетом этого можно представить ряд наиболее вероятных направлений реакций:

- деполимеризация цепи макромолекулы НЦ;
- раскрытие глюкопиранозного кольца;
- замещение нитратных групп на остатки карбоновой кислоты и НДМГ.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о получении новых продуктов. Это доказывают полученные квантово-химические расчеты при помощи программы Gaussian 09.

В дальнейшем данные расчеты были подтверждены экспериментальными методами и были получены модификаты устаревших порохов с ангидридами карбоновых кислот и компонентом ракетного топлива НДМГ. Так как все вещества в своем первоначальном виде являются высокотоксичными, была проведена токсикологическая оценка новых соединений. И как показали результаты испытаний, полученные модификаты являются нетоксичными веществами.

Литература:

1. Смирнов Л.А., Силин В.С. Конверсия заводов по производству порохов и смесевых ракетных твердых топлив: Учебн. пос. для вузов. – М.: МГХМ, 1994. – Т. 2. – 123 с.

References:

1. Smirnov L., Silin V. Conversion of plants on production of gunpowder and blends of rocket solid fuels: The textbook for higher education institutions. – M.: MGHM, 1994. – V. 2. – P. 123.

**ЧАСТНЫЙ СЕКТОР РЫНКА СТОМАТОЛОГИЧЕСКИХ УСЛУГ
И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ**

**THE PRIVATE SECTOR OF THE MARKET OF DENTAL SERVICES
AND PROSPECTS OF ITS DEVELOPMENT**

ГОРЯЧЕВ Д.Н., канд. мед. наук, ассистент кафедры терапевтической стоматологии Казанского государственного медицинского университета

БАДЕРТДИНОВ И.И., студент стоматологического факультета Казанского государственного медицинского университета

E-mail: ibragim.ksmu@ya.ru

ГОРЯЧЕВ Н.А., канд. мед. наук, доцент кафедры терапевтической стоматологии Казанского государственного медицинского университета

GORYACHEV D., Cand. of Med. Sciences, a lecturer, Therapeutic Dentistry Chair, Kazan State Medical University

BADERTDINOV I., a student of the Faculty of Dentistry of the Kazan State Medical University

E-mail: ibragim.ksmu@ya.ru

GORYACHEV N., PhD., Cand. of Med. Sciences, Associate Professor, Restorative Dentistry Chair, Kazan State Medical University

Аннотация

В статье рассматривается частный сектор рынка стоматологических услуг. Характеризуются факторы, которые влияют на его состояние. Приведены возможные методы укрепления своих позиций на рынке, которые реализуются частными клиниками. Дана оценка возможных перспектив развития рынка платных стоматологических услуг.

Ключевые слова: рынок стоматологических услуг, частная стоматология, перспективы развития стоматологии.

Abstract

The article deals with the private sector of dental services market. It characterizes factors that affect the condition of the market. The authors present possible methods of strengthening position in the market, which are implemented by private clinics. Possible prospects of development of the market of charged dental services are estimated.

Key words: market of dental services, private dentistry, prospects of development of dentistry.

В период становления рыночных отношений в России развитие здравоохранения, в том числе стоматологии, происходило в условиях неопределенности и относительно высокого риска. Приоритеты поли-

тики государства были направлены на обеспечение населения доступной стоматологической помощью путем бесплатного предоставления ему гарантированного минимума стоматологических услуг. Кроме того, только благодаря участию государства в охране здоровья граждан обеспечивались регулярность и системность проведения оздоровительных профилактических мероприятий. В таких условиях в государственный сектор рынка стоматологических услуг постоянно внедрялись новые формы организации и управления. Модернизация структуры и функций стоматологических учреждений, изменение первичной медицинской документации, усложнение методов контроля качества лечения – все эти изменения оказали влияние на состояние рынка стоматологических услуг. Однако данные методы адаптации государственных структур к реалиям жизни не обеспечивали оказания полной и качественной стоматологической помощи.

Дефицит финансов в фонде обязательного медицинского страхования, недостаток бюджетных средств привели к необходимости поиска и использования альтернативных источников финансирования. Чем острее ощущалась нехватка средств ОМС, выделяемых на оказание стоматологической помощи, тем значительнее становилась роль платных стоматологических услуг в удовлетворении финансовых потребностей медицинских учреждений.

В таких условиях замена прежних административно-командных методов управления на экономически более обоснованные методы менеджмента и маркетинга за короткий промежуток времени привела к становлению рынка частных стоматологических услуг. Если вначале это были небольшие стоматологические кабинеты, то сейчас это многопрофильные центры и системы сетевых клиник, которые обслуживают своих клиентов от первого приема и до конца лечения, оказывая все возможные медицинские услуги [7].

Стоит отметить, что основными конкурентами между собой являются не частный и государственный сектора рынка стоматологических услуг, а частные клиники сетевого и несетевого формата. В настоящий момент стремительный рост числа коммерческих клиник заметно замедлился. Новым игрокам стало сложно закрепиться на перенасыщенном рынке стоматологических услуг, а старые постоянно вводят инновации в свою работу, чтобы оставаться конкурентоспособными. Если всего десять лет назад основным методом конкуренции между стоматологическими клиниками являлась их ценовая политика, то сейчас произошел переход к неценовой конкуренции. Стоматологические клиники стараются занять свою нишу на рынке за счет расширения перечня предоставляемых стоматологических услуг, дополнительного сервиса, создания бренда [3].

Эксперты полагают, что сложность выхода на рынок стоматологических услуг обусловлена рядом факторов. И если раньше основными проблемами были высокие затраты на открытие и оснащение клиник, получение лицензии, то сейчас их владельцы, помимо этих проблем, сталкиваются с трудностями подбора качественного персонала, продвижением бренда клиники и пополнением ее клиентской базы.

Наиболее перспективными становятся сетевые стоматологические клиники и многофункциональные центры, которые постепенно вытесняют с рынка небольших игроков вроде частных кабинетов. Это происходит по причине того, что сетевые стоматологические клиники четко ориентированы на свой сегмент клиентов, имеют гибкую ценовую политику, обладают географической распространенностью, что позволяет пациенту оставаться клиентом данной сети независимо от места работы или проживания. Помимо этого, сетевые клиники обладают определенным перечнем оказываемых услуг и стандартами лечения, которые распространяются на все филиалы. Однако сетевые структуры сталкиваются и с рядом сложностей в высококонкурентной среде: оптимизация расходов, управление трудовыми ресурсами, налаживание единой структуры сети и поддержание высоких стандартов оказания стоматологических услуг во всех филиалах [4].

Цены на стоматологические услуги складываются из ряда параметров. Основными являются: уровень квалификации врачей-стоматологов, расходы на используемые материалы, позиционирование клиники и ее техническое оснащение. В формировании ценовой политики любой стоматологической клиники существует два основных подхода. Первый заключается в установлении невысоких тарифов, что обуславливает высокий приток пациентов и обширную клиентскую базу. Однако данный подход не позволяет клинике в полной мере осуществлять принципы персонифицированной стоматологии и использовать дорогостоящие высокотехнологичные материалы и оборудование, оказывать услуги дополнительного сервиса. Второй подход главным образом ориентирован на высокое качество предоставляемых стоматологических услуг. Здесь прибыль достигается не за счет количества клиентов, а благодаря высокой стоимости лечения каждого конкретного случая, обусловленной использованием современного дорогостоящего оборудования, инструментария, дополнительных услуг. На сегодняшний день оба подхода удачно реализовываются действующими игроками на рынке частных стоматологических услуг, так как клиентом частной клиники могут стать люди с самыми разными финансовыми возможностями. А часть клиник составляет договор со страховыми медицинскими организациями и оказывает услуги в рамках программ медицинского страхования.

За 2014-2015 гг. средняя цена на стоматологические услуги выросла на одну пятую часть: с 1551,8 руб. за прием до 1877,9 руб. Главной

причиной роста цен стало существенное подорожание импортных стоматологических материалов, инструментов и оборудования по причине плавающего обменного курса [6].

Руководители многих частных стоматологических клиник сделали выбор в пользу уменьшения расходов на стоматологические материалы за счет использования продукции более дешевых производителей. Часть производителей материалов снизили цены в целях увеличения или сохранения своей доли на рынке. За счет мер оптимизации структуры поставщиков прогнозируется замедление темпов прироста цен на стоматологические услуги [5].

В условиях нестабильной экономической ситуации пациенты старались сократить свои расходы на стоматологические услуги: обращались в стоматологические учреждения по полисам ОМС, откладывая дорогостоящее лечение до лучших времен, оформляли лечение в расщсрочку или в кредит. Доля добровольного медицинского страхования на рынке уменьшилась, так как работодатели были вынуждены оптимизировать расходы на ДМС, нередко исключая стоматологические услуги из полисов [2].

На сокращение натурального объема рынка существенно повлияло снижение доступности стоматологической помощи, которая оказывается в государственных учреждениях. В 2015 г. в России насчитывалось 28,2 тыс. медицинских учреждений, оказывающих стоматологические услуги. По сравнению с предыдущим годом показатель снизился на 5,4% [1]. В результате проводимой реформы здравоохранения при некоторых медицинских учреждениях были закрыты отделения стоматологии.

В ближайшее время спад натурального объема рынка стоматологических услуг продолжится под влиянием различных факторов. Из-за текущей макроэкономической ситуации затраты на здравоохранение как со стороны государства, так и со стороны пациентов будут уменьшаться. Ожидается закономерное уменьшение числа пациентов в сегменте платной стоматологии вследствие падения платежеспособности населения и сокращения корпоративных программ ДМС. Но даже в условиях кризиса рынок стоматологических услуг не теряет своей актуальности: несмотря на нестабильную экономическую ситуацию, частные клиники смогли укрепиться на рынке стоматологических услуг. Если в докризисное время поток пациентов увеличивался в основном за счет обращения по поводу профессиональной гигиены и санации полости рта, то теперь они хотели бы воспользоваться услугами по эстетическому восстановлению своей улыбки. Таким образом, ожидается, что после полного восстановления экономической стабильности именно за счет данных видов стоматологических услуг и будет обеспечиваться прирост рынка.

Литература:

1. Анализ рынка стоматологических услуг в России в 2011-2015 гг., прогноз на 2016-2020 гг. ООО «БизнесСтат». – Режим доступа: <http://businessstat.ru>
2. Горячев Д.Н. Организационно-методические основы медицинского страхования в стоматологии / Д.Н. Горячев, И.И. Бадертдинов, Н.А. Горячев. – Казань: Медицина, 2016. – 48 с.
3. Иванова Е.А. Проблематика управления качеством и конкурентоспособностью стоматологических услуг в условиях рынка / Иванова Е.А., Стоянов И.А. // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. – 2016. – № 10. – С. 83-87.
4. Корнейко О.В. Оценка проблем региональных предпринимательских структур на рынке стоматологических услуг в условиях кризиса / Корнейко О.В., Серова А.А. // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – № 8. – С. 552-555.
5. Куркин М.А. Оценка развития рынка стоматологических услуг // Молодой ученый. – 2015. – № 10. – С. 703-706.
6. Малыгина Т.Ю. Анализ основных тенденций российского рынка стоматологических услуг // Молодой ученый. – 2016. – № 11. – С. 832-836.
7. Манашеров Т.О. Развитие рынка стоматологии в России // ЭКО. – 2011. – № 2. – С. 161-168.
8. Посталюк М.П. Инноватизация пространственных структур развития экономических систем // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 3. – С. 34-38.
9. Postaliuk M., Postaliuk T., Vagizova V. Implementation forms of institutional support for traditional and innovative development of national economic systems // Investment management and financial innovations. – 2013. – № 4. – Т. 10. – С. 88-94.

References:

1. Analysis of the market of dental services in Russia in 2011-2015, The forecast for 2016-2020. «BusinessStat» LLC. – Access: <http://businessstat.ru>
2. Goryachev D. Organizational and methodical bases of medical insurance in dentistry / Goryachev D., Badertdinov I., Goryachev N. – Kazan: Medicine, 2016. – 48 p.
3. Ivanova E. Problems of quality management and competitiveness of dental services in market conditions / Ivanova E., Stoyanov I. // Socio-economic sciences and humanities research. – 2016. – № 10. – P. 83-87.
4. Korneyko O. Assessment of the problems of regional business organizations in the market of dental services in crisis conditions / Korneyko O., Serova A. // International Journal of Applied and Basic Research. – 2015. – № 8. – P. 552-555
5. Kurkin M. Evaluation of development of the market of dental services // Young scientist. – 2015. – № 10. – P. 703-706.
6. Malygina T. Analysis of the main trends of the Russian market of dental services // Young scientist. – 2016. – № 11. – P. 832-836.
7. Manashev T. Development of dentistry market in Russia // ECO. – 2011. – № 2. – P. 161-168.
8. Postalyuk M. Innovatization of spatial patterns of economic systems // Problems of Modern Economics. – 2014. – № 3. – P. 34-38.
9. Postaliuk M., Postaliuk T., Vagizova V. I // Investment Management and Financial Innovations. – 2013. – № 4. – V. 10. – P. 88-94.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ
LAW

УДК 321.01

**НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО
ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА НА ПРИМЕРЕ РОССИИ****SOME ACTUAL PROBLEMS OF MODERN LEGAL STATE
ON THE EXAMPLE OF RUSSIA**

ИБРАГИМОВ Р.И., ст. преподаватель кафедры юридических дисциплин
Альметьевского филиала Университета управления «ТИСБИ»
E-mail: rust_ibra2@mail.ru

IBRAGIMOV R., senior lecturer of legal disciplines, the University management
«TISBI», Almet'yevsk branch
E-mail: rust_ibra2@mail.ru

Аннотация

Впервые о необходимости создания правового государства в России было официально заявлено в Декларации о государственном суверенитете РСФСР от 12 июня 1990 г. По Конституции РФ Россия является правовым государством. Статья 1 Конституции РФ гласит: «Россия есть демократическое федеративное правовое государство». В то же время текущий текст Конституции РФ не раскрывает это понятие.

Ключевые слова: правовое государство, Российская Федерация, Конституция РФ, признаки, закон, приоритет.

Abstract

For the first time about necessity of creation of legal state in Russia was officially declared in the Declaration of state sovereignty of the RSFSR of 12 June 1990. According to the Constitution, Russia is a legal state. Article 1 of the Constitution reads: «Russia is a democratic Federative law-governed state». At the same time, the current text of the Constitution does not reveal this concept.

Key words: legal state, the Russian Federation, the Russian Constitution, signs, law, a priority.

Идея правового государства возникла давно, однако целостная концепция сложилась только в период становления буржуазного общества, когда усилилась всесторонняя критика феодального произвола и беззакония, решительно осуждалась безответственность органов власти перед обществом. Идеи Дж. Локка, Ш.Монтескье, И.Канта и других мыслителей нашли воплощение в конституционном законодательстве

США и Франции в конце XVIII века. Сам термин «правовое государство» утвердился в немецкой литературе в первой трети XIX века.

Впервые о необходимости создания правового государства в России было официально заявлено в Декларации о государственном суверенитете РСФСР от 12 июня 1990 г.

По Конституции РФ, Россия является правовым государством. Статья 1 Конституции РФ гласит: «Россия есть демократическое федеративное правовое государство». В то же время текущий текст Конституции РФ не раскрывает данное понятие.

Правовое государство – это такое государство, чье функционирование основано на праве, и высшей ценностью является человек, его права и свободы.

Сущность идеи правового государства – его последовательный демократизм, утверждение суверенитета народа как источника власти, подчинение государства обществу.

Главное в идее правового государства – связанность государства правом, гарантирующая предсказуемость и надежность действий государства, подчинение государства праву, защиту граждан от возможного произвола государства и его органов.

Согласно современным учебникам по теории государства и права и учебникам по социологии к признакам правового государства можно отнести следующие:

1. Главенство права и закона во всех сферах жизни общества.

По отношению к данному признаку можно привести высказывание председателя Конституционного суда Российской Федерации (далее – КС РФ) Валерия Зорькина: «Мы находимся в переходном этапе своего развития. Россия еще не взяла правовой барьер. Было бы трудно надеяться на это после тысячелетних стереотипов, в которых закон и право отнюдь не на первом месте, а главный принцип был: «давайте жить по правде, а не по закону».

Эти слова были сказаны Зорькиным в связи с нашумевшим делом, которое рассматривалось в Европейском суде по правам человека (далее – ЕСПЧ) по жалобам Сергея Анчугова и Владимира Гладкова. Оба жаловались на то, что они не смогли участвовать в выборах и проголосовать соответствующим образом, находясь при этом в местах лишения свободы (сроком 15 лет). ЕСПЧ их жалобы удовлетворил.

В результате 19 апреля 2016 г. Конституционный суд России впервые разрешил не исполнять решения Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), постановив, что решение Страсбургского суда по делу заключенных Сергея Анчугова и Владимира Гладкова противоречит российской Конституции.

Вывод один: председатель КС РФ признал, что Россия – не полностью правовое государство.

2. Равенство всех перед законом.

Согласно Конституции РФ (ст. 19), в Российской Федерации все равны перед законом и судом.

Грубым нарушением равноправия граждан являются установление ничем не оправданных привилегий для отдельных граждан, введение номенклатурных должностей, на которые не распространяются общие правила приема на работу и увольнения; давление лиц, пользующихся служебным положением, на судебные, правоохранительные органы, чтобы принимались решения, которые устраивали бы их подопечных, и т.д.

3. Разделение властей на три ветви.

Признак налицо. Действительно, в РФ, как и в типичных демократических государствах, три ветви: законодательная, возглавляемая Федеральным Собранием Российской Федерации; исполнительная – Правительством РФ; судебная, включающая в себя на сегодняшний день две категории судов – конституционные суды и суды общей юрисдикции. Соответственно, каждая из ветвей власти независима от иной ветви. «Система сдержек и противовесов» действует и в нашей стране.

4. Приоритет права, прав и свобод личности над государством.

Если в правовом государстве обеспечивается приоритет права и личности, то в не правовом – государство встает над личностью и правом.

Как говорил прусский король Фридрих II Великий: «Народу, как больному ребенку, следует указывать, что ему есть и пить». Есть доля правды в его словах и по отношению к современной России, впитавшей в себя пережитки давнего прошлого.

Нельзя оставить без внимания и один из базовых принципов современного правового государства – взаимная ответственность государства и гражданина.

Осознание такой ответственности приобретает особое значение, поскольку беззаконие и произвол времен тоталитаризма породили безразличие граждан к делам государства, их отчуждение от государственных и общественных дел. Речь идет, прежде всего, о возрождении доверия граждан к государству, об их заинтересованности в его делах, от чего во многом зависит судьба государства. Утверждение личных прав и свобод, развитие демократии должны идти рука об руку с укреплением законности, с осознанием необходимости безусловного уважения закона каждым. Демократия, правовое государство несовместимы ни со своеволием, ни с безответственностью.

Переходя к заключению, можно сделать следующие выводы, что Российскую Федерацию пока очень сложно назвать правовым государством. В нашей стране еще не в полной мере обеспечивается приоритет закона. Кроме того, в России отсутствует эффективная защита прав и свобод человека от произвола государства. Граждане России далеко не

всегда могут безболезненно, в короткие сроки восстановить свои нарушенные права, защитить свои законные интересы.

«Не адаптировались к новой обстановке, складывающейся в России, и многие граждане, которые не знают, как в новых условиях отстаивать свои права, к кому обращаться в тех или иных случаях, каковы обязанности различных государственных органов в отношении защиты их прав, а государственные и муниципальные органы не оказывают помощи гражданам в ориентации их в окружающей социальной среде. Вот почему построение в России правового государства потребует больших усилий и государства, и его граждан в преодолении всех этих трудностей и недостатков».

Литература:

1. Гончар В. Россия официально признала, что она не правовое государство. – (<http://ru.krymr.com/a/27129318.html>).
2. Декларация о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 июня 1990 г.
3. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2001.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ).
5. Лейва М. Глава КС признал Россию не до конца правовым государством. – (<http://www.rbc.ru/politics/17/05/2016/573aea3b9a7947864ecb6860>)

References:

1. Gonchar V. Russia has officially recognized that it is not a legal state. – (<http://ru.krymr.com/a/27129318.html>).
2. Declaration of State Sovereignty of the Russian Soviet Federative Socialist Republic dated June 12, 1990.
3. Kozlova E., Kutafin O. Constitutional Law of Russia (2nd edition, revised and enlarged). – M.: Yurist, 2001.
4. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12/12/1993) (taking into account the amendments made to the Law on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 30.12.2008 № 6-ERPs dated 30.12.2008 № 7-FCL, by 02.05.2014 № 2-FKZ, dated 7/21/2014 № 11-FCL).
5. Leiva M. The Head of the Constitutional Court did not recognize Russia a legal state in full. – <http://www.rbc.ru/politics/17/05/2016/573aea3b9a7947864ecb6860>

**ФОРМУЛА ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА ПОТЕРПЕВШЕМУ
ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРИ ПРИНЯТИИ
КОМПЕНСАЦИОННОГО РЕШЕНИЯ****THE CLAIM OF SATISFACTION FOR INJURY TO THE VICTIM
OF CRIME IN MAKING A REPARATION DECISION**

*МУРАТОВА Н.Г., д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского (Приволжского) федерального университета
ХАСАНШИНА Р.Г., канд. юрид. наук, ассистент кафедры ФГОУ ВО
«Казанский национальный технический университет им. А.Н. Туполева-КАИ»*

*MURATOVA N., Doctor of Law, Professor, Criminal Procedure and Criminalistics
Chair, Kazan (Volga) Federal University
KHASANSHINA R., PhD, Cand. Of Law, Assistant Professor, Kazan State Tupolev
Technical University-KAI*

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы создания единой формулы расчета возмещения вреда потерпевшему от преступления при принятии компенсационного решения.

Ключевые слова: возмещение вреда, потерпевший, компенсационное решение.

Abstract

In the article the authors discuss problems of creating a unified formula for calculating compensation for harm done to victims of a crime when making a reparation decision.

Key words: satisfaction for injury, the victim, the compensation decision.

Современный уголовно-процессуальный институт возмещения вреда потерпевшим базируется на Конституции РФ 1993 г., международно-правовых актах и системе федеральных законов, закрепляющей обеспечение потерпевшим доступа к правосудию и компенсации причиненного преступлением ущерба¹. Об огромной социальной значимости возмещения вреда потерпевшим неоднократно в посланиях Федераль-

¹ Авторы продолжают серию публикаций о проблемах возмещения вреда потерпевшим от преступлений и изучении взаимосвязи при обосновании и принятии ряда уголовно-процессуальных решений: мировое соглашение, прекращение уголовного преследования в связи с примирением сторон, прекращение уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, при постановлении приговора, условно-досрочном освобождении, при выдаче осужденного лица для отбывания наказания, при оказании взаимной правовой помощи и др. В связи с этим текст данной статьи может содержать научные позиции и выводы из ряда ранее опубликованных работ авторов.

ному Собранию РФ говорил Президент РФ: 1) о необходимости соблюдения баланса в уголовном судопроизводстве частных-правовых интересов потерпевшего и публично-правовых интересов общества; 2) о гуманном и разумном разрешении уголовно-правового конфликта, в том числе с помощью компромиссных процедур; 3) о восстановлении социальной справедливости посредством соблюдения интересов потерпевшего¹. Последовательные правовые консультации юридической общественности, в частности, на парламентских слушаниях в Государственной Думе РФ по вопросам механизмов защиты жертв преступлений² актуализировали поиск оптимальных законодательных и процессуальных моделей защиты потерпевших: а) совершенствование процессуального статуса потерпевшего в соответствии с Федеральным законом от 28.12.2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве»; б) оптимизация компенсации вреда за счет создания Национального компенсационного фонда, предложенного Председателем Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкиным³; в) вариативность принятия процессуальных решений в зависимости от возмещения или заглаживания вреда потерпевшему.

Современная законодательная модель связана с назначением уголовного судопроизводства – защитой прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (ч. 1 ст. 6 УПК РФ). В 2013 г. был принят Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве», в котором правовой статус потерпевшего совершенствуется и рассматривается на нескольких уровнях:

– Во-первых, обеспечение потерпевшему компенсации причиненного ущерба. Выполнение осужденным условия о полном либо частичном возмещении вреда потерпевшему является обязательным при условном и условно-досрочном освобождении (изм. ст.ст. 74, 80, 86 УК РФ, 175, 188, 190 УИК РФ). Большинство ученых и правоприменителей в настоящее время волнует вопрос о том, в каких случаях необходимо полное возмещение вреда потерпевшему, а в каких – частичное. И что значит частичное возмещение вреда – больше или меньше половины от установленного судебным актом размера ущерба? Предполагается, что данный вопрос остается на усмотрение суда с учетом фактических

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.11.2009 г. «Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации» // Российская газета. – 2009. – 13 ноября.

² Парламентские слушания на тему от 15 февраля 2007 г. «Проблемы правового регулирования и социального статуса жертв преступности в России» // <http://council.gov.ru/press-center> – вход выполнен 21 мая 2014 г.

³ Интервью Председателя Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации А.И. Бастрыкина «Российской газете» 26 августа 2010 г. // <http://sledcom.ru>. – вход. 10 мая 2014 г.

обстоятельств дела. Кроме того, была введена специальная норма по обеспечению гражданского иска. Однако в качестве меры по обеспечению иска указан только арест на имущество (введена ст. 160.1 УПК РФ), в то время как действующее гражданско-процессуальное законодательство предусматривает иные меры по обеспечению иска (например, запрет на совершение другими лицами действий в отношении предмета спора, ст. 140 ГПК РФ).

– Во-вторых, информационная безопасность потерпевшего. Так, была изменена ч. 3 ст. 161 УПК РФ о недопущении разглашения данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства.

– В-третьих, информационная осведомленность потерпевшего в ходе судебного разбирательства и на стадии исполнения приговора. Существенно увеличены права потерпевших на получение процессуальных актов в ходе досудебного и судебного разбирательства. Потерпевший по ходатайству вправе получать копии процессуальных документов, затрагивающих его интересы, в том числе об отказе в избрании в отношении обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу. Если до окончания прений сторон потерпевший или его законный представитель изъявил желание получать в обязательном порядке информацию о прибытии осужденного к лишению свободы к месту отбывания наказания, о выездах осужденного за пределы учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, о времени освобождения осужденного из мест лишения свободы, суд одновременно с постановлением обвинительного приговора выносит определение или постановление об уведомлении потерпевшего или его законного представителя, копию которого направляет вместе с копией обвинительного приговора в учреждение или орган, на которые возложено исполнение наказания (п. 21.1 ст. 42; ч. 3 ст. 313 УПК РФ). Позже новое положение было дополнено правовой позицией Конституционного суда РФ¹.

– В-четвертых, особое внимание в новом Законе уделено защите прав несовершеннолетних потерпевших. Рассматриваемым Законом была дополнена ст. 137 УК РФ, в новой редакции статьи установлен запрет распространять в СМИ или в иных информационно-телекоммуникационных сетях информацию о личности потерпевшего, не достигшего шестнадцатилетнего возраста. Среди нововведений применение видеозаписи или киносъемки в ходе следственных действий с участием несовершеннолетних. По мнению авторов, это позволит минимизировать участие несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в уголовном судопроизводстве с целью защиты его психического состояния.

¹ Постановление Конституционного суда РФ от 18.03.2014 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности ч. 2 ст. 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кетовского районного суда Курганской области».

Современная система процессуальных решений, которая применяется с учетом взаимосвязи сущности и значения возмещения вреда потерпевшему, состоит в следующих процессуальных решениях:

1) при постановлении обвинительного приговора: а) в качестве смягчающего обстоятельства (п. к) ст. 61 УК РФ, п. 6 ст. 299 УПК РФ) при назначении наказания, в том числе более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (ст. 64 УК РФ); б) при назначении условного осуждения (ст. 73 УК РФ); в) при разрешении гражданского иска (п. 10 ч. 1 ст. 299 УПК РФ). В случае возмещения вреда потерпевшему в добровольном порядке в удовлетворении гражданского иска должно быть отказано, либо иск должен быть удовлетворен частично; г) при разрешении вопроса о вещественных доказательствах; д) при конфискации имущества (ст. 104.3. УК РФ);

2) при вынесении постановления о прекращении уголовного дела: а) в связи с примирением с потерпевшим; б) в связи с деятельным раскаянием; в) по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности; г) о мерах принудительного воспитательного воздействия несовершеннолетнему – обязанность загладить причиненный вред.

Какие проблемы правоприменения существуют и каковы перспективы их решения? Безусловно, наиболее острой проблемой остается исполнение судебного акта в части возмещения вреда потерпевшему. Среди осужденных количество безработных составляет 22 562, нетрудоспособных – 16 616, а трудоспособных, не работающих и не учащих (без постоянного источника доходов), – 437 086. Из них 250 488 ранее судимые¹. Одним из основных выходов из сложившейся проблемы предлагается модель восстановления прав потерпевшего посредством создания фонда жертв преступления (Украина, Азербайджан, Казахстан, Латвия). Так, проект Федерального закона «О потерпевших от преступлений», предполагающий создание Национального компенсационного фонда, уже несколько лет опубликован на сайте Следственного комитета РФ, однако так и не был внесен в законодательный орган.

Вопрос возмещения вреда потерпевшему по нераскрытым преступлениям отчасти решают два постановления Конституционного суда РФ, согласно которым суд вправе присудить компенсацию потерпевшему, если подозреваемый или обвиняемый по делу не был установлен (Постановление от 25 июня 2013 г. № 14-П), или если было отказано в возбуждении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, или если производство по уголовному делу прекращено в связи с истечением срока давности уголовного пресле-

¹ Отчет Судебного департамента при Верховном суде РФ о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2013 г. // URL: <http://www.cdep.ru>.

дования (Постановление Конституционного суда РФ от 11.11.2014 г. № 28-П).

Следующей немаловажной проблемой возмещения вреда потерпевшему является определение размера компенсации вреда. Если имущественный вред, причиненный преступлением, всегда можно оценить, даже в случае причинения вреда жизни и здоровью, то размер компенсации морального вреда всегда был и остается дискуссионной темой среди правоприменителей.

Так, например, законодательная формула возмещения имущественного вреда, причиненного жизни и здоровью потерпевшего, описана в гл. 59 ГК РФ и может быть представлена в виде: $P = Z (Д) \times УТ / 100\% \times К$, где P – размер утраченного заработка, $Z (Д)$ – среднедневная заработная плата (доход) = Общая сумма заработка за 12 месяцев / 12 месяцев / \times количество рабочих дней; $УТ$ – процент утраты профессиональной трудоспособности или процент утраты общей трудоспособности; $К$ – количество дней на амбулаторном или стационарном лечении.

Таким образом, $B = P + ДР$, где B – размер возмещения вреда потерпевшему; P – размер утраченного заработка; $ДР$ – дополнительно понесенные расходы, вызванные повреждением здоровья, в том числе расходы на лечение, дополнительное питание, приобретение лекарств, протезирование, посторонний уход, санаторно-курортное лечение, приобретение специальных транспортных средств, подготовку к другой профессии.

Что же касается размеров компенсации морального вреда, то объективно точно в каждом конкретном случае невозможно определить размер морального вреда, в связи с чем необходимо создать единый механизм определения размера причиненного морального вреда. В частности, А.М. Эрделевским была предложена детально проработанная таблица размеров компенсации презюмируемого морального вреда. С нашей точки зрения, возможно предложение авторской формулы¹ определения размера компенсации морального вреда:

$X = Д \times ПМД / 30 \times К \times П$, где $Д$ – количество дней с момента совершения преступления и до вынесения по делу окончательного процессуального решения; $ПМ$ – прожиточный минимум по основным социально-демографическим группам населения, установленный в субъекте Российской Федерации на день вынесения решения о компенсации морального вреда; $К$ – коэффициент категории преступления: небольшой тяжести – 2, средней тяжести – 3; тяжкие преступления – 4; особо тяжкие – 5; $П$ – коэффициент учета инди-

¹ Формула расчета компенсации морального вреда предлагалась также А.М. Эрделевским (Компенсация морального вреда в России и за рубежом. – М.: ФОРУМ: Инфра, 1997), С.Ю. Туровым (см.: Туров С.Ю. Возмещение причиненного преступлением вреда как уголовно-процессуальная функция: теоретико-методологический анализ: Дисс. ... канд. юрид. наук / С.Ю. Туров; Юж.-Ур. гос. ун-т. – Челябинск, 2013. – 214 с.).

видуальных особенностей потерпевшего: несовершеннолетний – 5; преступление совершено в отношении близкого родственника – 4; лица, находящегося в зависимости от виновного (использование служебной, материальной или иной зависимости потерпевшего от виновного, имеющего над ним власть в силу занимаемого положения и злоупотребляющего ею и зависимым положением потерпевшего), – 3; в отношении беспомощного лица (нахождение потерпевшего в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, во сне, обмороке, тяжелом болезненном или ином субъективно опасном состоянии, инвалидность) – 2; во всех остальных случаях коэффициент – 1.

Выводы. Безусловно, представленная формула компенсации морального вреда требует тщательной проработки и проверки правоприменителями. По мнению авторов, назрела необходимость создания законодательного механизма сближения правовых позиций потерпевшего и обвиняемого о возмещении вреда при разрешении уголовно-правового конфликта, который может быть разрешен путем принятия компромиссных процессуальных решений и создания компенсационных моделей уголовно-процессуального договора. Под компромиссными уголовно-процессуальными решениями¹ понимаются правовые акты, выраженные в установленной законом процессуальной форме, являющиеся результатом соглашения между лицом, совершившим преступление, органом государственной власти, осуществляющим уголовное преследование, и лицом, которому данным преступлением причинен вред, или между лицом, совершившим преступление, и органом государственной власти, осуществляющим уголовное преследование, основанное на взаимных уступках каждой из сторон уголовно-правового конфликта. При этом компромиссные уголовно-процессуальные решения бывают двух видов: 1) решения как результат достижения компромисса между лицом, совершившим преступление, потерпевшим и государственным органом, осуществляющим уголовное преследование посредством заглаживания и (или) возмещения вреда потерпевшему; 2) решения как результат достижения компромисса между лицом, совершившим преступление, и государственным органом, осуществляющим уголовное преследование. Поэтому предлагается модель правоотношений при применении комплексного межотраслевого процессуального механизма возмещения вреда потерпевшему и его взаимосвязь с обоснованием процессуальных решений, состоящая в следующем: 1) в существовании механизма межотраслевой взаимосвязи институ-

¹ Хасаншина Р.Г. Сущность и значение возмещения вреда потерпевшим при принятии процессуальных решений по уголовным делам: Дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2014. – С. 14; Муратова Н.Г., Хасаншина Р.Г. Проблемы совершенствования компенсационных механизмов защиты прав потерпевших от преступлений в свете общепризнанных норм и принципов международного права // Муратова Н.Г., Хасаншина Р.Г. Вестник Удмуртского гос. ун-та. – Вып. 4, 2014. – Т. 24. – С. 190-196.

тов гражданского права, уголовного права и уголовно-процессуального права при обосновании значения возмещения вреда при принятии процессуальных решений; 2) в законодательном регулировании системы комплексных процессуальных процедур возмещения и заглаживания причиненного вреда потерпевшему и их значение на принятие процессуальных решений; 3) в обосновании концепции компенсационного уголовно-процессуального договора, сущность которого состоит в обосновании теоретических положений об универсальности межотраслевых институтов: теории гражданско-правового договора, возмещения вреда потерпевшему, обосновании и выборе вариантов процессуальных решений при полном или частичном возмещении вреда; 4) в обосновании концепции информационного вреда потерпевшему. Предлагается авторское понятие «информационный вред потерпевшему»¹, который состоит в неправомерном использовании персональных данных потерпевшего, сведений о его личной и семейной жизни, а также заинтересованное преподнесение фактов о причиненном вреде, демонстрация телесных повреждений, причиненных потерпевшему с использованием Интернет-технологий и СМИ, предложения о неразумно больших компенсационных суммах с целью неправомерного воздействия на потерпевшего и создания условий для противодействия расследованию. Под компромиссными уголовно-процессуальными решениями² понимаются правовые акты, выраженные в установленной законом процессуальной форме, являющиеся результатом соглашения между лицом, совершившим преступление, органом государственной власти, осуществляющим уголовное преследование, и лицом, которому данным преступлением причинен вред, или между лицом, совершившим преступление, и органом государственной власти, осуществляющим уголовное преследование, основанное на взаимных уступках каждой из сторон уголовно-правового конфликта. При этом компромиссные уголовно-процессуальные решения бывают двух видов: 1) решения как результат достижения компромисса между лицом, совершившим преступление, потерпевшим и государственным органом, осуществляющим уголовное преследование посредством заглаживания и (или) возмещения вреда потерпевшему; 2) решения как результат достижения компромисса между лицом, совершившим преступления, и государственным органом, осуществляющим уголовное преследование.

Литература:

1. Хасаншина Р.Г. Сущность и значение возмещения вреда потерпевшим при принятии процессуальных решений по уголовным делам: Дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2014.

¹ Хасаншина Р.Г. Сущность и значение возмещения вреда потерпевшим при принятии процессуальных решений по уголовным делам. – Дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2014. – С. 15.

² Хасаншина Р.Г. Сущность и значение возмещения вреда потерпевшим при принятии процессуальных решений по уголовным делам. – Дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2014. – С. 16.

2. Муратова Н.Г., Хасаншина Р.Г. Проблемы совершенствования компенсационных механизмов защиты прав потерпевших от преступлений в свете общепризнанных норм и принципов международного права // Муратова Н.Г., Хасаншина Р.Г. Вестник Удмуртского гос. ун-та. – Вып. 4, 2014. – Т. 24.

3. Постановление Конституционного суда РФ от 18.03.2014 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности ч. 2 ст. 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кетовского районного суда Курганской области».

4. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда в России и за рубежом. – М.: ФОРУМ: Инфра, 1997.

5. Туров С.Ю. Возмещение причиненного преступлением вреда как уголовно-процессуальная функция: теоретико-методологический анализ: Дисс. ... канд. юрид. наук / С.Ю. Туров; Юж.-Ур. гос. ун-т. – Челябинск, 2013.

References:

1. Khasanshin R.G. The nature and value of compensation for harm to victims in making procedural decisions in criminal matters: Diss. ... Cand. jurid. Sciences. – Kazan, 2014.

2. Muratova N., Khasanshin R. Problems of improving the compensation rights of victims of crime mechanisms in light of the universally recognized norms and principles of international law // Muratova N., Khasanshin R. Bulletin of Udmurt State. Univ. – Ed. 4, 2014. – V. 24.

3. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 18.03.2014, № 5-П «On the case on the constitutionality of art. 399, part 2 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the request made by Ketovsky District Court of Kurgan Region».

4. Erdelevsky A. Compensation for moral damages in Russia and abroad. – М.: FORUM: Infra, 1997.

5. Turov S. Compensation for damage caused by crime as a criminal procedure function: theoretical and methodological analysis: Diss. ... Cand. jurid. Science / Turov S.; Yuzh.-Ur. state. Univ. – Chelyabinsk, 2013.

УДК 347.426.42

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА,
ПРИЧИНЕННОГО В РЕЗУЛЬТАТЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ
ПРОИСШЕСТВИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ****LEGAL PROBLEMS OF COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE
CAUSED BY ROAD ACCIDENTS IN THE RUSSIAN FEDERATION**

БРУСОВА И.В., ст. преподаватель кафедры юридических дисциплин
Альметьевского филиала Университета управления «ТИСБИ»
E-mail: irina.brusova.78@mail.ru

BRUSOWA I., senior lecturer, Jurisprudence Disciplines Chair, the University of
Management «TISBI», Almetьевsk branch
E-mail: irina.brusova.78@mail.ru

Аннотация

Констатируются факты, что по статистике чаще всего моральный вред причиняется именно в результате дорожно-транспортных происшествий и на сегодняшний день существует недостаточный уровень разработанности теоретических основ указанной проблемы. Предлагаются пути совершенствования действующего законодательства, в том числе путем разработки законопроекта Федерального закона «О компенсации морального вреда, причиненного дорожно-транспортным происшествием».

Ключевые слова: моральный вред, дорожно-транспортное происшествие, физическое лицо, моральные, нравственные страдания.

Abstract

The author states the fact that according to statistics, most moral injury occurs because of road accidents and at present there is insufficient elaboration of theoretical bases of the problem. The article presents ways of improving the existing legislation by developing the draft of the Federal Law «On the compensation for moral damage caused by road accidents».

Key words: moral damage, road accident, individual, moral suffering.

Сегодня в связи с техническим прогрессом существенно увеличилось производство различных видов транспорта, практически в каждой российской семье есть автомобиль, что неизбежно приводит к увеличению случаев дорожно-транспортных происшествий. По сводкам правоохранительных органов в результате дорожно-транспортных происшествий ежегодно в мире погибает около 300 тыс. человек, более 10 млн. человек получают травмы.

Если обратиться к статистике, по сведениям ГИБДД в Альметьевском районе в 2015 г. произошло 239 серьезных дорожно-транспортных происшествий, в них погибли 42 человека, в том числе 5 детей, 326 получили серьезные телесные повреждения. В основном ДТП, и как следствие – тяжкие последствия, произошли в результате столкновения транспортных средств, именно по этой причине погибли 25 человек, т.е. почти половина из всех погибших. Также о повышенной аварийности свидетельствует тот факт, что в исследуемый период произошло много наездов на пешеходов (73), из них 9 человек погибли [3].

Учеными было установлено, что у значительного большинства лиц, пострадавших в результате дорожно-транспортных происшествий, моральный вред не исчезает вовсе, а лишь со временем затихает.

Многие современные авторы не согласны с применением термина «моральный вред» в связи с тем, что установленное законодателем содержание данного термина включает физические и нравственные страдания личности, а понятие «мораль» означает совокупность воззрений личности об идеале, добре и зле, справедливости и несправедливости. И такой взгляд на анализируемое понятие имеет под собой определенное основание.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» [2] дается достаточно широкая трактовка понятия морального вреда по сравнению с другими правовыми актами.

Указанное в Постановлении определение подразделяет моральный вред на физические и нравственные страдания. И как мы видим, в определении не содержится упоминания о физическом вреде, а говорится только о физическом страдании. Представляется, что названные понятия не являются тождественными.

Моральный вред, например, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, и т.д.

Физические страдания как одна из разновидностей морального вреда проявляются в негативных ощущениях: боли, головокружении, тошноте, удушье и т.д.

Целесообразным является включение в содержание понятия морального вреда также так называемых «социальных потерь», которые могут выражаться в умалении чести, достоинства, репутации человека, а также в изменении общественного мнения к физическому лицу.

Существенными признаками дорожно-транспортного происшествия являются:

– обязательное участие в нем автотранспортных средств (находящихся в процессе движения или в статичном состоянии) и физических лиц (водителя (ей), возможно, третьих лиц);

– наличие у физических лиц негативных последствий, таких как смертельный исход, телесные повреждения, сопровождающиеся причинением морального вреда;

– наличие у участников события материальных убытков.

В определении дорожно-транспортного происшествия, данном в Федеральном законе «О безопасности дорожного движения» [4], возникновение морального вреда в результате такого происшествия не предусматривается, и получается, что данный нормативный акт полностью не раскрывает всей сущности данного события.

Реалии действительности сегодня таковы, что юридической теории и практике необходима новая трактовка определения дорожно-транспортного происшествия с учетом требований и особенностей текущего времени, когда высшей ценностью в государстве является человек, его права и свободы.

Возможно законодательное закрепление следующего определения дорожно-транспортного происшествия: «это негативное событие, возникшее в процессе движения по дороге транспортного средства и/или с его участием, в результате которого погибли люди или им были причинены телесные повреждения, сопровождающиеся причинением им только морального вреда, либо причинение морального вреда, в результате которого также были причинены убытки. При этом, определяя убытки, нужно исходить из их законодательного определения: должен подлежать возмещению не только реальный ущерб, как указывается в законодательном определении дорожно-транспортного происшествия, но и упущенная выгода.

В связи с тем, что ст. 33 Конституции Российской Федерации [1] предоставляет физическим лицам право на личное обращение за защитой своих прав всеми, не запрещенными законом способами, необходимо в законодательстве закрепить право на досудебное обращение лиц, чьи права были нарушены в результате ДТП, за защитой их нарушенных прав посредством претензий, обращенных к субъектам ответственности за подобный вред, с требованиями о компенсации морального вреда. Данное обращение не будет вступать в противоречие с «основным законом страны», будет признавать действующим и реальным такой способ охраны нарушенных прав, как компенсация морального вреда, а также способствовать гарантированной Конституцией охране нарушенных прав лиц, признанных пострадавшими в результате дорожно-транспортных происшествий.

К участникам гражданского правоотношения по компенсации морального вреда, причиненного автотранспортными средствами, а равно к субъектам рассматриваемого правоотношения относятся, помимо юридических лиц, граждане, иностранные лица и лица без гражданства.

Но говоря о субъективном составе лиц, имеющих право на компенсацию морального вреда, следует отметить, что для устранения противоречий между основным законом государства – Конституцией РФ и Гражданским кодексом РФ, а также для правильного толкования понятия «моральный вред» представляется более целесообразным употребление в нормах гражданского законодательства, затрагивающих проблему морального вреда и его компенсации, в частности в ст. 151 ГК РФ понятие «человек» вместо понятия «гражданин», поскольку последним можно охватить всех участников гражданских правоотношений, имеющих право на компенсацию морального вреда и являющихся физическими лицами.

Определение размера компенсации морального вреда, причиненного в результате ДТП, безусловно, еще одна важная и недостаточно отрегулированная проблема на сегодняшний день.

Указанную проблему определения критериев возмещения морального вреда, а в особенности морального вреда, причиненного в результате ДТП, необходимо решать как можно скорее, поскольку установление федеральными судами различных сумм возмещения при сходных обстоятельствах дела противоречит целям правового регулирования.

В юридической литературе уже давно предлагается введение принципа «презумпции морального вреда». Действительно, включение в действующее гражданское законодательство термина «презумпция морального вреда» способствовало бы наиболее легкому разрешению проблемы компенсации морального вреда, причиненного дорожно-транспортными происшествиями, но не избавило бы от вопроса о размерах его возмещения.

Анализ судебной практики по указанной категории дел показывает, что невозможно понять, почему судом назначается та, а не иная сумма компенсации морального вреда. Как правило, в судебных решениях суды не обосновывают удовлетворенные суммы компенсированного ими морального вреда, причиненного в результате дорожно-транспортных происшествий.

То есть, несмотря на представленные в законодательстве ориентиры, законодатель отказался от регулирования размера морального вреда, оставив данный вопрос на усмотрение суда.

Решить вышеназванные проблемы правового регулирования в исследуемой области можно, в том числе, посредством разработки законопроекта Федерального закона «О компенсации морального вреда, причиненного дорожно-транспортным происшествием», где необходимо затронуть вопросы определения понятия «моральный вред», условий и оснований ответственности за него. Также в нем необходимо закрепить

обязательную компенсацию морального вреда лицам, предоставившим подтверждение наличия такого вреда.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ).

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» (ред. от 06.02.2007 г.) // РГ. – 1995. – 8 февр.; СПС «КонсультантПлюс», 2016.

3. Статистические данные о ГИБДД Альметьевского УВД за 2015 г.

4. Федеральный закон Российской Федерации от 10.12.1995 г. № 196-ФЗ (ред. от 03.07.2016 г.) «О безопасности дорожного движения» (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.07.2016 г.) // РГ. – 1995. – 26 дек.; СПС «КонсультантПлюс», 2016.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12/12/1993) (taking into account the amendments made to the Law on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 30.12.2008 № 6-ERPs dated 30.12.2008 № 7-FCL, by 05.02.2014 № 2-FKZ, dated 21.07.2014 № 11-FCL).

2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court dated 20.12.1994 № 10 «Some issues of application of the law on compensation for moral damage» (as amended on 06.02.2007) // RG. – 1995 – February 8; SPS Consultant Plus, 2016.

3. Statistical data GIBDD Almetyevsk for 2015.

4. Federal Law of the Russian Federation dated 10.12.1995 № 196-FZ (ed. From 03.07.2016) «On Road Traffic Safety» (rev. And ext., Joined. In force from 15.07.2016) // RG. – 1995. – On December 26; SPS Consultant Plus, 2016.

УДК 94(47).084.1

**К ВОПРОСУ О БОРЬБЕ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
С АГРАРНЫМИ БЕСПОРЯДКАМИ В РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ
В 1917 ГОДУ**

**TO THE QUESTION OF THE STRUGGLE OF THE PROVISIONAL
GOVERNMENT WITH THE AGRARIAN UNREST
IN THE RUSSIAN VILLAGE IN 1917**

***ХРИСТИНИН В.В.**, ст. преподаватель кафедры юридических дисциплин
Альметьевского филиала Университета управления «ТИСБИ»*

***KHRISTININ V.**, a senior lecturer, the University of Management «TISBI»
(Almetyevsk branch), Legal disciplines Department*

Аннотация

В статье дается краткий обзор общего положения крестьянского хозяйства в России к 1917 г., аграрной политики Временного правительства в первые

месяцы революции, приводятся архивные документы, подтверждающие рост аграрных беспорядков в деревне.

Ключевые слова: *Временное правительство, аграрная война, земельный вопрос.*

Abstract

This article provides a brief overview of general situation of the peasant economy in Russia by 1917, the agrarian policy of the Provisional Government in the first months after revolution is shown and archival documents confirming the growth of agrarian unrest in countryside are presented.

Key words: *Provisional Government, agrarian war, land issue.*

Падение монархии в феврале 1917 г. привело к тому, что в наследство от царского режима Временному правительству достался и чрезвычайно сложный аграрно-крестьянский вопрос. Сложность его заключалась в том, что по данным Министерства земледелия в 50 губерниях Европейской России в 1916 г. насчитывалось примерно 16 млн. крестьянских дворов, из которых 10% было безземельных, 15% – малоземельных (до 4-х десятин на двор), 37% – среднеземельных (до 8-ми десятин) и 38% – многоземельных.

Эти противоречия требовали скорейшего урегулирования. Тем более сельские жители требовали своей доли в завоеваниях революции; они желали немедленно исправить многовековую несправедливость, они хотели «земли и воли». Среди крестьянского населения высказывалось решение о том, что не дожидаясь Учредительного собрания, нужно весной приступить к отчуждению земель.

Но аграрная политика Временного правительства в первые месяцы революции заключалась в сдерживании аграрного движения мирными средствами и откладывании решения земельного вопроса до Учредительного собрания. 19 марта 1917 г. Временное Правительство объявило, что земельный вопрос не может быть проведен в жизнь путем какого-либо захвата и должен быть решен путем закона, принятого Учредительным собранием. 23 апреля было опубликовано воззвание, в котором население призывалось спокойно ждать нового земельного устройства. Воззвание было подписано министром – председателем и министром земледелия.

Но несмотря на призывы Временного правительства, аграрная война в деревне принимает грубые формы – от потрав и выкосов до захвата земель и поджогов. Частым явлением стали нарушения прав аренды и невыплата арендной платы, принимавшие в масштабах государства глобальный характер (*по сведениям Министерства земледелия в 90-х годах XIX века площадь аренды составляла около 50 млн. десятин, за*

которую ежегодно уплачивалось свыше 315 млн. рублей). Тогда приказом министра-председателя борьба с нарушениями прав частной собственности на землю была возложена на земства, но запретить захват земли, выгон скота на чужие земли, самовольное прекращение уплаты арендной платы и сокращение ее, захват инвентаря, порубки леса и пр., земства не смогли.

Из телеграммы губернского комиссара Головинского председателю Государственной Думы Родзянко о недоверии симбирского крестьянства к аграрной политике Временного правительства:

«9 апреля 1917 г.

...1 – землевладельцы, даже наиболее лояльные, и их управляющие устраняются, высылаются, арестовываются, рабочие снимаются; 2 – производится захват земли, устанавливаются произвольные аренды с обязательством за частновладельческие земли аренду вносить правительству; старые арендные договоры нарушаются; 3 – начинается опасное движение общественников против отрубщиков. [Во] многих случаях жизненные требования заставляют встать на сторону крестьян, самовольно осуществляющих свои права. Крестьянство и органы их сельские [и] волостные комитеты, обманутые [в] земельном вопросе дважды старым правительством (имеется в виду реформа 1861 г. и столыпинская аграрная реформа 1906 г.), несмотря на полные симпатии [к] Временному правительству, не могут затаить недоверия [в] земельном вопросе и стремятся закрепить победы революции...

[В] предположениях правительства прошу не оставить меня без срочного уведомления». [1]

До тех пор, пока крестьяне сводили земельные счета со своими бывшими помещиками без особого кровопролития, волна беспорядков в деревне не принимала катастрофического характера. Но вскоре началась аграрная война внутри – села с селом, деревни с деревней, соседа с соседом.

В губерниях и уездах отмечалась такая тенденция: там, где крестьянские общества имели рядом земли помещиков, там внутри борьбы не было, а где не было рядом крупных частных собственников – там объявлялись притязания на мелких и начинались захваты земли у отрубщиков и хуторян. Если таковые отсутствовали, война за землю разгоралась между волостями и селами, доходя до переделов земли внутри одной деревни. Земля отбиралась и у тех, кто считался зажиточным и применял наемный труд, и у тех, кто обрабатывал ее своим трудом, и размер надела не превышал трудовую норму (отбиралась земля даже у многодетных солдаток, чьи мужья были на фронте, под предлогом, что у них некому ее обрабатывать). Все это вносило растерянность и разлад среди крестьян.

Жалоб со стороны пострадавших от такого самоуправства было так много, что Временное правительство попыталось принять ряд мер по наведению порядка в аграрном секторе. Премьер-министр Временного правительства Г.Е. Львов послал телеграмму № 306 от 3.04.17 г. всем губернским комиссарам и властным структурам с категорическим требованием: «... Всей силой закона прекращать проявление всякого насилия и грабежа в деревнях».[2]

В Среднем Поволжье комиссары Временного правительства старались следовать указаниям центра. С конца марта 1917 г. воинские команды направлялись в уезды Казанской, Симбирской губерний для прекращения аграрных беспорядков.

Из телеграммы губернского комиссара Головинского Алатырскому уездному воинскому начальнику и уездному комиссару о подавлении военной силой аграрных выступлений в Курмышском уезде:

«15 марта 1917 г.

СРОЧНО

Именем Временного правительства предлагаю Вам немедленно направить [в] Курмыш роту полного состава при офицерах, требуя по пути подводы для тяжестей реквизиционным способом. Распоряжение вызывается происходящими беспорядками. Алатырский комиссар должен оказать содействие отправке. Исполнение срочно телеграфируйте.

Губернский комиссар Головинский». [3]

Однако эти меры ожидаемого результата не дали. Например, в Спасском уезде Казанской губернии крестьяне беспорядочно вырубали лес, часть помещичьих посевов подвергали преднамеренной порче, а предводителя местного дворянства, пытавшегося урезонить разбушевавшихся крестьян, жестоко избили^[4].

Для наведения порядка в деревне 21 апреля 1917 г. Временным Правительством были учреждены земельные комитеты, перед которыми была поставлена задача подготовки земельной реформы, предварявшаяся работами по учету количества земли, условий ее отчуждения и т.д. Были также разработаны опросные листы о «желательности земельной реформы» сообразно местным особенностям. Листы включали вопросы об отношении крестьян к частной собственности, способах отчуждения земли, степени возможной социализации и прочие вопросы.

Абсолютное большинство крестьянских обществ стояло за отмену частной собственности навсегда, без выкупа, с передачей всей земли трудовому крестьянству. Но только к декабрю 1917 г. Главным Земельным комитетом были выработаны законопроекты о крупном землевладении, о нормах отчуждения и наделения землей и о контингенте лиц, подлежащих наделению. Но к тому времени ни крупного землевладе-

ния, ни каких бы то ни было нетронутых стихийным аграрным переделом земель в России уже не существовало.

В настоящее время обеспечение населения отечественным продовольствием также является насущной проблемой. Поэтому важно использовать исторический опыт, не повторяя прошлых ошибок и осмысленно применяя наиболее удачные варианты решения схожих проблем.

Литература:

1. ЦГИАЛ, ф. 1278, оп. 10, д. 4, лл. 172-176. Телеграфный бланк.
2. Андреев А.М. Местные Советы и органы буржуазной власти (1917 г.). – М., 1983. – С. 310;
3. Герасименко Г.А., Точеный Д.С. Советы Поволжья в 1917 году. – Саратов, 1977. – С. 48-52.
4. Госархив УО, ф. 2132, оп. 1, д. 14, л. 69.
5. ГАРФ, ф. 406, оп. 2, д. 127, л. 87-91. НАРТ, ф. 1246, оп. 2, д. 69, л. 344-345.

References:

1. TSGIAL, f. 1278, op. 10. 4, sh. 172-176. A Telegraph form.
2. Andreev A. Local councils and the organs of bourgeois power (1917). – M., 1983. – P. 310.
3. Gerasimenko G., Sharp D. The Tips of the Volga region in 1917. – Saratov, 1977. – P. 48-52.
4. State archives of EE, f. 2132, on. 1, D. 14, L. 69/
5. GARF, f. 406, op. 2, d. 127, l. 87-91. NART, f. 1246, op. 2, d. 69, l. 344-345.

**СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА И АННОТАЦИИ МАТЕРИАЛОВ
И СТАТЕЙ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

UNESCO: EDUCATION, SCIENCE, CULTURE

**THE CONCEPTUAL APPROACH TO THE FEDERAL TARGETED
PROGRAM OF THE DEVELOPMENT OF EDUCATION
FOR THE YEARS 2016-2020**

**SOCIAL AND PERSONAL COMPETENCIES AS A SOCIOCULTURAL
PHENOMENON IN THE CONTEXT OF PSYCHOLOGICAL AND
EDUCATIONAL RESEARCH**

*PROKHOROVA E., Senior lecturer, the Chair of Social Service and Tourism,
the University of Management «TISBI»*

E-mail: EProkhorova@tisbi.ru

Abstract

In the article, the author characterizes the phenomenon of «social and personal competence», points out its structure and presents the model structure of its formation.

Key words: social and personal competence, value, cultural and leisure activities.

**SPEECH CULTURE AS AN INTEGRAL PART
OF A FUTURE SPECIALIST**

*TAKHAUTDINOVA M., Senior lecturer, the Humanities Chair, Almetyevsk branch
of the University of Management «TISBI»*

Abstract

This article touches upon the problem of raising the level of speech culture of future graduates. The author sets goals and targets for high quality of training well educated, skilled professionals.

Key words: speech culture, future specialists, urgency, raising the level of education, professionalism, modern society, competent professionals, language norms, communication, component of general culture, intellectual development.

**THE FORMATION OF SPEECH CULTURE OF A FUTURE
BACHELOR-MANAGER IN HIGHER EDUCATION INSTITUTION**

*STENYASHINA L., Candidate of Pedagogical Sciences, associate Professor,
Almetyevsk branch, the University of Management «TISBI»*

E-mail: nadingod13@mail.ru

Abstract

In the article, the problem of development in the context of University speech culture of future bachelors-managers is discussed. Special attention is paid to the formation of an ethical component of the question. The author concludes that most

students lackspeech immunity. The author proposes a set of measures aimed at developing a more responsible attitude towards the word.

Key words: *speech culture, an ethical component of the culture of speech, the formation of professional speech culture, component of professional speech culture, obscene language, speech immunity.*

FUNCTIONS OF THE COPULA VERBS

KHANNANOVA D., *Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Humanities Chair, the University of Management «TISBI», Almetyevsk*

E-mail: *val_dina@mail.ru*

Abstract

The article discusses the features of the copular verb. The author shows that the role of copular verbs in the sentence is not only the expression of grammatical categories in the nominal part of the predicate. The copula verb performs other functions, such as compensatory, coordinating and lexical.

Key words: *compound nominal predicate, copula verb, the function of the copula verb, syntactic contact, syntagmatic connection, semantic information.*

ECONOMICS

ON A NEW TRAINING COURSE «EURASIAN POLITICAL ECONOMY»

MIROPOLSKY D., *Doctor of Economical Science, Professor, St. Petersburg State University*

DYATLOV S., *Doctor of Economical Science, Professor, St. Petersburg State University*

NINTSIEVA G., *Doctor of Economical Science, Professor, St. Petersburg State University*

TARASEVICH A., *Doctor of Economical Science, Professor, St. Petersburg State University*

Abstract

The article discusses the problem of a new academic course – «Eurasian political economy».

Key words: *Political economy, economics, economic theory, Eurasian Political Economy (object, method, function).*

OUTLINES OF EURASIAN POLITICAL ECONOMY

(Reprinted from // Problems of Modern Economics. – 2015. – № 1)

RUMYANTSEV M., *Doctor of Economics, Professor of Economicst St. Petersburg State University*

E-mail: *churila@yandex.ru*

Abstract

The article analyzes a theoretical background of creation of Eurasian political economy. The author comments on the role of personal relationships and manmade factors in Eurasian economic systems. The analysis of major projects of socio-economic development as a universal beginning of Eurasian political economy is given.

The reproduction of life is defined in the context of the ultimate outcome of the economic movement as a whole.

Key words: *political economy in the broadest sense of the word, «the economy, embedded in a society», gift exchange, manmade factors, the particular universal principle of science, the development of projects.*

POLITICAL AND ECONOMIC UNDERSTANDING OF THE ISSUES OF EURASIAN CIVILIZATION THROUGH THE PERSPECTIVE OF ECONOMIC SYSTEMS HETEROGENEITY

(Reprinted from // Problems of Modern Economy. – 2015. – № 3. – P. 89-95)

VEDIN N., *Doctor of Economic Science, Professor of Economics, Kazan Tupolev National Research Technical University-KAI*

GAZIZULLINN F., *Doctor of Economic Science, Professor, Chair of Marketing, St. Petersburg State University of Economics and Finance*

Abstract

The article investigates the conditions necessary for the formation of the Eurasian political economy. The author gives reasons in favor of political and economic understanding of Eurasianism in the light of the economic heterogeneity of economic processes. The article justifies the position according to which a different socio-cultural environment of national economies with the help of a system of cooperation has a specific impact on the economic sphere that is unique for each ethnic group. The authors state a distinction between functional and discursive spaces of co-production as a necessary prerequisite for the analysis of its institutionalization.

Key words: *ethnicity, collective production, cooperation, discourse, institutions.*

ON THE CRITICISM OF EURASIAN POLITICAL ECONOMY

(Reprinted from // Problems of modern economy. – 2015)

POGREBNIYAK A., *Candidate of Economic Sciences, PhD, Associate Professor, Social Philosophy and Philosophy of History Chair, St. Petersburg State University*

Abstract

The article is devoted to the problem of the possibility of Eurasian political economy in the context of the dialectics of general, special and individual, which serves as the logic of development of economic reality itself. The author attempts to estimate the importance that this idea could achieve in the context of present day socio-philosophical discussions about the specifics of modern capitalism.

Key words: *political economy, dialectic, Eurasianism, capitalism, neo-liberalism.*

PROSPECTS FOR RE-INDUSTRIALIZATION OF RUSSIAN ECONOMY IN CONDITIONS OF GLOBALIZATION AND INSTABILITY OF THE GLOBAL ECONOMIC SYSTEM

VAKHITOV D., *Doctor of Economic Science, Head of the Department of Economics, Russian State University of Justice, Kazan branch; Professor of Kazan Cooperative Institute*

Tel.: 8(917)396-88-41

E-mail: vahitov1972@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the study of different aspects and areas of re-industrialization in Russian economy. We consider the external factors affecting Russian economy, which include economic instruments and tendencies of development of scientific and technical progress. Special attention is paid to the analysis of internal factors that affect the socio-economic, scientific, cultural and other aspects of the development of the country.

Key words: *re-industrialization, technological change, the volatility of the foreign exchange and stock markets, public debt, the education system.*

THE FACTORS OF INNOVATIZATION OF LOCAL SOCIO-ECONOMIC AND ECOLOGICAL SYSTEMS IN THE REGION

POSTALYUK M., *Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economic Theory and innovatization of economy, the University of Management «TISBI»; Professor of the Department of Economic Theory KAI*

Tel.: 8(843)294-83-14

E-mail: mp.44@mail.ru

Abstract

The article considers the factors of innovatization of local socio-economic and ecological systems in the region; expands on out their typology, reveals the interaction and impact on the dynamics of an innovation potential.

Key words: *factors of development, innovation potential, spatial socio-economic systems, feedback, innovation entropy, regentropy, self-organization.*

THE INFLUENCE OF INTELLECTUAL PROPERTY ON THE INNOVATIZATION OF RUSSIAN ECONOMY

IKSANOVA L., *Competitor Financial Management Chair, Kazan Innovative University*

Tel.: +7(960)035-33-15

E-mail: liliyari@mail.ru

Abstract

The article describes the features of formation and use of intellectual property in the process of innovatization the Russian economy. The author proposes an economic-statistical model of the influence of the main factors of formation of intellectual property on the share of innovative products in economy, which makes it possible to identify the problem of the factors limiting the activation of innovative processes in Russian economy.

Key words: *intellectual property, factors of intellectual property, innovative processes, innovatization.*

USING THE CLUSTER APPROACH IN THE SYSTEM OF SECURITY INNOVATIZATION RUSSIAN ECONOMIC SPACE

ПОСТАЛЮК М.П., *д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой экономической теории и инноватизации экономики Университета управления «ТИСБИ»*

ВАЛЕЕВА Р.Р., *канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории и инноватизации экономики Университета управления «ТИСБИ»*

POSTALYUK M., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Economic Theory and Innovatization Economy Chair, the University of Management «TISBI»
VALEEVA R., PhD, Associate Professor, Department of Economic Theory and Innovatization Economy, the University of Management «TISBI»

Abstract

The article provides an analytical overview of the concepts of «economic security» and «innovatization». The authors propose innovatization the characteristics of Russian economic space security with the use of a cluster approach.

Key words: *economy, security, strategy, innovations, investments, cluster, regional cluster, an innovative regional clusters, innovative development, economic systems, three-dimensional structures, innovatization economic development, innovation, innovative, innovative saturation of the regional structures of economic growth, the structure of sustainable development of economic systems.*

INNOVATIZATION OF A PRICING STRATEGY IN DENTAL PRACTICE

GORYACHEV D., Cand. of Med. Sciences, lecturer, Therapeutic Dentistry Chair, Kazan state medical University

VARLAMOV S., a student, Therapeutic Dentistry Chair, Kazan state medical University

GORYACHEV N., Cand. of Med. Sciences, Therapeutic Dentistry Chair, Kazan state medical University

Abstract

The article considers the topical formation issues of the prices for dental services. Particular attention is paid to the pricing strategy in the dental business, pricing methods. It emphasizes the dependence of the price of dental services on supply and demand.

Key words: *price, profit, market, dental care, cost, demand, pricing strategy.*

THE GAUSSIAN 09 PROGRAM FOR CARRYING OUT QUANTUM CALCULATIONS OF MODIFIED OUTDATED AND SUB-STANDARD INDUSTRIAL PRODUCTS

UTKINA E., Associate professor of Chemistry, Information technologies Chair, the University of Management «TISBI»

E-mail: Utochkamicra@mail.ru

Abstract

The recycling of outdated and sub-standard industrial products is of great importance for national economy. In this regard, the problem of utilization of a huge number the nitrate and cellulose compositions with the expired periods of storage containing the cellulose nitrates (CN), which present a semi-product in the process of production of a number of practically valuable materials [1] is very urgent.

Key words: *nitrates of cellulose, modificates, NDMG.*

THE PRIVATE SECTOR OF THE MARKET OF DENTAL SERVICES AND PROSPECTS OF ITS DEVELOPMENT

GORYACHEV D., *Cand. of Med. Sciences, a lecturer, Therapeutic Dentistry Chair, Kazan State Medical University*

BADERTDINOV I., *a student of the Faculty of Dentistry of the Kazan State Medical University*

E-mail: *ibragim.ksmu@ya.ru*

GORYACHEV N., *PhD., Cand. of Med. Sciences, Associate Professor, Restorative Dentistry Chair, Kazan State Medical University*

Abstract

The article deals with the private sector of dental services market. It characterizes factors that affect the condition of the market. The authors present possible methods of strengthening position in the market, which are implemented by private clinics. Possible prospects of development of the market of charged dental services are estimated.

Key words: *market of dental services, private dentistry, prospects of development of dentistry.*

LAW

SOME ACTUAL PROBLEMS OF MODERN LEGAL STATE ON THE EXAMPLE OF RUSSIA

IBRAGIMOV R., *senior lecturer of legal disciplines, the University management «TISBI», Almetyevsk branch*

E-mail: *rust_ibra2@mail.ru*

Abstract

For the first time about necessity of creation of legal state in Russia was officially declared in the Declaration of state sovereignty of the RSFSR of 12 June 1990. According to the Constitution, Russia is a legal state. Article 1 of the Constitution reads: «Russia is a democratic Federative law-governed state». At the same time, the current text of the Constitution does not reveal this concept.

Key words: *legal state, the Russian Federation, the Russian Constitution, signs, law, a priority.*

THE CLAIM OF SATISFACTION FOR INJURY TO THE VICTIM OF CRIME IN MAKING A REPARATION DECISION

MURATOVA N., *Doctor of Law, Professor, Criminal Procedure and Criminalistics Chair, Kazan (Volga) Federal University*

KHASANSHINA R., *PhD, Cand. Of Law, Assistant Professor, Kazan State Tupolev Technical University-KAI*

Abstract

In the article the authors discuss problems of creating a unified formula for calculating compensation for harm done to victims of a crime when making a reparation decision.

Key words: *satisfaction for injury, the victim, the compensation decision*

LEGAL PROBLEMS OF COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE CAUSED BY ROAD ACCIDENTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

BRUSOWA I., senior lecturer, Jurisprudence Disciplines Chair, the University of Management «TISBI», Almetьевsk branch

E-mail: *irina.brusova.78@mail.ru*

Abstract

The author states the fact that according to statistics, most moral injury occurs because of road accidents and at present there is insufficient elaboration of theoretical bases of the problem. The article presents ways of improving the existing legislation by developing the draft of the Federal Law «On the compensation for moral damage caused by road accidents».

Key words: *moral damage, road accident, individual, moral suffering.*

TO THE QUESTION OF THE STRUGGLE OF THE PROVISIONAL GOVERNMENT WITH THE AGRARIAN UNREST IN THE RUSSIAN VILLAGE IN 1917

KHRISTININ V., a senior lecturer, the University of Management «TISBI» (Almetьевsk branch), Legal disciplines Department

Abstract

This article provides a brief overview of general situation of the peasant economy in Russia by 1917, the agrarian policy of the Provisional Government in the first months after revolution is shown and archival documents confirming the growth of agrarian unrest in countryside are presented.

Key words: *Provisional Government, agrarian war, land issue.*

УСЛОВИЯ ПОДАЧИ МАТЕРИАЛОВ В ЖУРНАЛ

1. Для издания принимаются ранее не опубликованные авторские материалы – научные (практические) статьи, обзоры (обзорные статьи), рецензии, соответствующие тематике научно-информационного журнала «Вестник «ТИСБИ».

2. Основные требования к содержанию авторских материалов (научная статья, обзор, рецензия на монографию, учебник, рецензия на научную статью).

Научная (практическая) статья. Во вводной части должны быть обоснованы актуальность и целесообразность разработки темы (научной проблемы или задачи). В основной части статьи путем анализа и синтеза информации необходимо раскрыть исследуемые проблемы, пути их решения, обоснования возможных результатов, их достоверность. В заключительной части – подвести итог, сформулировать выводы, рекомендации, указать возможные направления дальнейших исследований.

Обзор (обзорная статья). В обзоре должны быть проанализированы, сопоставлены и выявлены наиболее важные и перспективные направления развития науки (практики), ее отдельных видов деятельности, явлений, событий и пр. Материал должен носить проблемный характер, демонстрировать противоречивые взгляды на развитие научных (практических) знаний, содержать выводы, обобщения, сводные данные.

Рецензия на монографию, учебник – анализ, критический разбор, оценка научного произведения (кроме диссертационных исследований) в жанре газетно-журнальной публицистики. Заглавие рецензии допускается заменять библиографическим описанием рецензируемого произведения. Библиографическое описание оформляется согласно ГОСТ 7.1–2003.

Рецензия на научную статью – отзыв на научную работу перед ее публикацией. Рецензия, которая направляется в научно-информационный журнал «Вестник «ТИСБИ» почтой, электронной почтой (в сканированном виде), по факсу или лично, должна раскрывать актуальность, значимость, научно-теоретическую методологическую и практическую ценность статьи, содержать оценку, характеристику работы, выводы.

2.1. Оформление авторских материалов

В редакцию журнала УВО «Университет управления «ТИСБИ» следует направлять авторские материалы, включающие следующие элементы: индекс УДК (Универсальной десятичной классификации), заглавие публикуемого материала, сведения об авторах, аннотацию, ключевые слова, текст публикуемого материала, список литературы.

Заглавие публикуемого материала, сведения об авторах, аннотацию, ключевые слова и список литературы для публикации в научно-ин-

формационном журнале «Вестник «ТИСБИ» необходимо представлять в редакцию журнала УВО «Университет управления «ТИСБИ» на русском и английском языках.

Материалы, направляемые в издание, должны иметь рецензию доктора или кандидата наук (для аспиранта и соискателя ученой степени – кандидата экономических наук, для докторанта и соискателя ученой степени доктора наук – доктора наук) согласно положению о рецензировании.

Объем авторского оригинала не должен превышать 0,5 авторского листа (20 тыс. знаков с пробелами), или 10 машинописных (компьютерных) страниц формата А4, напечатанных через 1,5 интервала; шрифт Times New Roman размером (кеглем) – 14.

Примечание. При последующей публикации материалов в других изданиях автор обязан сделать ссылку на первичную публикацию в Научно-информационном журнале «Вестник «ТИСБИ» (название журнала, номер, год).

2.1.1. Заглавие должно быть кратким и отражать суть тематического содержания материала. После заглавия необходимо указать сведения об авторах, составителях и других лицах, которые участвовали в работе над рукописью.

2.1.2. Сведения об авторах включают следующие элементы:

- инициалы и фамилию автора;
- ученую степень, ученое звание;
- должность или профессию;
- место работы, учебы (наименование учреждения или организации, населенного пункта), включая подразделение (кафедра, факультет);
- контактную информацию (E-mail или другую контактную информацию для указания в журнале и на сайте издательства);
- наименование страны (для иностранных авторов). Имя автора приводится в именительном падеже. В коллективных работах имена авторов приводятся в принятой ими последовательности.

2.1.3. Аннотацию оформляют согласно ГОСТ 7.9-95, ГОСТ Р 7.0.4-2006, ГОСТ 7.5-98 объемом не более 500 печатных знаков. Ее помещают после сведений об авторах рукописи.

2.1.4. Ключевые слова выбирают из текста материала (кроме передовых статей, докладов, тезисов докладов, научных сообщений, писем в редакцию) и помещают отдельной строкой после аннотации перед текстом публикуемой рукописи. Ключевые слова приводятся в именительном падеже.

2.1.5. Список литературы. Библиографическая часть аппарата статьи должна быть представлена библиографическими ссылками (ГОСТ 7.05-2008) и библиографическими списками в конце материала

(раздел «Список литературы»). При этом автор отвечает за достоверность сведений, точность цитирования и ссылок на официальные документы и другие источники. Иностранное написание слов приводится в скобках, кроме ссылок на литературу.

3. Материалы направляются по e-mail (электронной почте) esabirzyanova@tisbi.ru в редакцию журнала УВО «Университет управления «ТИСБИ» техническому секретарю журнала Сабирзяновой Эльмире Мансуровне .

4. Статьи, направленные в редакцию журнала УВО «Университет управления «ТИСБИ» без выполнения требований настоящих условий публикации, не рассматриваются.

5. В случае отклонения статьи научно-исследовательская часть УВО «Университет управления «ТИСБИ» направляет автору мотивированный отказ.

Примечание. По всем вопросам публикации и работы редакции журнала обращаться к главному редактору, доктору экономических наук, профессору УВО «Университет управления «ТИСБИ» Посталюку Михаилу Петровичу (e-mail: mp.44@mail.ru; сот. тел.: 8(987)296-42-19), заместителю главного редактора, доктору экономических наук, профессору кафедры экономической методологии и истории Казанского (Приволжского) федерального университета Николаеву Михаилу Викторовичу (e-mail: mnikolae@yandex.ru; сот. тел.: 8(903)307-96-56) и техническому секретарю журнала Сабирзяновой Эльмире Мансуровне (e-mail: esabirzyanova@tisbi.ru; сот. тел.: 8(917)237-16-95).

Приглашаем всех к сотрудничеству!

Подписано в печать 15.09.16 Печать ризографическая
Формат бумаги 70x100/16 Гарнитура Arial Усл.-п.л. 16,45
Тираж 100 экз. Заказ № 68

Цена свободная

Издательский центр Университета управления «ТИСБИ»
(лицензия № 0272 от 23.08.1999 г.)
420012, г. Казань, ул. Муштары, 13